

„ПОЛЯКИ“
ЗМЪИНОГОРСКАГО ОКРУГА

М. Швцовоу.

БИБЛІОТЕКА
Союза Кооперативныхъ Общественій
„ЦЕНТРО-СИБИРЬ“

ИЗДАНИЕ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Москва

Кому случалось бывать въ западныхъ предгорьяхъ Алтая, тотъ не могъ не обратить вниманія на селенія такъ называемыхъ „поляковъ“, т. е. русскихъ старовѣровъ, жившихъ ранѣе въ Польшѣ и въ прошломъ столѣтіи поселившихся на Алтаѣ. Названіе „поляковъ“, данное имъ алтайскими старожилами, настолько привилось, что сами старовѣры называютъ себя не иначе, какъ „поляками“, противопоставая себя „сибирякамъ“, т. е. коренному русскому населенію на Алтаѣ.

Селенія поляковъ рѣзко выдѣляются изъ ряда всѣхъ остальныхъ селеній той-же мѣстности: физическій типъ населенія, рѣчь, костюмы, жилища, внутреннее убранство послѣднихъ—все это отмѣчено своеобразными чертами чего-то самобытнаго, туго поддающагося вліянію окружающаго. Даже самое поверхностное наблюденіе „поляковъ“ убѣждаетъ, что передъ нами особая этнографическая группа русскаго населенія края, притомъ весьма устойчивая въ своихъ характерныхъ особенностяхъ.

Въ литературѣ объ алтайскихъ полякахъ имѣется очень мало указаній, да и тѣ касаются болѣе исторіи самой высылки ихъ въ Сибирь; свѣдѣнія-же относительно ихъ жизни уже на Алтаѣ болѣею частью заимствованы у Палласа, посѣтившаго поляковъ вскорѣ послѣ ихъ водворенія на Алтаѣ и удѣлившаго имъ нѣсколько страницъ въ своей книгѣ, чего, конечно, слишкомъ недостаточно для знакомства съ такой интересной этнографической группой.

Располагая лѣтомъ двумя мѣсяцами свободнаго времени, я рѣшила воспользоваться имъ для ознакомленія съ „поляками“ и предложила свои услуги Западно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества, который и командировалъ меня на Алтай для этнографическихъ изслѣдованій поляковъ въ Змѣиногорскомъ округѣ Томской губерніи, въ западныхъ предгорьяхъ Алтая, т. е. въ главномъ районѣ первоначальнаго поселенія ихъ здѣсь.

Результаты своихъ двухмѣсячныхъ наблюденій надъ поляками я

и предлагаю вниманію читателей въ настоящей статьѣ, дополнивъ свои наблюденія свѣдѣніями, доставленными мнѣ В. П. Ивановымъ, которому приношу свою искреннюю признательность.

Благодаря любезности г.г. Томскаго губернатора и начальника Алтайскаго округа, я имѣла доступъ къ архивамъ, какъ горнымъ (архивы Главнаго Управленія и горныхъ конторъ Змѣиногорской и Раддерской), такъ и волостнымъ—въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ поселены поляки—Раддерской, Владимірской, Александровской и Алейской, а также въ Устькаменогорской, въ архивѣ которой хранятся многія старинныя дѣла, относящіяся къ полякамъ. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ этихъ архивовъ, я и составила главнымъ образомъ историческій очеркъ заселенія Алтая поляками и характеристику современныхъ обычноправовыхъ воззрѣній послѣднихъ. Къ сожалѣнію, большинство архивовъ далеко еще не приведено въ порядокъ, и многія дѣла, даже цѣлыя столбы дѣлъ, особенно относящіяся къ прошлому столѣтію, не имѣютъ №№, почему мнѣ пришлось ограничиться лишь указаніями, изъ какого архива былъ взятъ тотъ или иной документъ, безъ ссылки на №, а иногда и безъ даты.

Что касается литературныхъ источниковъ, которыми я пользовалась, то они мною указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту статьи.

I.

Съ переходомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и рудниковъ съ приписанными къ нимъ землями и населеніемъ отъ Демидова въ руки Правительства, т. е. съ 1747 года, начались заботы о скорѣйшей колонизаціи Алтая и защитѣ его отъ беспокойныхъ сосѣдей— сперва джунгарь, а затѣмъ китайцевъ и киргизь, которые часто нападали на ближайшія къ границѣ русскія селенія, грабили ихъ, угоняли скотъ и пр.

Съ цѣлью защиты края была устроена Колывано-Воскресенская пограничная линія казачьихъ редутовъ и форпостовъ, шедшая отъ Иртышской линіи по р. Убѣ до впаденія въ нее рѣчка Шемонаевки, а оттуда къ р. Алею и далѣе къ Змѣиногорскому руднику, Колыванскому заводу и т. д. до г. Війска или Бикатунской крѣпости¹⁾.

Чтоже касается заселенія края, то почти одновременно²⁾ съ указомъ о принятія въ казну Демидовскихъ заводовъ Императрица Елизавета издала другой, повелѣвавшій „по рѣкамъ, текущимъ близъ здѣшнихъ заводовъ, селить пришлыхъ въ Сибирь“, которые „должны зарабатывать на заводахъ подати государекія и помѣщичьевы“, причѣмъ за работу сверхъ обязательной, имъ должны были платить „по существующей цѣнѣ“³⁾. Въ 1749 году подтверждено снова приказаніе приписывать къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ всѣхъ пришлыхъ и присылаемыхъ изъ разныхъ мѣстностей Сибирской губерніи, а въ 1751 году „приговоренныхъ къ смертной и политической казни колодниковъ, содержащихся въ Сибирской губерніи“ повелѣно обращать въ казенныя работы⁴⁾, и въ силу этого повелѣнія къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ въ томъ-же году было приисано 1779 человекъ ссыльных⁵⁾.

1) П. С. Палласъ: „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“ 1770 г.,—Ч. вторая, кн. II. Перев. О. Таманскій, Изд. Акад. Наукъ. С.-Пб., 1786 года.

2) Указъ объ отобраніи заводовъ въ казну изданъ 1-го мая 1747 года, а указъ „о пришлыхъ въ Сибирь“—12-го мая того-же года.

3) Архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа.

4) „Алтай“. Истор.-статистическій Сборникъ. Томскъ. 1896 г.

5) Арх. Гл. Упр. Алт. округа.

Благодаря этимъ мѣрамъ, а также вольной колонизациі, шедшей на ряду съ правительственной, и уже въ 1757 году при Кольвано-Воскресенскихъ заводахъ числилось „всѣхъ заводскихъ людей“ 10935 душъ мужскаго пола, по докладу Олсуфьева¹⁾“.

Въ то же время росло и развивалось горное дѣло на Алтайѣ, а въ половинѣ прешлага столѣтія былъ открытъ рядъ новыхъ рудниковъ (Нижне-Лазурскій, Сосновскій, Николаевскій и др.), что требовало и новаго притока силъ для работъ въ самыхъ рудникахъ, а также, если не больше, и для обезпеченія горно-заводскаго населенія продовольствіемъ: сами горнорабочіе не имѣли времени заниматься земледѣліемъ; доставлять-же на рудники и заводы хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы изъ другихъ мѣстностей было немислимо вслѣдствіе дороговизны и отсутствія путей сообщенія; единственнымъ выходомъ являлось поселеніе вблизи заводовъ крестьянъ-земледѣльцевъ, которые производили-бы достаточное количество хлѣба, какъ для собственнаго потребленія, такъ и для нуждъ горнозаводскаго населенія.

Кромѣ того, въ виду расширенія области русскихъ поселеній на Алтайѣ, прежняя пограничная линія уже не могла служить защитой, такъ какъ она оказалась не на границѣ, а внутри русскихъ областей, почему рѣшено было провести новую линію, которая защищала-бы путь въ русскія области со стороны оз. Зайсана отъ нападенія китайцевъ, завоевавшихъ Джунгарію въ 1758 г., а съ Запада—отъ киргизъ, около того-же времени перекочевавшихъ изъ Средней Азіи въ иртышскія степи. На мѣсто уничтоженныхъ редутовъ и форпостовъ старой линіи—Шемонаевскій, Екатерининскій и др.—предположено было селить крестьянъ для развитія хлѣбопашества въ краѣ; на новой линіи также предполагалось поселить хлѣбопашцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя окажутся удобными для поселенія²⁾.

Съ этою цѣлью стали производить, начиная отъ р. Бухтармы, изысканія мѣстностей, черезъ которыя удобнѣе провести линію, и въ то же время продолжалось приселеніе крестьянъ различныхъ мѣстностей и „сибирскихъ обывателей“ къ Кольвано-Воскресенскимъ заводамъ. Такъ, въ 1759 году къ нимъ приписано 12925 душъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ, а также и изъ другихъ мѣстностей³⁾; въ 1760 году Сенатъ издалъ указъ, разрѣшавшій государственнымъ

¹⁾ П. Словцовъ: „Историческое обозрѣніе Сибири“. Кн. II. С.-Пб. 1886 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ „Алтай“.

крестьянамъ „Архангелогородской, Устюжской и Вятской провинцій“ и „сибирскимъ обывателямъ“ селиться, въ количествѣ 2000 семей, „на состоящихъ въ вѣдствѣ Устькаменогородской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ впадающимъ рѣкамъ во оныя и въ Иртышъ рѣку, мѣстахъ“¹⁾).

Въ 1762 году Сенатъ, на основаніи манифеста Екатерины II, отъ 4-го декабря того-же года, издалъ указъ, которымъ приглашалъ возвратиться добровольно въ отечество русскихъ староверовъ, бѣжавшихъ въ Польшу отъ религиозныхъ преслѣдованій. Добровольно возвратившимся обѣщано было полное прощеніе за всѣ совершенныя ранѣ преступленія и предоставлялось на свободный выборъ вернуться на прежнее мѣсто жительства и въ прежнее состояніе или поселиться на мѣстахъ, обозначенныхъ въ особомъ „реестрѣ“ при указѣ, въ качествѣ государственныхъ крестьянъ; въ числѣ мѣстностей, назначенныхъ для поселенія, кромѣ поименованныхъ въ указѣ 1760 г. мѣсть „по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ“ и пр., были названы губерніи Астраханская, Оренбургская и Бѣлгородская (нынѣшнія Курская и Харьковская). Сверхъ того, добровольно возвратившимся давалась льгота отъ всякихъ податей и работъ на шесть лѣтъ, по истеченіи которыхъ они наравнѣ со всѣми остальными раскольниками подчинялись установленному Петромъ I двойному податному окладу, пользуясь по прежнему свободой относительно вѣроисповѣданія и правомъ носить старинную одежду²⁾. Вслѣдъ за

¹⁾ Арх. Главн. Упр.

²⁾ Тамъ же. Вотъ полный текстъ указа: „Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената. Ея Императорское Величество съ какою Монаршею милостью и благоволеніемъ не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, на поселеніе въ Россію пріемлетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяетъ, прощая всѣ ихъ преступленія, о томъ изъ публикованнаго сего декабря 4 числа манифеста, подписаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою, всѣмъ уже извѣстно. Вслѣдствіе чего Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ дѣлъ, что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшѣ и въ другихъ за границею мѣстахъ не малое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсенія или истязанія, опасаются выходить; а потому, имѣя съ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ конференцію, за благо опредѣлилъ симъ Ея Императорскаго Величества указомъ всѣмъ живущимъ за границею российскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволено будетъ выходить и селиться особливими слободами, не только въ Сибири на Барабинской степи и другихъ порожнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, но и въ Воронежской, Бѣлгородской и Казанской губерніяхъ, на порожнихъ же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ, и жить имъ и дѣтямъ ихъ на такомъ основаніи, какъ

обнародованіемъ этого указа, 22 января 1763 года былъ посланъ другой всѣмъ начальникамъ пограничныхъ съ Польшею городовъ и крѣпостей, а также „всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ тѣхъ мѣстъ,

здѣсь въ Россіи именными блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1716 февраля 8, 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1723 февраля 9 и 1724 годовъ февраля 11 и іюня 4 чисель указами записныхъ раскольниковъ въ двойномъ окладѣ содержать, такъ и по состоявшемуся въ 1721 году духовному регламенту съ оными поступать вѣдно. Которые Его Величества указы для лучшаго имѣ, раскольниковъ, истолкованія и вѣроятія вносятся здѣсь точнымъ ихъ содержаніемъ, а именно: первый указъ 1716 года февраля 8 дня повелѣваетъ: „Гдѣ есть раскольники, тѣхъ во всѣхъ губерніяхъ губернаторамъ, какъ мужеска, такъ и женска полу описать, и описать, положить ихъ въ окладъ противъ настоящаго платежа вдвое?), почему купечество въ посады, а крестьяне съ тиглыхъ своихъ жеребевъ платять вдвое, а которые по описи явятся, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому-жъ, съ женска полу, со вдовъ и съ дѣвокъ, противъ онаго въ полы“. Второй, данный во 2 день марта 1718 году отправленному въ Нижній капитанъ-поручику отъ гвардіи Ржевскому: „Приѣхавъ туда, раскольниковъ всѣхъ, гдѣ они живутъ, переписать и обложить ихъ податями по первому указу, а ежели они хотя и переписаны, а податями вдвое противъ другихъ не обложены, тобъ ихъ немедленно обложить всѣхъ, какъ свѣтскихъ раскольниковъ, которые живутъ домами и обителями, такъ и чернецовъ и черницъ и доправить на нихъ тѣ подати безъ всякаго замедленія“. Третій и четвертый ему же, Ржевскому, данные въ томъ же 1718 и 1719 годахъ: „Чтобы всѣхъ раскольниковъ, ктобъ какого званія ни былъ, по данному указу переписать и положить въ окладъ, а которые обратились и впредь будутъ обращаться, и такихъ отъ побору денежнаго уволить, дабы, на то смотря, и другіе обращались; а которые остались не обратны, съ тѣхъ по прежнему собирать, и къ тому еще съ нихъ-же, раскольниковъ, которые женятся тайно, не у церквей и безъ вѣнечныхъ памятей, наложить особый сборъ, а именно: рубли по три съ челоуѣка мужска и женска полу, на обѣ стороны по ровну, а съ богатыхъ и больше“. Пятый 1723 г. февраля 9, писанный собственною Его Величества рукою на докладныхъ пунктахъ генераль-маіора Салтыкова по переписчиковымъ дѣламъ, класть-ли раскольниковъ и келейныхъ жителей въ расположеііе на полки противъ правовѣрныхъ вдвое: „Быть особливому сбору двойному по указу у Нижегородскаго управителя, а въ подушный не класть“. Шестой 1724 февраля 11: „Раскольниковъ, которые живутъ близъ Повѣнца, объявить Его Императорскаго Величества указъ публично, чтобъ оныя жили въ своихъ мѣстахъ и никуда въ другія мѣста не сходили и не бѣгали, и въ томъ ихъ всѣхъ обязать другъ по другѣ порукою; буде-же кому изъ нихъ случится куда отѣхать для торговыхъ промысловъ, и имѣ брать проѣзжія письма, а безъ такихъ писемъ огнюдь никуда не ѣздить“. Седьмой іюня 4: „Съ раскольниковъ, сколько ихъ гдѣ по перепискѣ явилось, всякія подати, по прежнему 1716 февраля 8 дня указу, брать вдвое, и имѣ, раскольниковъ, по прежнимъ-же Его Императорскаго Величества указамъ, ни у какихъ дѣлъ начальниками

куда пойдутъ раскольники“, чтобы послѣднимъ не только „ни отъ кого никакого препятствія чинено не было“, но чтобы имъ оказывали возможную помощь при поселеніи ихъ, для чего сдѣлать

не быть, а быть токмо въ подчиненныхъ, такожь и въ свидѣтельство нигдѣ ихъ не принимать, кромѣ того, что между собою, и то по случаю“. А въ Духовномъ Регламентѣ, подписанномъ собственною Егожь Императорскаго Величества рукою, явные раскольники отъ живущихъ подъ видомъ православія раскольниковъ, если они простой народъ суть (?), если-же учителя и аки-бы пастыріе раскольниковъ суть, совсѣмъ исключены, и только чтобы по всей Россіи никто отъ раскольниковъ на власти духовныя и гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія, возводимы не были. Итакъ, сямъ Ея Императорскаго Величества указомъ подтверждается, что имъ, возвращающимся изъ за границы раскольниковъ, и ихъ дѣтямъ, яко записавшимся и въ двойной окладъ и по тѣмъ вышеизображеннымъ указамъ положеннымъ, и съ дѣтьми ихъ, никому ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ, а сверхъ того, 1) что они въ разсужденіи добровольнаго ихъ выходу не токмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ, по силѣ вышеозначеннаго изданнаго отъ Ея Императорскаго Величества Манифеста, прощаются и отнюдь никѣмъ истязаны не будутъ; но еще 2) какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оно употребляютъ имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно; а сверхъ того, 3) дается каждому на волю, къ помѣщикамъ-ли своимъ кто иди пожелаетъ, или государственнымъ крестьянами и въ купчество записатся, а противъ желанія никто инако приневолень быть не имѣетъ, и только должны они платить такой раскольниковъ окладъ, какой и прочіе здѣшніе раскольники платятъ, а помѣщикамъ зачитаемы будутъ въ рекруты, или изъ собираемыхъ съ нихъ впредь по прошествіи льготныхъ лѣтъ доходовъ давана будетъ изъ казны нѣкоторая плата, а они ничѣмъ, кромѣ обыкновенныхъ въ казну податей, отягощены не будутъ. И 4) Съ начала выходу ихъ, раскольниковъ, при поселеніи каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льгота на шесть лѣтъ. Однакожь, все вышеозначенное простирается на однихъ только тѣхъ, кои, до состоянія вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества декабря 4 дня сего 1762 году Манифеста изъ отечества своего самовольно отлучась, за границую странствуютъ, а послѣ того всѣ такіе вновь оказующіеся бѣглецы не только на прежнее жительство возвращены, но и жестоко за то сами, да и тѣ, кто имъ въ томъ вспомогали, наказываемы будутъ. 5) Впрочемъ-же, всѣ тѣ выходящіе изъ за границы раскольники имѣютъ безъ опасенія являться на учрежденныхъ пограничныхъ форпостахъ и въ пограничныхъ первыхъ городахъ и крѣпостяхъ, гдѣ кому способіе, а именно: въ Кіевѣ и въ крѣпости Св. Елисаветы, въ Смоленскѣ, въ Псковѣ, въ Великихъ Лугахъ, и на Дону въ крѣпости Св. Димитрія и въ прочихъ пограничныхъ мѣстахъ, у главныхъ въ тѣхъ мѣстахъ командировъ, которымъ повелѣно при томъ ихъ выходѣ чрезъ стоящія на форпостахъ воинскія команды отъ всякихъ обидъ и притѣсненій охранять и, принимая съ запискою мужеска и женска полу душъ, не державъ ни одного дня, развѣ они сами нѣскольکو времени для своего исправленія пробыть пожелаютъ, со всякими ихъ пожитками, давая пашпорты,

надлежащія распоряженія, о числѣ-же поселившихся давать знать въ Сенатъ. При этомъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, „во удовольствіе тѣхъ помѣщиковъ“, годные зачитывались за рекрутовъ, а за негодныхъ ихъ бывшимъ владѣльцамъ должна была выдаваться „нѣкоторая плата“ изъ податей, собранныхъ съ раскольниковъ послѣ окончанія льготнаго срока¹⁾.

13-го мая 1763 года былъ повторенъ Манифестъ 1762 г., а въ 1765 г. Сенатъ снова издалъ указъ, приглашающій бѣглецовъ возвращаться въ Россію „безъ всякаго опасенія и страха“, при чемъ подтверждались обѣщанныя равнѣ льготы, но съ оговоркою, что этими льготами могутъ воспользоваться только добровольно возвратившіеся; относительно-же „не самовольно возвращенныхъ“ заявлялось, что ихъ „повелѣно отправлять въ Сибирь для комплектованія тамъ учреждающихся вновь конныхъ двухъ и пѣхотныхъ пяти полковъ, также и на поселеніе²⁾“. По этому поводу Словцовъ говоритъ,

отпускать, кто куда пожелаетъ, къ поселенію ихъ во опредѣленные и въ печатныхъ реэстрахъ изображенныя мѣста, кои съ того ихъ желанія и въ пашпортахъ точно описывать, и когда въ тѣ показанныя къ поселенію ихъ мѣста они придутъ, тогда на оныхъ и дѣйствительно имъ селиться на основаніи сего публикованнаго указа невозбранно; а дабы имъ, какъ при отпускѣ, такъ и въ пути не токмо нигдѣ ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ поселенію ихъ мѣстъ свободно пропусканы и квартиры имъ безпрепятственно даваны были, равно-же и по прибытіи на опредѣленные мѣста въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинено не было-жь и, не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣнія ничего, показывано-бъ было имъ при томъ новомъ поселеніи все удобъ возможное вспоможеніе, о томъ ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ указами изъ Сената накрѣпко подтверждено и повелѣно для вѣдома, сколько, когда изъ какого званія мужска и женска полу душъ дѣйствительно на то поселеніе придетъ и поселится, о томъ со объявленія ихъ присылать въ Сенатъ вѣдомости⁴⁾. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената декабря 14-го дня 1762 года⁴⁾.

Къ этому указу былъ приложенъ „реэстръ“ мѣстамъ, назначеннымъ для поселенія возвратившихся раскольниковъ; эти мѣста слѣдующія: 1) Въ Сибирской губ., на Барабинской степи; 2) „въ той-же губерніи, на состоящихъ въ вѣдомствѣ Устькаменогорской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ впадающимъ рѣчкамъ во онаы и въ Иртышъ рѣку мѣстахъ“, куда, какъ уже сказано, въ 1760 г. Сенатъ разрѣшилъ селиться крестьянамъ, „которое поселеніе, яко на весьма выгодныхъ мѣстахъ, новымъ переселянамъ въ лучшую способность служить можетъ“; 3) въ Астраханской губ., отъ Саратова вверхъ и внизъ по Волгѣ; 4) въ Оренбургской губ., по рр. Самарѣ и Самарѣ и др. ближайшимъ рѣчкамъ, и 5) въ Бѣлгородской губ., въ Валуйскомъ уездѣ.

¹⁾ Арх. Главн. Упр.

²⁾ Тамъ же.

что „выводимые съ 1763 г. изъ Польши бѣглецы..., оказавшись негодными для предположенныхъ на защиту Сибири ландмилицкихъ полковъ, отсылались на поселеніе въ разныя мѣста для распространенія хлѣбопашества“¹⁾.

По словамъ того же историка Словцова, не смотря на общенныя льготы, изъ Польши никто не явился добровольно²⁾. Въ противоположность Словцову, у П. Милюкова³⁾ мы находимъ указаніе, что въ Оренбургской губ. на р. Иргизѣ было основано нѣсколько „новыхъ монастырей, возникшихъ въслѣдствіе пригласенія Екатерины; а проф. Вѣликовъ⁴⁾ говоритъ даже: „хлынули волной раскольниковъ изъ - за рубежа“ и т. д. Изъ личныхъ опросовъ выяснилось также, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть раскольниковъ пришла на Алтай добровольно. Такъ, въ д. Черемшанкѣ Риддерской волости 80-лѣтній старикъ объяснялъ мнѣ появленіе поляковъ на Алтай слѣдующимъ образомъ: „Наши дѣды по старой вѣрѣ жили. Какъ сталъ царемъ Петръ, нашъ гонитель, они ушли въ Польшу, свою душу спасая. А Екатерина намъ милости дала—мы и вернулись; только на свое мѣсто ужъ не пошли, а тогда въ Сибирь вызывали, вотъ мы и попали сюда“. Еще подробнѣе и опредѣленнѣе рассказывалъ о добровольномъ переселеніи одинъ крестьянинъ с. Бобровскаго г. Иванову, любезно предоставившему въ мое распоряженіе имѣющіяся у него свѣдѣнія о полякахъ Бобровской волости, и я приведу здѣсь этотъ рассказъ дословно. „Мой прапрадѣдушка Василій вотъ что рассказывалъ про себя: „Былъ я у пана завѣдующимъ псарнымъ дворомъ; панъ ѣздилъ на охоту, а я съ собаками за нимъ ходилъ. Воротится панъ домой, накормить собакъ—этимъ же кормомъ и меня кормить. Двое изъ нашихъ давно ужъ подговаривали меня бѣжать въ Сибирь, да я все не рѣшался: догонитъ панъ, думаю, убьетъ! Разъ они говорятъ мнѣ: Мы идемъ; если хочешь идти съ нами, сегодня ночью приходи туда-то, мы и тебя увеземъ“. Пришла ночь, темная такая... Лойду, да какъ подумаю: „догонитъ, не уйти отъ смерти“—и вернусь назадъ..., а потомъ думаю: „жизнь моя хуже смерти—умирать, такъ умирать! Положилъ идти, поклонился на востокъ и пошелъ... Товарищи дожидались меня,

¹⁾ П. Словцовъ: „Истор. Обзор. Сибири“, кн. II.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Милюковъ: „Очерки изъ исторіи русской культуры“. „Міръ Божій“, 1896—97 гг.

⁴⁾ Проф. Вѣликовъ: „Первые русскіе крестьяне—населенники Томскаго края“. Научные очерки Томскаго края, Томскъ, 1898 г.

я съ ними отправился, и добрались мы до Лосихи¹⁾, а потомъ сюда перешли“.

Но на ряду съ подобными разказами о добровольномъ переселеніи на Алтай, въ тѣхъ же селеніяхъ мнѣ пришлось слышать и прямо противоположныя, по которымъ предки разказчиковъ были высланы на Алтай послѣ того, какъ „русскіе взяли Польшу“—подъ этимъ, вѣроятно, нужно понимать усмиреніе возстанія въ Подоліи въ 1768 г.—такъ называемая „Барская конфедерація“. Въ той же Черемшанкѣ, гдѣ я слышала приведенный выше разказъ старика многіе передавали исторію своего поселенія на Алтаѣ совсѣмъ иначе. „Жили дѣды“ разказывали они, „въ хорошемъ мѣстѣ: все тамъ росло, и яблони, и груши, не то, что здѣсь... Да вздумали они бунтовать—ихъ усмирили и сослали сюда. Ссылали нашихъ двумя партіями: одна сюда шла, другая—въ Иркутскъ; безъ всякаго разбора хватали, кто въ какую партію попадетъ: которыя бабы изъ нашихъ въ иркутскую партію попали, къ чужимъ мужикамъ, а ихнія къ намъ.... Потомъ ужъ, дорогой смѣнялись которыя, отпросились у начальства, а другія такъ и ушли въ Иркутскъ“. Подобные же противорѣчивые разказы относительно того, какъ попали на Алтай предки теперешнихъ поляковъ, приходилось слышать и въ другихъ селеніяхъ—въ д. Екатерининской, с. Лосихѣ и Староалейскомъ.

Такимъ образомъ, нужно призвать, что не всѣ алтайскіе поляки принадлежать къ категоріи ссыльныхъ, но среди нихъ есть и добровольные переселенцы. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у меня данныя не позволяютъ опредѣлить точно, какую именно часть всѣхъ здѣшнихъ поляковъ составляла послѣдняя категорія, но, вѣроятно, незначительную, судя, какъ по печатнымъ источникамъ, такъ и по устнымъ разказамъ. Что же касается категорическаго утвержденія такого авторитетнаго лица, какъ покойный историкъ Сибири, будто бы изъ Польши никто не явился добровольно, то, надо думать, это относится собственно къ жителямъ Вѣтки, которые, какъ извѣстно, дѣйствительно отказались переселиться, что въ связи съ ихъ нападеніями на сосѣднія русскія селенія вызвало разгромъ Вѣтки генераломъ Масловымъ и ссылку ея жителей въ Сибирь, о чемъ между прочимъ говорить и проф. Вѣликовъ въ упомянутой выше статьѣ: „Жители польской Вѣтки и раскольническихъ слободъ около нея изъ за рубежа выходить не хотѣли и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбойми, какъ въ самой Польшѣ, такъ

¹⁾ Лосиха или Верхъ-Убинское волостное село Владимірской волости.

и въ сопредѣльныхъ россійскихъ мѣстахъ. Упорство и буйство бѣглецовъ заставило Императрицу послать туда генераль-маіоръ Маслова съ войскомъ: Масловъ разорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до 20000 раскольниковъ, которые и были затѣмъ препровождены въ Сибирь. Немало ихъ было поселено въ Барабинской степи, но особенно много въ Алтайскихъ горахъ, по рр. Убѣ, Ульбѣ, Глубокой и прочимъ притокамъ Иртыша съ правой стороны. Это были прадѣды тѣхъ раскольниковъ, которые нынѣ составляютъ самое зажиточное населеніе въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ, и которые извѣстны тамъ подъ страннымъ именемъ „поляковъ“ (выходцевъ изъ Польши.¹⁾)

Что касается времени поселенія поляковъ на Алтай, то, по свидѣтельству Словцова, оно началось съ 1763 г., т. е. тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ вышеприведеннаго указа 14-го декабря 1762 г.; но, принимая во вниманіе, что большинство алтайскихъ поляковъ пришло съ Вѣтки и сосѣдняго съ нею Стародубья, надо думать, что главная масса ихъ поселена здѣсь послѣ 1764 г., т. е. времени разоренія Вѣтки Масловымъ. Палласъ, посѣтившій Алтай въ 1770 г., уже засталъ существующими всѣ „коренныя“ польскія селенія: Староалейское, Екатерининку, Шемонаиху, Верхъ-Убинское, Секисовку и Бобровку, причемъ Шемонаиху онъ называетъ „новостроенной деревней“, а о Екатерининкѣ говоритъ слѣдующее: рассказавъ о томъ, что сюда, къ полякамъ было приселено „нѣкоторое число россійскихъ ссыльныхъ“, чѣмъ первые были недовольны, такъ какъ ссыльные отличались „тунеядствомъ“, онъ поясняетъ это недовольство такимъ образомъ: „.... ибо они сама съ прихода ихъ лѣтомъ на отведенной имъ землѣ не только успѣли построить свои дворы, но“....²⁾ и т. д. Отсюда можно заключить, что Екатерининка была заселена поляками въ предшествующемъ посѣщенію Палласа, т. е. въ 1769 г., а вѣроятно, и Шемонаиха заселилась около того же времени— иначе Палласъ не назвалъ бы ее „новостроенной“.

Данныя о времени основанія другихъ коренныхъ польскихъ селеній менѣе опредѣленны; можно предполагать только, что они основаны ранѣе, такъ какъ у того же Палласа мы находимъ указаніе, что селеніе Староалейское уже въ его время имѣло 150 дворовъ³⁾, а наврядъ-ли можно допустить, что оно достигло такого многочис-

1) Проф. Д. Н. Бѣликовъ: „Первые русскіе кр.-населенники Томск. края“ Научные очерки Томск. края.

2) „Путешествіе“, ч. 2, кн. II.

3) Тамъ же.

ства въ одинъ годъ, особенно если сопоставить это съ тѣмъ, что въ Шемонаихѣ тогда же было всего 30, а въ Екатерининкѣ 13 дворовъ¹⁾, хотя въ настоящее время Шемонаиха значительно, почти на треть, многочисленнѣе Староалейскаго, а Екатерининская лишь настолько же малочисленнѣе. Относительно Секисовки, В.-Убинскаго и Бобровки Палласъ ограничивается однимъ перечисленіемъ этихъ селеній. Изъ Владимірскаго волостнаго правленія мнѣ дали свѣдѣнія о времени возникновенія сель В.-Убинскаго (Лосихи) и Секисовки, полученныя, по словамъ волостнаго писаря, путемъ разспросовъ стариковъ. Но эти свѣдѣнія, какъ основанныя на разсказахъ мѣстныхъ жителей, большею частью имѣющихъ лишь смутныя воспоминанія о прошломъ, не могутъ быть точны, во-1-хъ, а во-2-хъ, они, очевидно, относятся къ существовавшимъ здѣсь ранѣе казачьимъ поселкамъ (Иртышская пограничная линія), на мѣсто которыхъ уже впоследствии были поселены поляки, селенія которыхъ иногда, какъ въ Бобровкѣ и Лосихѣ, образовывались рядомъ съ казачьими, иногда же лишь на мѣстѣ послѣднихъ, а казаки переводились во вновь открываемые форпосты и редуты: такъ, годомъ основанія Лосихи показанъ 1737, а Секисовки—1747 г., т. е. время, когда не возникало еще и мысли о поселеніи поляковъ на Алтаѣ; казачьи же поселки того же названія могли въ то время существовать, такъ какъ тогда уже была устроена значительная часть Иртышской пограничной линіи.

Резюмируя сказанное, я прихожу къ выводу, что періодомъ заселенія Алтая поляками нужно считать 60 годы прошлаго столѣтія, именно съ 1763 по 69 г., когда основаны были слѣдующія селенія: Верхъ-Убинское (Лосиха) и Секисовское теперешней Владимірской волости, с. Шемонаевское и д. Екатерининская Александровской вол., с. Бобровское—Бобровской и Староалейское Алейской вол., а, можетъ быть, также с. Шипуниха и д. Каменка Алейской же вол., такъ какъ, по словамъ поляковъ, эти селенія принадлежатъ къ числу „самыхъ старинныхъ, коренныхъ нашихъ селеній, куда еще наши прадѣды пришли“; впрочемъ, я должна оговориться, что о времени образованія этихъ двухъ селеній я не нашла никакихъ указаній ни въ печатныхъ, ни въ архивныхъ источникахъ.

Всѣ жители названныхъ селеній, какъ пришедшіе добровольно, такъ и сосланные, были поселены на правахъ государственныхъ крестьянъ, съ обязательствомъ платить двойной податвой окладъ,

¹⁾ Путешествіе, ч. 2, кн. II.

установленный для всѣхъ раскольниковъ Петромъ I. При поселеніи, наравнѣ съ другими поселенцами въ Алтаѣ, полякамъ выдавалось отъ казны „сѣмянъ для засѣва 3 десятинъ, покосовъ на 50 копенъ. казеннаго хлѣба 54 пуда и 5 р. на лошадь въ видѣ безвозвратнаго пособия“¹⁾. Переселенцы добровольные, сверхъ того, пользовались шестилѣтней льготой отъ всякихъ податей и повинностей.

Какъ сказано, польскія селенія устраивались возлѣ бывшихъ казачьихъ форпостовъ, редутовъ и зацѣтъ, жители которыхъ, казаки, частью оставались на своихъ старыхъ мѣстахъ и образовывали рядомъ съ польскимъ селеніемъ особый казачій поселокъ, имѣвшій свое особое устройство и управленіе, — такъ было, напримѣръ, въ сс. Лосихѣ и Бобровкѣ; но большей частью казаки уходили на новую линію. Нѣкоторые изъ казаковъ подъ вліяніемъ поляковъ переходили въ старую вѣру — „воспринимали древнее благочестіе“, какъ выражаются старовѣры, но большинство осталось православнымъ и держалось особнякомъ отъ послѣднихъ. Въ тѣ же селенія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя изъ нихъ присылались и російскіе ссылки, представлявшіе также чуждый полякамъ элементъ и лишь впоследствии, чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время, слившіеся съ ними.

Можетъ быть, изъ-за этого сосѣдства православныхъ, грозившаго, по мнѣнію старовѣровъ, опасностью чистотѣ „древляго благочестія“, изъ-за нежеланія „мірщиться“, быть въ общеніи съ иноконіанами, раскольники, оглядѣвшись нѣсколько на новыхъ мѣстахъ, вскорѣ же начали расселяться по окрестностямъ и образовывать новыя селенія, состоявшія уже исключительно изъ „своихъ“, и уже въ концѣ прошлаго вѣка явились три новыя деревни, населенныя исключительно поляками: Малая Убинка, онованная въ 1787 г., Быструха — въ 1790 и Черемшанка — въ 1799, а затѣмъ, въ XIX вѣкѣ и остальные, существующія въ настоящее время.

На ряду съ стремленіемъ обособиться, въ расселеніи поляковъ могъ играть роль и недостатокъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ удобныхъ земель, конечно, относительный, простиравшійся большею частью изъ незнакомства съ мѣстными условіями и неумѣнья бороться съ природой. Такъ, о д. Староалейской Палласъ говоритъ слѣдующее: „Но сія многочисленная деревня не токмо имѣетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, но также и въ доброй пахотной землѣ... Жители не имѣли почти съ самаго перваго времени ихъ поселенія ни одной доброй жатвы

¹⁾ П. Словцовъ: „Ист. Об. Сибири“, кн. II.

и должны необходимо при всемъ своемъ раченіи придти въ худыя обстоятельства, если показанная имъ столь худая земля не будетъ переимѣнена¹⁾. Въ Лосихѣ старики рассказывали мнѣ, что раньше „трудно жить было: кругомъ лѣсъ, звѣри всякіе водились. На пашню ѣдешь съ ружьемъ; лѣсъ огромный—топоръ не беретъ; каждый кусокъ земли чистить да корчевать приходилось... А народу у насъ мало было, силъ-то и не хватало—ну, и разѣзжались по разнымъ мѣстамъ, гдѣ попривольѣй“.

Вѣроятно, на образование новыхъ поселковъ вліяло также и быстрое возрастаніе населенія. Такъ, въ 1770 г., по даннымъ Палласа, въ Шемонаихѣ было 30 дворовъ, въ Староалейской—150 всего населенія, вмѣстѣ съ сыльными и остававшимися еще на старыхъ мѣстахъ семьями казаковъ, въ Екатерининкѣ 13 дворовъ поляковъ (однихъ), а изъ вѣдомости о взысканіи податей въ 1781 г.²⁾ у однихъ поляковъ, за вычетомъ остальныхъ группъ населенія, было *податныхъ душъ* муж. пола: въ Шемонаихѣ 66, въ Староалейской—178, въ Екатерининкѣ—60, Лосихѣ—91, Секисовкѣ—276, Бобровкѣ—194. Такъ какъ свѣдѣнія о числѣ собственно поляковъ за 1770 г. имѣются относительно одной только Екатерининки, то опредѣлить степень увеличенія народонаселенія можно только въ ней-же. Считая въ среднемъ даже по двѣ податныя души на дворъ, что въ сущности будетъ болѣе средняго³⁾, въ 1770 г. въ Екатерининкѣ было всего 26 такихъ душъ, а въ 1781 г.—уже 60, т. е. за 11 лѣтъ населеніе возросло болѣе, чѣмъ вдвое. Относительно прочихъ селеній, за отсутствіемъ цифровыхъ данныхъ собственно о полякахъ за 1770 годъ, можно высказать только предположеніе, что, при одинаковости главныхъ условій поселенія въ нихъ и Екатерининкѣ, и приростъ населенія долженъ былъ также быть приблизительно одинаковъ.

Какъ государственные крестьяне, поляки были свободны отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, почему и не занимались никакими заводскими работами. Попавъ въ глухой, отдаленный край, гдѣ не было никакихъ стороннихъ занятій, кромѣ горнаго дѣла, имѣвшаго уже свой постоянный контингентъ рабочихъ, они, естественно, занялись хлѣбопашествомъ, развитіе котораго на Алтаѣ, ради нужды

¹⁾ „Путешествіе“, ч. II.

²⁾ Архивъ Устькаменогорскаго волостнаго правленія въ с. Глубокомъ, куда перенесена большая часть архива бывшей Крутоберезовской вол., къ которой ранѣе принадлежала вся описываемая мѣстность.

³⁾ По статистическимъ даннымъ, въ Алтаѣ на дворъ въ среднемъ приходитъ менѣе 1,5 податныхъ душъ м. п.

того же горнаго дѣла, и составляло главную цѣль ихъ поселенія здѣсь. Уже Палласъ, посѣтившій ихъ всего лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ прихода сюда, говорить о шемонаевскихъ жителяхъ: „Онымъ поселянамъ можно въ честь поставить, что они весьма рачительные и добрые земледѣльцы“, а екатерининцевъ называетъ „трудолюбивыми земледѣльцами“ и рассказываетъ, что уже тогда, т. е. на второй годъ ихъ прибытія на Алтай, у нихъ было двѣ мельницы-мутовки¹⁾. Помимо развитія хлѣбонашества, западный Алтай, по свидѣтельству того же Палласа, обязанъ полякамъ и развитіемъ огородничества и пчеловодства; послѣднее въ настоящее время составляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ промысловъ края.

Въ одинаковыхъ условіяхъ съ поляками стояли и русскіе „колодники“, по своему положенію ничѣмъ не отличавшіеся отъ первыхъ и скоро настолько слившіеся съ ними, что въ настоящее время уже нѣтъ возможности опредѣлить, кто изъ жителей является потомкомъ поляковъ, и кто—колодниковъ,—всѣ безразлично называютъ себя поляками. Только тѣ селенія, гдѣ колодники поселены были отдѣльно,—Выдриха, Большая Рѣчка и др.—еще помнятъ свое происхожденіе, и жители ихъ отличаютъ себя объ поляковъ; но и у нихъ въ большинствѣ случаевъ существуетъ самая тѣсная связь съ поляками: всѣ они также принадлежатъ къ единовѣрцамъ и старобрядцамъ, а д. Выдриха, заселенная въ 1747 году „колодниками“ изъ Ишимскаго округа Тобольской губерніи, является даже въ нѣкоторомъ родѣ религіознымъ центромъ для бѣглопоповцевъ, священникъ которыхъ одно время жилъ здѣсь, и поляки охотно роднятся съ выдринцами, почему большинство жителей этой деревни теперь представляетъ уже помѣсь ишимцевъ и поляковъ.

Вотъ и все, что даютъ документальныя данныя относительно времени и первоначальныхъ условій поселенія поляковъ на Алтай. Еще менѣе свѣдѣній имѣется касательно ихъ мѣстожителства до побѣга въ Польшу, и здѣсь приходится ограничиться исключительно разсказами самихъ поляковъ, воспоминанія которыхъ о прошломъ обыкновенно очень смутны.

Извѣстно, что они, за немногими исключеніями, переселились на Алтай съ такъ называемой Вѣтки и Стародубья, этихъ знаменитыхъ центровъ раскола. Печатные источники²⁾ даже и не упоминаютъ о другихъ пунктахъ выхода поляковъ. Но вотъ разсказъ бобровскаго крестьянина, сообщенный мнѣ уже упомянутымъ В. П. Ивановымъ,

¹⁾ „Путешествіе“, кн. II.

²⁾ Палласъ, Слобцовъ, Ядринцевъ и др.

долгое время бывшимъ народнымъ учителемъ въ с. Торханскомъ Бобровской волости¹⁾ „Когда стали тѣснить за приверженность къ старымъ книгамъ, старики наши съ Федосѣемъ Васильевичемъ²⁾ бѣжали къ Ригѣ, гдѣ и поселились. Тамъ сторона польская, панъ къ пану“, и т. д. Въ с. Староалейскомъ мнѣ также говорили, что „наши предки жили въ Польшѣ, гдѣ-то около Балтійскаго моря“. Отсюда слѣдуетъ, что не всѣ поляки пришли на Алтай изъ Подоліи, но были выходцы и изъ другихъ областей Польши.

О первоначальномъ своемъ мѣстожителствѣ, откуда они бѣжали въ Польшу, помнятъ лишь очень немногіе. Приведенный рассказъ бобровскаго крестьянина о томъ, что „наши предки бѣжали съ Федосѣемъ Васильевичемъ“, позволяетъ предположить, что эти предки жили ранѣе въ Новгородскомъ краѣ, такъ какъ извѣстно, что родоначальникъ федосѣевщины былъ тамъ дьячкомъ до своего побѣга въ Польшу. Въ с. Староалейскомъ мнѣ совершенно опредѣленно называли своей родиной посадъ Клиницы Тверской губ.³⁾, откуда „старикъ“ бѣжалъ въ Польшу, изъ которой и были высланы на Алтай „за бунтъ противъ бояръ“, въ память чего многіе получили прозвище „боярскій“, обратившееся впоследствии въ фамилію, которую и сейчасъ носитъ значительная часть староалейцевъ. Въ Польшѣ имъ жилось хорошо, пока ихъ не стали „раздавать боярамъ“, изъ-за чего и произошелъ бунтъ; съ Алтая они нѣсколько разъ подавали просьбы о разрѣшеніи вернуться туда. Въ томъ же Староалейскомъ я слышала и другой рассказъ, нѣсколько поясняющій о какомъ „бунтѣ“ идетъ рѣчь. „Прадѣды теперешнихъ стариковъ нашихъ“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ, „при Петрѣ I бѣжали изъ Вятской губ. въ Польшу, на границу Австріи⁴⁾ и жили тамъ до царицы Екатерины, которая взяла за себя эти мѣста, а насъ всѣхъ освободила отъ рекрутчины и отъ подушной подати, и жили мы вольно, сами по себѣ“. Въ благодарность за это они поставили въ каж-

¹⁾ Во избѣжаніе повтореній, оговорюсь здѣсь же, что большинство свѣдѣній о Бобровской волости доставлено мнѣ г. Ивановымъ, которому и приношу благодарность за его любезность.

²⁾ Основатель федосѣевской секты, жившій въ концѣ XVII—началѣ XVIII в.

³⁾ Въ этомъ рассказѣ, повидимому, есть неточность: въ Черниговской губ. есть посадъ Клиницы, населенный раскольниками, и возможно, что предки староалейцевъ бѣжали въ него изъ Тверской губ.; въ воспоминаніи же ихъ потомковъ, эти двѣ различныя мѣстности слились въ одну, хотя увѣренно сказать этого, конечно, нельзя, такъ какъ названія—Клинь, Клиницы встрѣчаются часто и въ сѣверной Россіи.

⁴⁾ Вѣроятно, подъ этимъ надо подразумѣвать ту же Вѣтку или Стародубье.

домъ селеніи статую Екатерины, „чтобы и внуки наши помнили да чтили ее“. Но потомъ оказалось, что льготы были даны на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго ихъ стали привлекать къ отбывавію воинской повинности и „раздавать боярамъ разнымъ“. Тогда они „взбунтовались“, изломали и уничтожили статуи Екатерины, которая будто-бы „обманула“ ихъ, за что были сосланы на Алтай. Надо думать, что первый рассказъ говорить о томъ же „бунтѣ“, вызванномъ, повидимому, недоразумѣніемъ раскольниковъ, которые считала данныя имъ льготы безсрочными. Въ Секисовѣ и селеніяхъ Ряддерской вол. жители помнятъ только, что до пріѣзда сюда они жили „въ теплыхъ мѣстахъ, въ Польшѣ“, а нѣкоторые прибавляютъ, что эти мѣста—„въ Подоліи, на Вѣткѣ“; гдѣ ихъ предки жили раньше, не знаютъ: „ничего не слышали—надо быть, всегда тутъ (въ Подоліи) жили“.

Эти рассказы въ большинствѣ подтверждаются историческими данными или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Наиболѣе труднымъ является согласованіе рассказовъ поляковъ о томъ, что они сосланы „за бунтъ“, съ документальными и печатными источниками, въ которыхъ бунтъ совсѣмъ не упоминается. Но и это кажущееся противорѣчіе, по моему мнѣнію, устраняется вышеприведеннымъ соображеніемъ, а также сопоставленіемъ этихъ рассказовъ съ тѣмъ фактомъ, что въ 1768 г. въ Подоліи происходило усмирное въ томъ же году возстаніе такъ называемыхъ „барскихъ конфедератовъ“, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые изъ русскаихъ подданныхъ, жившихъ въ Подоліи, при чемъ послѣдніе по усмиреніи возстанія были отправлены въ ссылку, и такимъ образомъ могли попасть на Алтай, какъ не самостоятельные бунтовщики, а „подговоренные“ къ бунту „презрительными сочиненіями“, по выраженію Екатерины въ манифестѣ объ объявленіи войны Турціи¹⁾.

Откуда бы ни бѣжали старовѣры въ Польшу, и какъ-бы они ни попали оттуда на Алтай—въ качествѣ добровольныхъ переселенцевъ или ссыльныхъ,—все они, повторяю, въ началѣ своего поселенія стояли въ одинаковыхъ условіяхъ, кромѣ шестилѣтней льготы отъ податей и повинностей, предоставленной добровольнымъ; все они были государственными крестьянами и, какъ раскольники, платили двойную подать, за что назывались „двоеданами“.

Но въ 1779 г. ихъ юридическое положеніе сразу и рѣзко измѣнилось: въ виду расширенія горнаго дѣла на Алтай потребовалось увеличеніе контингента рабочихъ силъ, и 21 мая 1779 г. былъ из-

¹⁾ Манифестъ 19 ноября 1768 г. Арх. Главн. Упр.

данъ манифестъ о припискѣ къ заводамъ крестьянъ „изъ казеннаго вѣдомства“, т. е. государственныхъ, живущихъ въ „ближнихъ къ заводамъ и рудникамъ“ мѣстностях¹⁾). Первой, третьей и четвертой статьями этого манифеста точно опредѣлялось, къ какимъ именно работамъ и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ привлекать приписныхъ къ заводамъ крестьянъ. Такъ какъ на основаніи этого манифеста поляки переведены были изъ разряда государственныхъ крестьянъ въ приписные къ заводамъ, что имѣло огромное вліяніе на ихъ жизнь, то я приведу здѣсь цѣликомъ перечисленные статьи манифеста.

Ст. 1. „Приписнымъ изъ казеннаго вѣдомства казеннымъ и частныхъ людей заводамъ крестьянамъ исправлять, какъ прежде, такъ и нынѣ слѣдующія заводскія работы, а именно:

- „1-е) Рубку куренныхъ дровъ;
- „2-е) разломку кучъ и возку изъ куреней на заводы угля;
- „3-е) рубку дровъ для обжога флюсовъ;
- „4-е) возку съ рудниковъ добытой готовой руды на заводы, также песковъ и всякихъ флюсовъ, къ расплавкѣ рудъ потребныхъ;
- „5-е) дѣло и починку плотинъ въ томъ единственно случаѣ, когда тѣ плотины отъ наводненія или пожара повреждены будутъ“.

Ст. 3-я. „1-е) Наряжать къ рубкѣ дровъ тѣхъ крестьянъ, кои отъ заводовъ далѣе другихъ жительствоуютъ, дабы они, будучи уже отъ конныхъ работъ свободны, не имѣли нужды заводить съ собою лошадей и иныхъ, какъ только имъ самимъ потребно на провозъ собственнаго прокормленія.

„2-е) Ко рубкѣ дровъ крестьянамъ быть на мѣстѣ къ 15-му февраля; ранѣе сего къ работѣ сей ихъ не высылать; домой имъ возвращаться къ 2-му апрѣля; позжѣ же сего при работѣ сей ихъ не удерживать, подѣ опасеніемъ за то и другое взысканія, ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго.

„3-е) Наряжать къ вывозкѣ выжженаго изъ кучъ угля, также рудъ и флюсовъ тѣхъ крестьянъ, кои отъ заводовъ ближе другихъ жительствоуютъ, первымъ зимнимъ путемъ; ранѣе же сего къ работѣ сей ихъ не высылать. Домой имъ возвращаться послѣднимъ зимнимъ путемъ; позжѣ же сего при работѣ ихъ не удерживать, подѣ опасеніемъ за то и другое взысканія, ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго“.

Ст. 4-я. „Хотя симъ распоряженіемъ доставляется приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ болѣе прежняго свободнаго и удобнаго времени, необходимо нужнаго земледѣлію и хозяйству, но во облегче-

1) Арх. Влад. вол. правл.

ніе способовъ къ пропитанію ихъ заблагодарасуждаемъ и повелѣваемъ умножить платежъ за работы симъ приписнымъ крестьянамъ, опредѣляя тотъ платежъ вдвое противъ стараго платежа, а именно: въ лѣтніе дни конному по двадцати копѣекъ, пѣшему по 10 копѣекъ, а въ зимніе конному по 12, пѣшему по 8 копѣекъ въ день, и съ тѣмъ точнымъ предписаніемъ, чтобы они, пользуясь двойною платою, зарабатывали по нарядамъ на прежнемъ положеніи по одному рублю по 70 копѣекъ съ души; больше же того имъ не работать и ихъ подъ опасеніемъ ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго взысканія къ работамъ не принуждать“.

Второй статьей того же манифеста запрещалось требовать отъ приписныхъ крестьянъ исполненія какихъ-либо иныхъ заводскихъ работъ, сверхъ поименованныхъ въ статьѣ первой, а пятая и седьмая статьи устанавливали взысканіе за принужденіе крестьянъ къ „непозволенной работѣ“ или къ работѣ сверхъ опредѣленнаго времени: съ виновнаго взымали „въ пользу обиженнаго пеню вдвое противу положеннаго въ четвертой статьѣ платежа заработнаго“, не считая установленной за работу платы, которая выдавалась въ свою очередь. Добровольный наемъ на работы сверхъ обязательныхъ дозволялся.

Первые годы этотъ манифестъ не имѣлъ практическаго примѣненія, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, гдѣ жили поляки, такъ какъ здѣсь не было еще потребности въ увеличеніи рабочихъ рукъ въ горномъ дѣлѣ, и мѣстные крестьяне оставались фактически на прежнемъ положеніи, повидимому, даже не подозрѣвая о его измѣненіи. Но съ развитіемъ горнаго дѣла на Алтаѣ, съ открытіемъ новыхъ рудниковъ—Риддерскаго, Бухтарминскаго и др.—въ самомъ районѣ поселенія поляковъ, явилась надобность въ новыхъ работахъ, потребовавшихъ новыхъ силъ,—и въ 1798 г. поляки впервые были привлечены къ отбыванію заводскихъ повинностей на ряду съ сосѣдними селеніями¹⁾.

Для поляковъ, до тѣхъ поръ совершенно свободныхъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, это было двойнымъ ударомъ: помимо перехода въ несвободное состояніе, ихъ тяготила и необходимость входить въ близкія сношенія съ православными, отдавать своихъ дѣтей на заводы къ «мірскимъ», отъ которыхъ они ранѣе держались обособленно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось, какъ въ Лосихѣ, жить бокъ о бокъ съ ними.

1) Архивъ Устькаменогорскаго и Владимірскаго волостныхъ правленій.

Въ томъ же 1798 г. поляки, состоявшіе тогда въ вѣдѣніи Крутоберезовской и Убинской земскихъ избъ¹⁾, вмѣстѣ съ старовѣрами-сибиряками сосѣднихъ селеній выбрали своими довѣренными двухъ крестьянъ д. Выдрихи Сухорукова и Кривыхъ и подали черезъ нихъ прошеніе въ канцелярію Колывахо-Воскресевского горнаго начальства о переводѣ ихъ обратно изъ заводскаго вѣдомства въ государственные крестьяне и о разрѣшеніи имъ переселиться на новыя мѣста. Просьбу свою они мотивировали тѣмъ, что, будучи присланы къ заводамъ, они не въ состояніи заботиться объ увеличеніи хлѣбопашества, что составляло главную цѣль ихъ поселенія здѣсь, да и вообще заводскія работы нанесутъ ущербъ ихъ хозяйству, занимая время, нужное для его веденія. Въ томъ же прошеніи они жаловались на недостатокъ хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, почему и просили перевести ихъ на новыя мѣста.

Въ просьбѣ отчисленія изъ заводскаго вѣдомства имъ было категорически отказано, съ заявленіемъ, что „никакого болѣе перечисленія имъ дѣлано не будетъ, а оставаться должны навсегда заводскими крестьянами и на ряду исправлять всѣ оныхъ работы, какъ и прочіе заводскіе крестьяне исправляютъ“. Относительно же перевода ихъ на новое мѣсто они должны подать особое прошеніе въ канцелярію горнаго начальства, которая, если найдетъ нужнымъ, можетъ ихъ переселить въ „Бухтармывское, Ульбинское или другое урочище, которыя всѣ въ окружности заводской, поелику и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ рудники и прииски имѣются“. Это предписаніе канцеляріи Крутоберезовская и Убинская земскія избы должны были „объявить съ подписками“ всѣмъ крестьянамъ своего вѣдомства, „дабы впредь невѣдѣніемъ никто не отговаривался“²⁾.

Изъ документовъ не видно, были-ли еще попытки со стороны поляковъ освободиться отъ обязательныхъ заводскихъ работъ. Если онѣ и были, то во всякомъ случаѣ неудачныя, и съ 1798 по 1861 г. поляки наравнѣ съ остальными алтайскими крестьянами оставались „приписными къ заводамъ“, несли всѣ возложенныя на нихъ манифестомъ 1779 года работы и взаимнѣ воинской повинности были подвержены рекрутскому набору въ горнорабочіе и мастеровые при рудникахъ и заводахъ, и наборъ этотъ производился одновременно

¹⁾ „Земская изба“—административная единица, нѣчто въ родѣ теперешней волости, въ которую она и преобразована, но компетенція ея была гораздо шире, какъ въ сферѣ административной, такъ и въ судебной. Управление земскою избой было въ рукахъ заводскаго управителя.

²⁾ Арх. Владимір. вол. правл.

и на одинаковыхъ условіяхъ съ общегосударственнымъ.

Самой обременительной изъ заводскихъ повинностей была обязанность доставлять руду, дрова и прочій необходимый матеріалъ на заводы и рудники. Селенія, гдѣ были ямскія станціи, отстояли другъ отъ друга на 20—30 и болѣе верстъ; дороги, которыя и сейчасъ оставляютъ желать многого, въ тѣ времена были, конечно, еще хуже, и возчики зачастую ломали сани, загоняли и калѣчили лошадей, въ бывающіе же здѣсь сильныя бураны и морозы отмораживали себѣ руки и ноги, а случалось, и вовсе замерзали, сбившись съ пути и попавъ въ какую-нибудь трущобу. Не легка была и рубка дровъ, такъ какъ лѣсъ къ концу прошлаго столѣтія былъ уже вырубленъ вблизи селеній, и за нимъ приходилось ѣхать въ горы, на склонахъ которыхъ главнымъ образомъ и сохранился нужный для заводовъ хвойный лѣсъ.

Но съ наибольшей враждебностью поляки, какъ раскольники, относились къ рекрутской повинности, въ силу которой они вынуждены были отдавать своихъ дѣтей въ мастерские при рудникахъ и заводахъ и такимъ образомъ терять ихъ навсегда, такъ какъ до 1849 г. служба мастеровыхъ была безсрочная, а новые рекруты посылались въ различные рудники и заводы, сообразно заводскимъ надобностямъ, иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ родины, причемъ ихъ семьи часто даже не знали, гдѣ они находятся. Эта повинность тяжела была для всѣхъ крестьянъ, но для раскольниковъ, считавшихъ грѣхомъ даже случайное общеніе съ православными, она равнялась духовной смерти, такъ какъ при ней неизбежна была потеря „чистоты“, а слѣдовательно, и гибель души. Поэтому они всѣми средствами старались уклониться отъ нея: когда можно было, они откупались отъ нея при помощи взятокъ; если же откупиться не удавалось, бѣжали въ горы, на Бухтарму, въ Уймонъ и другія мѣста—спасались отъ „міра“ въ свою излюбленную „мати-прекрасную пустыню“, еще не оскверненную присутствіемъ челоуѣка. Такимъ образомъ, въ глуши Алтая, въ трудно проходимыхъ и почти недоступныхъ горныхъ дебряхъ появлялись новыя русскія селенія, распространялась русская колонизація края.

Этимъ я и закончу историческій очеркъ поселенія поляковъ на Алтаѣ и перейду къ ихъ современному положенію.

II.

Районъ первоначальнаго поселенія поляковъ занимаетъ сѣверозападные склоны Алтая, переходящіе постепенно, рядомъ все болѣе понижающихся горныхъ грядъ въ холмистую степь, которая на западѣ сливается съ киргизскими степями.

Сѣверозападная часть этого района орошается рѣками Алеемъ (притокъ Оби) и Убою (притокъ Иртыша) съ ихъ многочисленными притоками и представляетъ холмистую степь съ роскошнымъ травянымъ покровомъ и плодородною почвою, вполне пригодную для хлѣбопашества и скотоводства. Долины горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Убу, большей частью заросли разнообразными цвѣтущими кустарниками и деревьями—шиповникомъ, жимолостью, акаціей, черемухой и пр.—въ перемежку съ хвойными деревьями и представляютъ всѣ удобства для устройства пасѣкъ.

Юговосточный уголокъ описываемой мѣстности далеко вдается въ горы, почему по своему характеру рѣзко разнится отъ сѣверозападной части того же района: здѣсь мѣстность гористая и лѣсная, повышающаяся къ югу до 3000 футовъ; вмѣсто открытой, залитой солнцемъ степи вы видите горныя долины, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими горами, склоны которыхъ большей частью покрыты хвойнымъ лѣсомъ; мѣстами эти долины суживаются въ дикія ущелья, по которымъ, между обнаженныхъ каменныхъ скалъ причудливой формы, съ бѣшенымъ ревомъ несутся горные потоки, лишь постепенно, съ расширеніемъ ущелій въ долины принимающіе болѣе спокойное теченіе. Главныя рѣки этой части района—Уба и Ульба въ ихъ верхнемъ теченіи, составляющіяся каждая изъ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ и принимающія въ себя массу притоковъ. Вслѣдствіе гористости мѣстности и высоты положенія, обуславливающей извѣстную суровость климата, хлѣбопашество здѣсь развито уже гораздо менѣе, чѣмъ въ предыдущей части района; зато превосходныя пастбища и цвѣтущія долины представляютъ всѣ условія, необходимыя для широкаго развитія скотоводства и пчеловодства, которыя и являются главными занятіями мѣстныхъ крестьянъ.

Польскія селенія описываемаго района принадлежатъ къ Алейской, Александровской, Владимірской, Риддерской и Бобровской волостямъ Змѣиногорскаго округа; кромѣ того, до 50 дворовъ поляковъ живутъ въ „сибирицкомъ“ селѣ Саушкѣ Курьянской волости того же округа, но это село 3 года назадъ принадлежало также къ Алейской вол.,

и живущіе въ немъ поляки—выходцы изъ другихъ селеній той же волости и ничѣмъ не отличаются отъ своихъ бывшихъ односельцевъ.

Двѣ первыя изъ названныхъ волостей расположены въ сѣверозападной, степной части, „поляцкаго“ района; Риддерская занимаетъ его юговосточный, гористый уголь, а Владимірская и Бобровская представляютъ переходъ отъ степи къ горамъ.

Живутъ также поляки и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бійскаго округа—въ Чарышской, Авуиской и Алтайской¹⁾, куда они переселились уже изъ мѣстъ своего первоначальнаго поселенія на Алтай; есть они и въ Забайкальѣ, гдѣ ихъ называютъ „семейскими“, и куда они были сосланы также при Екатеринѣ II изъ Польши; по словамъ алтайскихъ поляковъ, „много нашихъ и на Уймонѣ, и на Бухтармѣ“. Но обо всѣхъ этихъ мѣстностяхъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній, кромѣ отрывочныхъ разсказовъ, такъ какъ райономъ моихъ наблюденій были только названныя волости Змѣиногорскаго округа, да и изъ числа этихъ послѣднихъ Бобровскую мнѣ не удалось посѣтить лично, и свѣдѣнія о ней получены мною частью путемъ опросовъ встрѣченныхъ мною бобровцевъ, частью же, какъ уже сказано, отъ г. Иванова.

Въ настоящее время въ пяти волостяхъ Змѣиногорскаго округа имѣется польскихъ селеній 21, а именно: въ Алейской 3 селенія—с.с. Староалейское, Шипуновское и д. Каменка; въ Александровской 2—с. Шемонаевское и д. Екатерининская; въ Владимірской 7—с.с. Верхъ-Убинское или Лосиха, Секисовское, д. Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская; въ Риддерской 6—д.д. Черемшанка, Бутакова, Поперечная, Стрѣжная, Пихтовка и с. Орловка²⁾; наконецъ, въ Бобровской волости 3 селенія—с.с. Бобровское, Тарханское и д. Чистополька.

Изъ этихъ селеній только 6 относятся къ первоначальнымъ пунктамъ поселенія поляковъ—Староалейское, Лосиха, Секисовское, Шемонаевское, Екатерининская и Бобровское; объ образованіи Шипуники и Каменки нѣтъ точныхъ свѣдѣній; всѣ же остальные—выселки названныхъ шести селеній, большей частью с. Секисовскаго, про которое его жители говорятъ: „Наша Секисовка плодущая матка

¹⁾ Ал. Михайловичъ: „Русская колонизація горнаго округа Алтая“, оттискъ изъ Тобол. Губ. Вѣд. 1896 г.

²⁾ Всѣ названныя селенія Риддерской волости ранѣе входили въ составъ Владимірской вол. и лишь впоследствии причислены къ первой, до того времени состоявшей изъ одного только горнозаводскаго села Риддерскаго, а именно: Поперечная и Стрѣжная причислены въ 1867 г., а остальные—въ 1875 г.

была—никакъ десять роевъ отсадила“. Дѣйствительно, выходцами изъ Секисовки основаны всѣ шесть польскихъ селеній Риддерской волости и четыре Владимірской—Быструха, М. Убинка, Волчиха и Зимовская. Изъ другихъ селеній д. Александровская выселилась изъ Быструхи, Тарханка—изъ Бобровки, Чистополька—изъ Тарханки.

Годъ образованія коренныхъ селеній уже указанъ въ предыдущей главѣ, насколько его можно установить по имѣющимся даннымъ. Здѣсь же я приведу только данныя Владимірскаго и Риддерскаго волостныхъ правленій относительно времени основанія выселковъ, такъ какъ о другихъ волостяхъ я не могла получить этихъ свѣдѣній.

Владимірская волость: Риддерская волость:

Малая Убинка основана въ 1787 г.	Черемшанка основана въ 1799 г.
Быструха » » 1797 г.	Бутакова » » 1805 г.
Волчиха » » 1856 г.	Поперечная » » 1832 г.
Зимовская » » 1867 г.	Стрѣжная » » 1850 г.
Александровская » » 1880 г.	Орловка » » 1858 г.
	Пихтовка » » 1867 г.

Такимъ образомъ, изъ 11-ти выселковъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, 8 основано до 1861 г., т. е. до времени освобожденія отъ обязательнаго труда, и только 3—послѣ этого. Если же принять во вниманіе, что за годъ основанія волость считаетъ годъ официальнаго, такъ сказать, признанія даннаго селенія за самостоятельную единицу, то придется отнести и д. Зимовскую къ селеніямъ, образовавшимся ранѣе 61 г. По крайней мѣрѣ, въ горномъ архивѣ Риддерскаго рудника я нашла за 50-е годы переписку бывшаго Горнаго Правленія съ Риддерской Горной Конторой о неимѣнннхъ препятствіяхъ образованію этой деревни. Изъ разсказовъ же самихъ зимовцевъ—еще задолго до этого нѣсколько секисовскихъ дворовъ выселилось изъ Секисова на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ деревня, съ цѣлью образовать здѣсь ямскую станцію. Ранѣе „станокъ“, т. е. разстояніе между станціями—Секисовкой и Черемшанкой,—равнялся 41 верстѣ, и при убійственной дорогѣ по горамъ, особенно въ зимнее время, когда крестьяне обязаны были возить руду, трудно было дѣлать безъ перепряжки такой длинный переѣздъ—и люди, и лошади выбивались изъ силъ даже въ благопріятную погоду, а въ бураны лошади „и совсѣмъ пропадали“, случалось, замерзали и люди. Поэтому секисовцы, чтобы облегчить себѣ возку руды для Риддерскаго рудника, надумали часть своихъ дворовъ выселить на половину разстоянія до Черемшанки, туда, гдѣ стояла уже избушка—„зимовье“ одного изъ секисовскихъ крестьянъ, и гдѣ рудовозы мог-

ли бы покормить лошадей и обогрѣться сами до возвращенія назадъ, сдать руду поселившимся на зимовѣ для доставленія въ Черемшанку.

Какъ иногда бываетъ великъ промежутокъ времени между фактическимъ образованіемъ селенія и его официальнымъ признаніемъ, можно видѣть на примѣрѣ д. Поперечной. По волостнымъ даннымъ, она основана въ 1832 г., а между тѣмъ уже въ 1825 г. былъ составленъ планъ на землю, отведенную крестьянамъ Сѣрову и Дерябину „съ товарищи“ въ количествѣ 3400 десятинъ, считая и неудобную, на 61 д. муж. пола, „въ вершинахъ Убы и при устьѣ рѣчки Поперечной, а отъ Риддерскаго рудника въ 25-верстномъ разстояніи“¹⁾, т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и сейчасъ стоятъ д. Поперечная, первыми садчиками которой были названные крестьяне, поселившіеся тамъ задолго до составленія плана. Такимъ образомъ, вышеприведенныя даты указываютъ только время, когда данныя селенія были официально признаны самостоятельными единицами, время же фактического ихъ основанія неизвѣстно.

Всѣ польскія селенія четырехъ волостей, посѣщенныхъ мною лично, — Алейской, Александровской, Владимірской и Риддерской — имѣютъ однородный составъ населенія: жители ихъ — почти исключительно потомки поляковъ, съ примѣсью породнившихся съ ними ссыльныхъ, а отчасти и казаковъ; „россійцевъ“ и „сибиряковъ“ здѣсь очень мало, какихъ-нибудь 3-4 семьи разночинцевъ, т. е. торгующихъ, писарей и т. п., да въ нѣкоторыхъ селеніяхъ единичныя семьи переселенцевъ, проживающихъ здѣсь временно. Только въ селеніяхъ Алейской волости переселенцы причислены и входятъ въ составъ постоянного населенія.

По волостнымъ даннымъ за 1897 г., польскія селенія четырехъ названныхъ волостей имѣютъ слѣдующій числовой составъ населенія, изъ котораго въ селеніяхъ Алейской волости переселенцы выдѣлены въ особую группу, чтобы сдѣлать очевиднѣе, какъ незначительна примѣсь посторонняго элемента даже въ этихъ селеніяхъ.

Волости.	Селенія.	Поляковъ.			Переселенцевъ.			В с е г о.		
		м.	ж.	Итого	м.	ж.	Итого.	м.	ж.	Итого.
Александровская-Алейская:	с. Староалейское	1052	1114	2166	45	49	94	1097	1163	2260
	» Шипуновское	791	860	1597	17	19	36	808	825	1633
	д. Каменка	747	757	1504	20	22	42	767	779	1546
	с. Шемонаевское	1894	1893	5787	—	—	—	1894	1893	3787
	д. Екатерининск.	840	857	1697	—	—	—	840	857	1697

¹⁾ Горн. арх. Риддерскаго рудника.

Владимірска:	с. Верхъ-Убинск.	1612	1642	3254 ¹⁾	—	—	—	1612	1642	3254
	» Секисовское . . .	1628	1595	3223	—	—	—	1628	1595	3223
	д. Быструха . . .	824	843	1667	—	—	—	824	843	1667
	» Зимовская . . .	233	221	454	—	—	—	233	221	454
	» Александровск.	321	334	655	—	—	—	231	334	655
	» М. Убинка . . .	1158	1171	2329	—	—	—	1158	1171	2329
Риддерска:	» Волчиха . . .	149	138	287	—	—	—	149	138	287
	д. Бутакова . . .	433	455	888	—	—	—	433	455	888
	» Черемшанка . . .	851	854	1705	—	—	—	851	854	1705
	с. Орловка . . .	319	337	656	—	—	—	319	337	656
	д. Пихтовка . . .	119	120	239	—	—	—	119	120	239
	» Поперечная . . .	411	477	888	—	—	—	411	477	888
» Стрѣжная . . .	115	127	242	—	—	—	115	127	242	

Всего, слѣдовательно, по четыремъ волостямъ польскихъ селеній—18, съ общимъ населеніемъ въ 13579 м.—13831 ж.—27410 душъ об. пола. Исключая отсюда 82 м.—90 ж.—172 души об. пола переселенцевъ, получаемъ 13497 м.—13741 ж.—27238 душъ об. пола однихъ поляковъ, если не считать тѣ единичныя семьи „разночинцевъ“, которыя, какъ сказано выше, найдутся во всѣхъ этихъ селеніяхъ. Не имѣя официальныхъ данныхъ о числѣ „разночинцевъ“, я не могу опредѣленно сказать, какъ велика примѣсь посторонняго элемента въ селеніяхъ Александровской, Владимірской и Риддерской волостей, но во всякомъ случаѣ она еще незначительнаѣ, чѣмъ въ Алейской. Такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною при личныхъ опросахъ населенія, въ д. Черемшанкѣ живетъ 3 семьи сибиряковъ и 2—татарь; въ Бутаковой—1 семья горнозаводскихъ обывателей изъ с. Риддерскаго; въ Зимовской—1 семья переселенцевъ-тоболяковъ (непричисленныхъ); въ Лосихѣ мнѣ объясняли: „Мы російскихъ не любимъ и въ общество не принимаемъ; а такъ (т. е. безъ причисленія) живутъ которые не долго, покуда не найдутъ себѣ мѣста; еще торгующіе у насъ есть пріѣзжіе, а больше все нашъ братъ—поляки“; въ Секисовѣ поляки увѣрили меня, что въ ихъ селѣ „совсѣмъ нѣтъ“ постороннихъ и т. д. Такимъ образомъ, процентъ посторонняго элемента долженъ быть выше всего именно въ Алейской вол., къ 172 переселенцамъ которой нужно еще прибавить нѣсколько семей разночинцевъ, что въ общемъ дастъ не болѣе 200 душъ

¹⁾ Въ это число не входятъ казаки форпоста Верхъ-Убинскаго, составляющаго, собственно говоря, часть с. Лосихи, отъ котораго онъ отдѣляется лишь маленькою рѣчкой Козлушкой.

об. пола всѣхъ постороннихъ, или около 3,5% всего населенія въ польскихъ селеніяхъ этой волости.

Относительно Бобровской волости у меня нѣтъ числовыхъ данных ни о ея населеніи, ни о полякахъ въ частности; мнѣ извѣстно только, что с. Бобровское имѣетъ смѣшанное населеніе—сибиряковъ и поляковъ, не считая казаковъ, которые, какъ и въ Лосихѣ, составляютъ отдѣльный поселокъ; с. Тарханское населено почти исключительно поляками; что же касается Чистопольки, то о ней я знаю только, что жители ея—выходцы изъ с. Тарханскаго.

Такимъ образомъ, по естественно-географическимъ своимъ условіямъ мѣстность, гдѣ живутъ поляки, можетъ быть раздѣлена на двѣ почти равныя по пространству части: сѣверную, степную почти безлѣсную съ плодородной почвой, гдѣ главными занятіями жителей являются хлѣбопашество и скотоводство, и южную—гористую, въ которой, благодаря высотѣ положенія и недостатку удобныхъ земель, хлѣбопашество уже развито гораздо менѣе, а первое мѣсто на ряду съ скотоводствомъ занимаетъ пчеловодство. Между этими частями нельзя провести рѣзкой границы, и холмистая степь постепенно переходитъ все въ болѣе возвышенныя горныя долины, окруженныя высокими горами и имѣющія своей юговосточной границей Ивановскій и Проходной бѣлки.

Селенія поляковъ сосредоточены болѣе въ южной, гористой части района: въ степной ихъ только шесть—Шипунова, Каменка, Староалейское, Шемонаиха, Екатерининка и Лосиха. Зато въ степной части расположены наиболѣе многолюдныя села—Староалейское, Шемонаиха, Лосиха имѣютъ каждое по 2—3 тысячи душъ слишкомъ, а самое меньшее—Каменка—болѣе полуторы тысячъ. Селенія же, лежащія въ горахъ, уже значительно меньше по своимъ размѣрамъ: изъ нихъ только четыре имѣютъ болѣе тысячи душъ—Секисово, Быструха, М. Убинка и Черемшанка, но и тѣ относятся собственно не къ гористой, а скорѣе къ переходной полосѣ, гдѣ горы еще не высоки и часто прерываются широкими долинами, слагающимися на западѣ съ степью.

Во всѣхъ этихъ селеніяхъ коренные жители—потомки „польскихъ выведенцовъ“ и „колодниковъ“ изъ различныхъ губерній Азіатской и Европейской Россіи; примѣсь посторонняго элемента такъ незначительна, что ее можно не принимать во вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ селеній этотъ элементъ составляютъ „разночинцы“—писаря, торговцы и т. п.,—не принимающіе непосредственнаго участія въ деревенской жизни. Исключеніе составляетъ с. Бобровское,

гдѣ поляки живутъ смѣшанно съ сибиряками; казаковъ, живущихъ въ отдѣльномъ поселкѣ, только рядомъ съ с. Борбовскимъ, какъ и въ Лосихѣ, я выдѣляю изъ числа жителей самаго села, такъ какъ они имѣютъ свое собственное, отдѣльное отъ крестьянскаго устройство, землевладѣніе и пр.

III.

Обособленность поляковъ должна была способствовать сохраненію среди нихъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя отличали ихъ отъ сибиряковъ въ первое время ихъ поселенія здѣсь.

Дѣйствительно, уже при вѣздѣ въ селеніе поляковъ, вы замѣчаете что-то необычное для Сибири, напоминающее старинную русскую деревню: улицы широки, чисты и покрыты зеленой травой; передъ многими домами, у оконъ деревья; изъ-за домовъ виднѣются маленькіе садики; самые дома большей частью старинной русской архитектуры—высокія крылечки съ точеными столбиками, часто раскрашенными въ разные цвѣта; подъ ними дверь въ „клѣть“, т. е. кладовую; затѣйливая рѣзба на окнахъ и крышѣ; деревянные пѣтухи надъ окнами или на воротахъ. Все это, взятое вмѣстѣ, такъ рѣзко отличается отъ преобладающаго типа сибирскихъ деревень, съ ихъ обязательною грязью и навозомъ на улицахъ, отсутствіемъ садовъ и однообразными, казарменнаго вида постройками, напоминающими скорѣе огромные ящики, чѣмъ дома,—что бросается въ глаза всякому съ перваго взгляда.

Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе внутреннее убранство домовъ. Съ крыльца дверь, часто украшенная различными рисунками—произведеніемъ доморощенныхъ художниковъ,—ведетъ въ сѣни, которыя дѣлятъ домъ на двѣ половины—чистую или „свѣтлицу“ и черную или „избу“. На потолокъ въ сѣняхъ повѣшены птицы, сдѣланныя изъ соломы, съ бумажнымъ хвостомъ и головою. Каждая половина дома состоитъ, смотря по богатству хозяина, изъ одной или двухъ и даже трехъ комнатъ. Въ „избѣ“ находится кухня и домашнія комнаты для хозяевъ, а также и кладовая, гдѣ хранится разный скарбъ—одежда, посуда и т. п. „Свѣтлица“ назначается для приѣма гостей, въ ней же помѣщается и спальня молодыхъ, если у хозяевъ есть женатый сынъ или замужняя дочь, мужъ которой „принять въ домъ“, т. е. жаветь съ родителями жены, а не уводить ее къ себѣ. Обязательныя украшенія всѣхъ комнатъ, какъ черной, такъ и чистой половины—зеркала, на которыхъ повѣшены полотенца съ вы-

шитыми концами, и вокруг потолка гирлянды желтых махровых цветков, очень долго сохраняющих свой цвет и вид. В переднем углу первой от входа комнаты божница с несколькими иконами старинного письма; в числе их обязательно имется распятие—раскольниковский осемиконечный крест с изображением Св. Духа над ним, сделанный из металла и прибитый к раскрашенной и разрисованной цветами и звездами деревянной доске; из других икон чаще всего встречаются изображение Божией Матери и „града Иерусалима“. Вокруг божницы развешаны разные картины религиозного содержания, портреты царской фамилии и т. п. На небольших окнах, с кусками разноцветных стекол в нижней части рамы, цветы—бальзамин, фуксия, герань и др. Стены большей частью бревенчатые, гладко выструганные, рѣже выбеленные или покрыты обоями. Постель „молодых“ отдѣлена пестрым ситцевым занавѣсомъ отъ комнаты и всегда содержится въ порядкѣ. Печи выбѣлены, а низъ ихъ обшитъ досками, на которыхъ доморощенные художники масляными красками изображаютъ разные фантастическіе цветы съ не менѣе фантастическими птицами на нихъ. Иногда вмѣсто цветовъ изображаются цѣлыя сцены изъ деревенской жизни: на темнокрасномъ или зеленомъ фонѣ хорюведъ, изъ котораго выходитъ дѣвушка на встрѣчу казаку или солдату, подѣзжающему къ хорюведу на саняхъ, а затѣмъ дѣвушка уже оказывается въ саняхъ, рядомъ съ казакомъ. Любопытно, что въ этихъ картинахъ въ качествѣ экипажа всегда фигурируютъ сани, хотя изображается обыкновенно лѣто, судя по цветамъ. Косяки въ окнахъ и двери, а иногда и потолки, также украшаются этими рисунками, большей частью цветами и птицами, а также красными, синими и зелеными кругами, представляющими солнце. Вмѣсто рисунковъ красками, на дверяхъ, особенно на входныхъ, часто встрѣчается рѣзба, изображающая тѣ же лучистые круги или цветы съ птицами. Мебель—шкафы, стулья, столы, лавки и кровати обыкновенно также раскрашены.

Чистота вездѣ образцовая, особенно въ „свѣтлицѣ“, которая въ двухъэтажныхъ домахъ устраивается въ верхнемъ этажѣ, и вообще весь домъ производитъ впечатлѣніе мирнаго и уютнаго убѣжища. Сидя въ чистой комнатѣ, у окна, выходящаго на галлерейку, которая окружаетъ верхній этажъ, и любяся дивной панорамой зеленыхъ горъ, увѣчаныхъ „шкилями“, т. е. обнаженными каменными громадами причудливой формы, которыя кажутся какими-то фантастическими замками, построенными для защиты раскинувшейся

у подножія ихъ мирной долины, съ чистенькимъ селеніемъ и немолчно лепечущими горными рѣчками, по берегамъ которыхъ бродить тучный скотъ, а дальше видѣются роскошныя нивы и пасѣки, выглядывающія изъ цвѣтущихъ рощъ,—любуясь этимъ пейзажемъ, залитымъ солнечнымъ сіяніемъ, и вдыхая чистый горный воздухъ, вы начинаете понимать тяготѣніе раскольниковъ къ „пустынямъ“, такъ какъ здѣсь, вдали отъ ожесточенной борьбы за существованіе, въ этой плодородной мѣстности, щедро вознаграждающей трудъ человека, можно жить спокойною, тихою жизнью, не гоняясь за „новшествами“, не мѣняя вѣковыхъ, традиционныхъ воззрѣній,—вообще, сохраняя въ неприкосновенности все, полученное путемъ наследственности отъ предковъ, до этнографическаго типа включительно.

Дѣйствительно, по своему типу алтайскіе поляки съ перваго же взгляда напоминаютъ типы Европейской Россіи и рѣзко отличаются отъ сосѣдей—сибиряковъ, въ наружности которыхъ гораздо болѣе сказывается примѣсь инородческой крови. Это объясняется принадлежностью поляковъ къ старовѣрью, воспрепятствующему сближенію съ иновѣрцами подъ опасеніемъ „погубленія души“, вслѣдствіе чего поляки жили особнякомъ отъ прочихъ элементовъ алтайскаго населенія, и скрещиваніе между нами было, если не совсѣмъ невозможно, то во всякомъ случаѣ крайне ничтожно.

Прежде всего поляки отличаются замѣчательно красивой, стройной фигурой, доходящей у женщинъ до поразительнаго изящества, что ихъ сразу выдѣляетъ изъ массы остальнаго населенія, большей частью обладающаго далеко не красивой, а пожалуй, и неуклюжей фигурой. Черты лица,—мягкіе, часто волнистые или вьющіеся волосы, невысокій, но широкій и прямой лобъ, большіе глаза, прямой носъ и правильный овалъ—напоминаютъ описанія древнихъ славянъ, и этотъ типъ преобладаетъ среди поляковъ.

При этомъ нужно замѣтить, что поляки, населяющіе степныя волости описываемаго района—Александровскую, Алейскую и часть Владимірской, имѣютъ болѣе великорусскій типъ: русые волосы, мягкія, нѣсколько расплывчатыя черты лица, коренастая, крупная фигура и чистый великорусскій говоръ, напоминаютъ крестьянъ центральныхъ губерній Россіи; южная часть Владимірской волости, начиная отъ с. Сексовки, и Риддерская волость, наоборотъ, населены, повидимому, потомками южнорусовъ: смуглыя лица съ тонкими и рѣзкими чертами, темные волосы, глаза „съ поволокой“ и тонкія, стройныя фигуры, а также малорусское произношеніе буквы *z* и употребленіе выраженій въ родѣ *треба*, *хиба*, *подивиться* (вм. пе-

смотрѣть) заставляютъ васъ подѣ часъ забывать, что вы находитесь въ Сибири, а не въ Малороссіи, и вы невольно ищите глазами бѣлой „хатки“ и „вишневаго садочку“.

Это различіе въ типѣ и говорѣ между поляками южныхъ и сѣверныхъ волостей, надо думать, имѣетъ свою причину въ первоначальномъ происхожденіи тѣхъ и другихъ. Какъ уже сказано, часть поляковъ родомъ изъ сѣверной Россіи, судя по ихъ рассказамъ; благодаря обособленности раскольниковъ отъ окружающаго населенія, они сохранили неприкосновенными свои типическія особенности за время пребыванія въ Польшѣ, не утратили ихъ и на Алтаѣ, гдѣ изъ назначенныхъ подѣ ихъ поселеніе мѣстностей выбрали менѣе гористыя, степныя волости тепершняго Змѣиногорскаго округа, какъ болѣе приближающіяся по своимъ условіямъ къ ихъ прежней родинѣ. Другая часть, также по ихъ собственнымъ словамъ, пришла изъ Подоліи, гдѣ ихъ предки „всегда жили“, и поселилась на Алтаѣ въ горахъ, къ которымъ привыкла еще на родинѣ. Здѣсь, въ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ горами, вдали отъ всякихъ трактовъ постороннее вліяніе, можно сказать, совсѣмъ отсутствовало, а это не могло не способствовать сохраненію въ большей чистотѣ первоначальнаго типа населенія, почему малорусское происхожденіе послѣдняго и сейчасъ сказывается явственно и въ наружности его, и въ говорѣ, не смотря на то, что въ послѣдніе годы и въ этотъ заповѣдный уголокъ начинаетъ все сильнѣе проникать посторонній элементъ въ лицѣ переселенцевъ, разночинцевъ и пр.

О населеніи Бобровской волости, со стороны физическаго типа, я не могу судить, такъ какъ лично видѣла лишь нѣсколькихъ человѣкъ бобровцевъ, что, конечно, не даетъ права дѣлать какія-либо заключенія; письменныя же данныя, имѣющіяся у меня, совершенно не касаются ихъ наружности. Указанія на то, что игры и увеселенія деревенской молодежи напоминаютъ рассказы Гоголя изъ малороссійской жизни, и распространенность пѣсенъ, въ которыхъ встрѣчается много малорусскихъ выраженій и упоминается о казакахъ, Дунаѣ и т. п., позволяеть только высказать предположеніе, что, вѣроятно, и среди бобровцевъ есть южноруссы.

Всѣ поляки носятъ особый костюмъ, представляющій изъ себя смѣсь древнерусскаго съ польскимъ. Мужчины стригутъ волосы по раскольничьи, съ „челкой“ на лбу; мальчикамъ выстригаютъ коротко макушку, оставляя длинные волосы по бокамъ. Головной уборъ—лѣтомъ войлочная шляпа „гречневикомъ“, тулья которой перевивается въ нѣсколько рядовъ цвѣтной тесьмой или позументомъ; молодежь

носить больше круглыя шляпы, украшенныя разноцвѣтными перьями. Зимомъ шляпа замѣняется шапкой изъ какой-нибудь матеріи съ высокимъ барашковымъ околышемъ; дно шапки большею частью дѣлается четырехугольное, на манеръ конфедератокъ. Старинная шапка—„малахай“—уже вышла изъ употребленія, и мнѣ ее показывали, какъ рѣдкость, только два старика—у остальныхъ ее совѣмъ нѣтъ; по формѣ она почти не отличается отъ киргизскаго малахая.

Верхняя одежда лѣтомъ состоитъ изъ „балахона“—кафтана въ талію, сдѣланный изъ цвѣтной бязи, синей крашенины и т. п. и расшитый въ проймахъ, на плечахъ и узенькомъ, стоячемъ воротникѣ разноцвѣтными шнурами, и шляпы, которая впрочемъ надѣвается только въ дальнюю дорогу или въ праздники, въ будни же обыкновенно ходятъ съ открытой головой—развѣ дождь заставитъ надѣть шляпу. вмѣсто балахона въ дождливую погоду надѣваютъ „курточку“ въ талію, изъ домашняго сукна, достигающую до пояса и также расшитую шнурами. Поверхъ балахона или курточки надѣваютъ еще „халатъ“—длинное, широкое пальто, напоминающее азіямъ; лѣтній халатъ дѣлается также изъ домашняго сукна, а зимній—стеганный на ватѣ. Воротника у халата нѣтъ; воротъ же обшивается широкой полосой плиса или бархата, вышитой разноцвѣтными шерстями. Шубы на мѣху поляки не носятъ, по крайней мѣрѣ, въ своей деревнѣ, и я не видала ни одной, хотя возможно, что въ случаѣ зимней поѣздки куда-нибудь далеко они и надѣваютъ шубы или дохи.

Домашній костюмъ мужчины—рубашка - косоворотка и шаровары, заправленныя въ высокіе сапоги; босикомъ ходятъ только дѣти, да и изъ тѣхъ немногіе. Рабочая одежда шьется изъ пестряди или бѣлаго холста; въ послѣднемъ случаѣ рубашка большей частью бываетъ вышита, но и пестрядинная, и холщевая обязательно имѣютъ цвѣтныя ластовицы, чаще изъ краснаго кумача, которымъ также обшивается и воротъ. Праздничная одежда дѣлается изъ пестраго ситца, какъ рубашка, такъ и шаровары. Ситецъ обыкновенно красный съ зелеными желтыми разводами. Въ послѣднее время стали входить въ употребленіе шерстяныя матеріи на рубашки и плисъ—на шаровары. Ситцевыя и шерстяныя рубашки вмѣсто вышивки обшиваются позументомъ, разноцвѣтными шнурами, а по подолу покупными кружевами. Косоворотка иногда замѣняется блузой.

Все это—ситецъ, плисъ, кружева, блуза—нововведеніе послѣдняго времени. Старинная же, національная, такъ сказать, одежда поляковъ—это холщевая, вышитая рубашка-косоворотка, отличающаяся отъ общерусской тѣмъ, что имѣетъ сборки на клиньяхъ, а такъ

же вышивкой: вышивается грудь и спина до пояса, подолъ и низъ рукавовъ, да и самый шовъ смѣсь русскаго, малороссійскаго и киргизскаго. Къ вышитой рубашкѣ полагались холщевые и также вышитые шаровары. Въ настоящее время вышитыхъ шароваръ давно уже не носятъ, а вышитая рубашка считается будничнымъ костюмомъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ сохранился обычай, чтобы невѣста дарила жениху холщевую вышитую рубаху своего рукодѣля, хотя и въ этомъ случаѣ она все болѣе вытѣсняется покупной, изъ фабричныхъ матерій, причемъ невѣстину „рукодѣлье“ ограничивается шитьемъ ея и нашивкой позумента, кружевъ и т. п. Значеніе одежды собственнаго издѣлія, какъ освященной временемъ, сказывается также въ томъ, что старухи шьютъ себѣ и мужьямъ „смертное“, т. е. погребальный костюмъ обязательно изъ холста, сотканнаго ими самими, и вышиваютъ также сами. Но этого костюма, по рассказамъ, имѣющаго старинную форму, мнѣ видѣть не удалось, такъ какъ показывать „смертное“ постороннему, тѣмъ болѣе „мірскому“ считается большимъ грѣхомъ.

Женскій нарядъ наравнѣ съ мужскимъ подвергся измѣненіямъ, и на немъ также отразилось распространеніе фабричныхъ издѣлій. Прежніе кубовые, а для торжественныхъ случаевъ шерстяные или шелковые косоклинные сарафаны—„дубасы“—замѣнились обыкновенными русскими сарафанами со сборками вверху; шьются они изъ пестраго ситца яркихъ цвѣтовъ; рѣдко только на какой-нибудь старухѣ можно увидѣть холщевый кубовый сарафанъ, но и то прямой, а не косоклинный. Холщевыя вышитыя рубашки также вышли изъ употребленія, и женщины даже на работу надѣваютъ рубашки, верхняя часть которыхъ и рукава шьются изъ ситца, и только нижняя часть—„станъ“—сдѣлана изъ холста. Сарафанъ подвязываютъ поясомъ, искусно вытканымъ изъ разноцвѣтной шерсти, съ кистями или бахромой на концахъ, которые украшаются также пуговицами; такой же поясъ носятъ и мужчины. Поверхъ сарафана надѣвается еще фартукъ, иногда вышитый, но чаще покупной, или „нарукавни“—фартукъ, доходящій до горла спереди, а сзади оканчивающійся у лопатокъ, и имѣющій узкіе рукава. Сарафанъ, рубашка, нарукавни вышиваются разноцвѣтными шерстями; въ фартукъ часто вставляются полосы бархата съ разноцвѣтными вышивками; воротъ рубашки и обшивка у сарафана, кромѣ вышивки, украшаются еще позументомъ.

Волосы женщины плетутъ, какъ и вообще русскія крестьянки, замужнія въ двѣ косы, обернутыя вокругъ головы, а дѣвушки—въ

одну, распущенную по спинѣ; къ косѣ дѣвушки привязываютъ длинныя ленты или „подвѣски“—бисерныя или вязаныя шерстяныя полоски съ бахромой и пуговицами. Головной уборъ дѣвушки очень красивъ: носятъ шали, свернутыя широкой полосой, которая накладывается серединой на лобъ и обертывается вокругъ головы; концы же ея сзади перекручиваются и искусными завитками переводятся снова напередъ—получается очень красивый и оригинальный уборъ, нѣчто въ родѣ короны, высокой спереди и понижающейся сзади; темя остается при этомъ открытымъ. За закрученные концы, съ боковъ и спереди, прикалываютъ живые цвѣты, а за неизвѣстныя ихъ искусственныя, сдѣланные изъ бумаги или шерсти, и даже втыкаютъ конфеты въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ. Спереди подъ шаль прикрѣпляютъ перья дикаго селезня—„косички“, концы которыхъ падаютъ на лобъ, напоминая дамскую „челку“. Въ будни и на работу дѣвушки повязываютъ голову обыкновеннымъ ситцевымъ платкомъ, сложеннымъ въ косынку, причѣмъ всѣ концы сзади скалываютъ вмѣстѣ булавкой, пришпиливая тутъ же и букетъ цвѣтовъ. Въ дорогу, поверхъ описаннаго головного убора, покрываются большой шалью.

Замужнія женщины носятъ еще болѣе разнообразныя головныя уборы. Непосредственно на волосы онѣ надѣваютъ „кичку“—особое сооруженіе изъ проволочныхъ обручей, обтянутыхъ ситцемъ или холстомъ, чтобы уборы не прилегали къ головѣ. Поверхъ кички надѣваютъ шаль, свернутую на особый манеръ: сложивъ шаль косынкой, заворачиваютъ широкой край ея полосой не до конца, какъ дѣвушки, а оставляя средній уголъ не завернутымъ для прикрытія темени, такъ какъ замужнія женщины не имѣютъ права ходить съ непокрытыми волосами; пожилыя распускаютъ концы шали по спинѣ, а молодыя закручиваютъ ихъ вокругъ головы. Такой уборъ—кичка вмѣстѣ съ покрывающею ее шалью—называется „шашмурою“, и носятъ его въ будни. Въ праздникъ надѣваютъ особый уборъ, называющійся весь вмѣстѣ просто „кичкою“. Состоитъ онъ изъ кички собственно, т. е. описанныхъ выше обручей, на которую надѣвается „кокошникъ“ изъ шелка или бархата, сплошь вышитый серебромъ и золотомъ и имѣющій форму накладки съ широкимъ околышемъ спереди; сзади къ кичкѣ подвязываютъ „подзатыльникъ“, закрывающій весь затылокъ и дѣлающійся также изъ шелка или бархата съ вышивкой серебромъ и золотомъ; внизу подзатыльника пришиваютъ серебряную или золотую бахрому; промежутокъ между кокошникомъ и подзатыльникомъ закрывается шалью, которая обви-

вается вокругъ головы, и за которую молодыя бабы также втыкаютъ цвѣты. Въ дальнюю дорогу также укутываются шалью, завязываемою у пояса.

На похороны дѣвушки и женщины надѣваютъ, сверхъ описанныхъ уборовъ, бѣлыя кисейныя „покрывала“, однимъ краемъ обвязываемыя вокругъ лица и зашпиливаемыя подъ подбородкомъ. Ранѣе такія покрывала было обязательно надѣвать всѣмъ—замужнимъ и дѣвушкамъ, когда онѣ отправлялись на богослуженіе; теперь же даже изъ старухъ рѣдкія надѣваютъ ихъ иначе, какъ на похороны. Кромѣ того, „покрывало“—обязательная принадлежность подвѣчнаго костюма, который только этимъ и отличается отъ обыкновеннаго праздничнаго. Но подвѣчное покрывало гораздо длиннѣе похороннаго: оно дѣлается длиною въ три аршина, и дѣлалось раньше не изъ кисей, а изъ какой-то золототканной шелковой матеріи—„коновата“; впрочемъ, нѣкоторые, кто побогаче, и теперь употребляютъ на покрывало шелковую матерію вмѣсто кисей.

Верхняя женская одежда почти та же, что и у мужчинъ: халать, лѣтомъ—изъ домашняго сукна, зимою ватный; покрой его одинаковъ съ мужскимъ, только вышивки, можетъ быть, нѣсколько шире и разнообразнѣе. Женщины носятъ шаровары и вмѣсто открытыхъ башмаковъ, въ которыхъ ходятъ дома, надѣваютъ высокіе сапоги, когда идутъ въ поле или ѣдутъ верхомъ, при этомъ сарафанъ подбирается вокругъ пояса. Чулки въ настоящее время носятъ бѣлые или одноцвѣтные красные и синіе; прежде не только женщины, но и мужчины носили узорчатые чулки изъ разноцвѣтной шерсти, съ разноцвѣтной же бахрамою, которую выпускали поверхъ сапогъ; теперь такіе чулки можно встрѣтить лишь у немногихъ, какъ рѣдкость, и надъ ними смѣются деревенскіе щеголи и щеголихи.

Польскій костюмъ, въ особенности женскій, изобилуетъ украшеніями. Серьги, кольца и „бисера“ составляютъ необходимую принадлежность женскаго туалета. Серьги дѣлаются серебряныя, въ видѣ огромныхъ колець, или маленькія, но съ длинными серебряными же подвѣсками; щеголихи носятъ за-разъ по двое серегъ—и круглыя, и длинныя. Кольца и перстни также увидите почти у каждой женщины, какъ замужней, такъ и дѣвушки—развѣ какая изъ бѣдныхъ рѣшится выйти на игрище безъ колець на пальцахъ. „Бисера“, т. е. ожерелье, очень разнообразны, начиная отъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ до дешевенькихъ стеклянныхъ бусъ; ожерелье большей частью дѣлается въ нѣсколько рядовъ, по возможности ярче и разнообразнѣе. О вышивкахъ и кружевахъ, украшающихъ даже муж-

скія рубашки, я уже говорила. Но главнымъ украшеніемъ являются цвѣты, преимущественно живые, но за недостаткомъ ихъ и искусственные. Ихъ носятъ и мужчины, и женщины—мужчины на шляпахъ, а женщины на головныхъ уборахъ и поясахъ, благодаря чему, „хороводъ“, какъ здѣсь называютъ собирающуюся на игрища толпу молодежи, парней и дѣвушекъ, кажется живымъ, движущимся цвѣтникомъ: цвѣты на головахъ, милостивыя цвѣтуція лица дѣвушекъ, яркіе колера одежды—все это гармонируетъ одно съ другимъ и не рѣжетъ глазъ, составляя художественное цѣлое съ зеленой лужайкой, залитой горячимъ свѣтомъ почти южнаго солнца.

Описанный костюмъ носятъ всѣ поляки Змѣяногорскаго округа, хотя въ каждомъ селеніи онъ имѣетъ свои особенности, благодаря которымъ, жителей одного селенія всегда можно отличить по костюму отъ жителей другого. Такъ, въ д. Стрѣжной и Поперечной мужчины носятъ обычный въ Сибири крестьянской костюмъ, нѣкоторые ходятъ даже въ „пинжакахъ“, вышитыя же рубашки употребляются лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ—на свадьбу, похороны и т. п. Женщины также рѣдко надѣваютъ кичку съ кокошникомъ, чаще же ограничиваются шашмурой, а то и просто повязываютъ голову шалью, распуская концы ея по спинѣ; вышивки на рубашкахъ и фартукахъ почти исчезли, замѣнившись набивными ситцами фабричнаго издѣлія; подъ сарафанъ часто надѣваютъ пестрядиную или синюю холщевую рубашку безъ всякихъ вышивокъ, только ластовицы да обшивка ворота и рукавовъ дѣлаются изъ краснаго кумача.

Д. Бутакова и въ особенности Черемшанка сохранили въ наибольшей чистотѣ старинный костюмъ, но и между этими деревнями все-таки замѣчается разница: въ костюмахъ бутаковцевъ преобладаютъ темные цвѣта, а затѣмъ, благодаря распространенности секты самодуровцевъ, отрицающихъ значеніе того или иного костюма, здѣсь верѣдко можно видѣть женщинъ въ юбкахъ и кофтахъ, вмѣсто сарафана, съ подвязанными подъ подбородкомъ платками на головахъ, вмѣсто кичекъ и шалей; въ Черемшанкѣ же считается грѣхомъ надѣть „мирской“ нарядъ, строго наблюдаются всѣ мелочи, и даже тѣ кто много путешествовалъ и привыкъ къ инымъ взглядамъ, не рѣшаются отступать отъ принятаго костюма, боясь подвергнуться общественному осужденію.

Крестьянъ д. Зимовья я видѣла только въ будничныхъ одеждахъ. Говорятъ, по праздникамъ они обязательно одѣваются въ старинный костюмъ—шитыя рубахи, кички, цвѣты, пестрые шаровары и пр.,

но въ будни ихъ нарядъ чрезвычайно напоминаетъ костюмъ крестьянъ въ глухихъ деревняхъ Европейской Россіи: тѣ же бѣлыя холщевыя рубашки съ красными ластовицами и вышивкой на рукавахъ; тѣ же набойчатые сарафаны и юбки, причѣмъ послѣднія иногда дѣлаются изъ домашняго сукна; тѣ же платки на головахъ—у женщинъ, и холщевыя, бѣлыя, пестрядинныя или кубовыя рубашки и шаровары у мужчинъ. Впрочемъ, Зимовье не только этимъ, но и въ другихъ отношеніяхъ напоминаетъ Россію: мѣстность гористая, но горы не высокія, вполне доступныя; лѣсъ мѣшанный—хвойный и лиственный, послѣдній преобладаетъ; въ противоположность большинству сибирскихъ лѣсовъ, безмолвныхъ и мрачныхъ въ своемъ величіи, здѣсь онъ веселый и все лѣто наполненъ неумолкаемымъ птичьимъ гамомъ. „Утромъ проснешься, выйдешь на дворъ—и уйти неохота: соловьи, пташки разныя, всѣ Богу хвалу поютъ“, рассказывала мнѣ жена раскольника дьяка: „слушаешь-слушаешь, и разбудишь мужа: „грѣхъ спать—всѣ Богу молятся!“

Въ Секисовкѣ, гдѣ постороннихъ почти совсѣмъ нѣтъ, старинные костюмы снова преобладаютъ, но въ отличіе отъ Черемшанки женскіе сарафаны шьются здѣсь изъ ситцевъ темныхъ цвѣтовъ даже у молоденькихъ, что выходитъ очень эффектно въ соединеніи съ ярко-розовой или алой рубашкой; цвѣты прикалываютъ къ поясу сзади; на головѣ цвѣтовъ меньше—обыкновенно носятъ только маленькій букетъ, приколотый въ томъ мѣстѣ, гдѣ завязанъ платокъ, т. е. также сзади.

Начиная съ Быструхи и въ особенности съ Лосихи, костюмы сильно мѣняются: хотя сарафанъ и здѣсь является преобладающей женской одеждой, но на ряду съ нимъ часто видишь и юбки; качки надѣваютъ только по праздникамъ, на богослуженіе, да и то одиѣ пожилыя женщины, въ обычное же время и тѣ просто повязываютъ голову шалью; ни на одномъ мужчинѣ не увидишь вышатою холщевой рубашки—всѣ они ходятъ въ ситцевыхъ; пестрыхъ ситцевыхъ шароваръ уже не носятъ, они замѣнены пестрядинными или нанковыми, бязевыми и т. п. Въ Шемонаихѣ женщины носятъ даже модныя кофты, а мужчины—пиджаки, хотя, конечно, далеко не всѣ а лишь тѣ, кто побогаче и посмѣлѣе, такъ какъ старики все еще сильно косятся на такія новшества. Изъ селеній степныхъ только с. Староалейское составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, строго храня дѣдовскіе завѣты и не отступая отъ дѣдовскаго костюма даже въ мелочахъ.

Отступленіе отъ старины сказывается также и въ замѣнѣ ручныхъ

вышивокъ покупными узорчатыми тесьмами и ситцами, полосы которыхъ вшиваютъ въ полотенца и фартуки, на рубашкахъ же мужскихъ и женскихъ, вышивки часто замѣняются кружевами или шнурками, позументами и т. п. Только тѣ полотенца, которыя невѣсты дарятъ женихамъ въ задатокъ, должны быть вышиты собственноручно, но и они вмѣсто холста часто дѣлаются изъ кумача, съ бархатными вставками, по которымъ уже и производится вышивание.

Тоже замѣтно и въ постройкѣ и убранствѣ домовъ. Въ степной части описываемой мѣстности уже не строятъ домовъ съ рѣзными коньками на крышахъ, фигурными столбиками на крыльцахъ, деревянными пѣтухами вмѣсто флюгеровъ и рѣзными воротами—ихъ замѣняютъ обыкновенные сибирскіе крестьянскіе дома, чаще всего связанные и крестовые. Только въ Екатеринбургѣ да въ Староалейскомъ, главнымъ образомъ въ послѣднемъ, сохранились еще дома старинной конструкціи, съ узенькими галлерейками и высокими крыльчками на столбахъ; но и тамъ новые дома строятся по общесибирскому типу. Въ убранствѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе цвѣточныхъ гирляндъ, соломенныхъ птицъ и полотенецъ въ видѣ украшеній. Затѣмъ, на ряду съ старинными иконами часто вы видите и бумажныя картины священнаго содержанія, а также изображающія царей, полководцевъ и т. п., новѣйшаго издѣлія. Въ этомъ случаѣ Староалейское опять-таки составляетъ исключеніе: тамъ, кромѣ старинныхъ иконъ, да изрѣдка куска обоевъ, служащаго чѣмъ-то въ родѣ кіота для этихъ иконъ, на стѣнахъ нѣтъ никакихъ картинъ; полотенце также обязательно имѣется. Такая приверженность къ старинѣ жителей Староалейскаго объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что это село лежитъ въ сторонѣ отъ трактовъ, почтоваго и земскаго, почему въ него заѣзжаютъ посторонніе рѣдко, больше чиновники да скупщики, которые бывають здѣсь лишь по дѣламъ и на населеніе оказывать вліяніе не могутъ, какъ элементъ слишкомъ чуждый ему.

IV.

По вѣроисповѣданію всѣ поляки посѣщенной мною мѣстности принадлежатъ къ единовѣрцамъ и старообрядцамъ, отъ которыхъ въ послѣдніе три—четыре года отдѣлилась секта самодуровцевъ.

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ принадлежащихъ къ расколу нѣтъ, такъ какъ официально раскольниками признаются только тѣ, кто родился отъ раскольниковъ-родителей и записанъ таковымъ въ осо-

бо установленныхъ книгахъ, которыя имѣются для этой цѣли въ каждой волости. Всѣ же остальные, хотя бы родившіеся отъ раскольниковъ и сами принадлежащіе къ какой-нибудь сектѣ, но не записанные въ волостную книгу, числятся „православными“, „уклонившимися въ расколъ“, если они обнаруживаютъ приверженность къ расколу. Въ виду того, что волостныя книги заведены лишь очень недавно, и многіе раскольники даже не подозрѣваютъ объ ихъ существованіи, понятно, большинство дѣтей остаются не записанными и считаются „православными“, къ которымъ относятся также единовѣрцевъ.

При такой неточности официальныхъ данныхъ мнѣ по-неволѣ пришлось ограничиться лишь приблизительными свѣдѣніями, полученными мною относительно Алейской и Владимірской волостей изъ волостныхъ правленій. Что же касается Риддерской волости, то въ правленіи я могла получить свѣдѣнія лишь о томъ, какія секты распространены въ селеніяхъ этой волости, безъ обозначенія числа принадлежащихъ къ той или другой изъ сектъ; въ волостномъ же правленіи Александровской волости мнѣ заявили, что „всѣ поляки (въ Шемонаихѣ и Екатерининкѣ)—единовѣрцы“, хотя по личнымъ опросамъ мнѣ извѣстно, что часть населенія названныхъ селеній принадлежитъ къ расколу.

За отсутствіемъ полныхъ данныхъ я здѣсь приведу только таблицу численности раскольниковъ въ польскихъ селеніяхъ Владимірской и Алейской волостей.

Волость.	Селеніе.	Всего населенія.			Въ томъ числѣ раскольн.		
		м.	ж.	об. пола.	м.	ж.	об. пола.
Владимірская.	С. Староалейское	1097	1163	2260	502	532	1034
	Д. Каменка	808	825	1633	—	—	—
	С. Шипуновское	767	779	1546	—	—	—
	С. Верхъ-Убинское	1612	1642	3254	1230	1278	2503
	» Секисовское	1628	1595	3223	397	391	788
	Д. Быструха	824	843	1667	772	823	1595
	» Зимовская	233	221	454	10	9	19
	» Александровская	321	334	655	319	322	641
Алейская.	» М. Убинка	1158	1171	2329	584	586	1170
	» Волчиха	149	138	287	—	—	—

Слѣдовательно, во всѣхъ селеніяхъ, о числѣ раскольниковъ въ которыхъ есть официальные данныя, на 17308 душъ всего населенія приходится 7755 раскольниковъ, или 41,8%; въ томъ числѣ на общее количество мужчинъ—8597 приходится раскольниковъ 3814, т. е.

44,4⁰%, а женщинъ на общее число 8711—раскольницъ 3941 или 45,2⁰%. При этомъ не нужно упускать изъ виду, что отъ волостной регистраціи ускользнуло по объясненнымъ выше причинамъ значительное число раскольниковъ, такъ что въ дѣйствительности послѣдніе должны составить никакъ не менѣ половины всего населенія.

Какъ уже сказано, относительно Александровской и Риддерской волостей есть официальные свѣдѣнія о преобладаніи того или иного вида раскола, или же единовѣрія въ польскихъ селеніяхъ этихъ волостей. Группируя селенія по этому признаку, т. е. по большей или меньшей степени развитія въ нихъ раскола, мы получаемъ слѣдующій рядъ:

Волость.	Селеніе.	Вѣроисповѣданіе.
Александровская:	С. Шемонаевское	Населены почти исключительно единовѣрцами и православными.
	Д. Екатерининская	
Риддерская:	С. Орловка	Преобладаютъ единовѣрцы; число православныхъ и раскольниковъ очень незначительно.
	Д. Поперечная	
	» Стрѣжвая	Почти сплошь населены раскольниками; во всѣхъ трехъ селеніяхъ единовѣрцевъ и православныхъ лишь нѣсколько семей.
	» Черемшанка	
	» Бутакова	
	» Пихтовка	

Сопоставляя эти данныя съ предыдущей таблицей, мы видимъ, что болѣе всего расколъ распространенъ въ Владимірской и ближайшихъ къ ней селеніяхъ Риддерской волости, т. е. въ той части района, занятаго поляками, которая представляетъ переходъ отъ степныхъ предгорій къ самымъ горамъ Алтая. Въ степныхъ волостяхъ и въ тѣхъ селеніяхъ Риддерской волости Поперечной и Стрѣжвой,—которыя расположены уже въ горахъ, преобладаетъ, наоборотъ, единовѣріе. Исключеніе составляютъ только три селенія: въ степной части с. Староалейское, гдѣ раскольники, въ противоположность другимъ селеніямъ той же мѣстности, составляютъ значительную часть населенія, именно 41,3⁰%, а въ средней—деревни Зимовская и Волчиха, изъ которыхъ въ первой всего 19 человекъ раскольниковъ, а во второй и вовсе нѣтъ, хотя сосѣднія селенія отличаются именно широкимъ развитіемъ раскола.

Почему расколъ имѣетъ наибольшее распространеніе именно въ селеніяхъ, расположенныхъ въ началѣ горной области, я рѣшать не берусь за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Можно указать только на нѣкоторыя условія, благопріятствовавшія его сохраненію въ данной мѣстности: селенія Владимірской и Риддерской волостей лежатъ вдали отъ почтового тракта, да и по земскому тракту, пролегающему че-

резь нихъ, движеніе очень незначительно, такъ какъ это глухой, мало культурный край, сохранившій до сихъ поръ въ значительной степени натуральное хозяйство; понятно, что при такой изолированности и экономической отсталости именно здѣсь и должны были сохраниться въ наибольшей неприкосновенности старыя воззрѣнія. Въ другомъ положеніи находятся степныя селенія: почтовый трактъ на Семипалатинскъ и торговый на Локоть и Павлодаръ, близость крупныхъ горнозаводскихъ пунктовъ, какъ Змѣиногорскъ, Колывань и тотъ же Локоть, имѣли своимъ послѣдствіемъ постоянное общеніе съ посторонними элементами, вызвали развитіе промышленно-торговой дѣятельности среди самихъ поляковъ, а это не могло не повліять и на воззрѣнія послѣднихъ, что сказалось въ уменьшеніи религіознаго фанатизма раскольниковъ, переходѣ значительной части ихъ въ единовѣрїе и вообще большей терпимостью въ религіозныхъ вопросахъ. Причина почти полнаго отсутствія раскола въ селеніяхъ горной области—д.д. Поперечной и Стрѣжной,—не смотря на изолированность ихъ, повидимому, благопріятствующую развитію и сохраненію раскола, лежитъ, надо думать, въ условіяхъ самаго образованія селеній, первыми садчиками которыхъ явились главнымъ образомъ пасѣчники-заимочники, а среди нихъ были не одни поляки, но и православные изъ различныхъ „сибиряцкихъ“ селеній. Впрочемъ, объ этихъ деревняхъ еще труднѣе сказать что-либо положительное, такъ какъ, благодаря малой доступности ихъ и удаленности отъ всякаго административныхъ центровъ, точныя свѣдѣнія о нихъ совсѣмъ отсутствуютъ въ волостяхъ, даже время заселенія ихъ, какъ мы видѣли относительно Поперечной, съ точностью неизвѣстно; само же населеніе имѣетъ лишь смутныя воспоминанія о своемъ прошломъ, а можетъ быть, и просто боится говорить о немъ.

Изъ тѣхъ, же приведенныхъ выше, данныхъ можно заключить, что время образованія селенія не имѣетъ, повидимому, вліянія на большую или меньшую распространенность въ немъ раскола. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ, что въ селеніяхъ Верхъ-Убинскомъ (Лосихѣ), Быструхѣ, Малой Убинкѣ и Черемшанкѣ, основанныхъ въ прошломъ столѣтіи, преобладающую часть населенія составляютъ раскольники, а въ Секисовскомъ, Шипуновскомъ и Каменкѣ, время образованія которыхъ жители также относятъ къ прошлому вѣку,—въ первомъ раскольники составляютъ всего $21,3\%$, т. е. немного болѣе $\frac{1}{5}$ части всѣхъ жителей, а въ двухъ послѣднихъ даже совсѣмъ отсутствуютъ, какъ и въ Шемонаихѣ и Екатерининкѣ, также старинныхъ польскихъ селеніяхъ. Съ другой стороны, и селенія новаго

образования не представляют въ этомъ отношеніи чего-либо однороднаго: на ряду съ единовѣрческими Орловкой, Псперечной, Волчихой и пр. мы встрѣчаемъ и раскольническія Александровку и Пихтовку, въ которыхъ единовѣрцы и православные живутъ только единичными семьями. Тоже можно сказать и обо всѣхъ остальныхъ польскихъ селеніяхъ.

Какъ уже сказано, большинство поляковъ явилось на Алтай главнымъ образомъ съ Вѣтки и отчасти изъ Стародубья, этихъ знаменитыхъ центровъ раскола XVII и XVIII столѣтій. Получивъ право свободнаго вѣроисповѣданія, поляки и на новомъ мѣстѣ жительства сохранили прежніе релігіозные догматы и обряды, вынесенные ими изъ Польши, куда стекались представители всевозможныхъ раскольническихъ толковъ отъ стѣсненій со стороны правительства, — „гонимый за вѣру“. Самая Вѣтка заселилась впервые бѣглецами изъ пограничныхъ Стародубскихъ слободъ, которыя въ свою очередь были основаны бѣглыми раскольниками еще въ XVII вѣкѣ и разрушены уже въ правленіе царицы Софьи, послѣ чего многіе изъ ихъ жителей и бѣжали на островъ Вѣтку, гдѣ и основали селеніе, вокругъ котораго вскорѣ образовалось еще 14 раскольническихъ слободъ.

Вѣтка просуществовала около полутора вѣка — съ 80 г.г. XVII столѣтія до 1764 г., когда была разрушена по приказанію Екатерины II, послѣ чего значеніе релігіознаго центра поповщины снова перешло къ Стародубскимъ слободамъ, усилившимъ къ этому времени оправиться отъ испытаннаго ими погрома и въ свою очередь пріютившимъ вѣтковскихъ беглецовъ.

Служа главнымъ центромъ для различныхъ толковъ поповщины, Вѣтка въ то же время не отказывала въ пріютѣ и бѣглымъ безповцамъ, въ которыхъ поповцы видѣли своихъ братьевъ, также гонимыхъ за вѣру и спасающихся отъ записи въ „антихристовы книги“ и отъ „наложенія антихристовой печати“, подъ которыми понимались ревизскія записи и печати на паспортахъ.

Время съ половины XVI по конецъ XVIII столѣтія было эпохой кореннаго преобразования русскаго церковнаго и гражданскаго устройства. Въ XVI вѣкѣ русская церковь получила своего патріарха и стала самостоятельной и независимой отъ греческой, а соборы времени Іоанна Грознаго положили начало ея единообразному устройству и тѣсному союзу съ государствомъ, которое взяло подъ свою защиту церковь, но въ то же время поставило ее въ зависимость отъ себя, тогда какъ ранѣе она была совершенно независима отъ свѣтской власти и даже первенствовала надъ нею. Одновременно съ этимъ

шелъ пересмотръ и исправленіе священныхъ книгъ, а также установленіе болѣе правильныхъ и согласныхъ съ принятыми отъ грековъ церковныхъ обрядовъ, искаженныхъ невѣжественнымъ русскимъ духовенствомъ. Эта гигантская, по своей сложности и трудности, работа была закончена при патриархѣ Никонѣ уже во второй половинѣ XVII вѣка.

Болѣе образованные слои русскаго общества понимали необходимость церковной реформы, но огромная масса населенія, оставшаяся невѣжественной и сохранившая въ значительной степени языческія воззрѣнія на ряду съ христіанскими, воспринявшая въ большинствѣ только одну внѣшнюю, обрядовую сторону христіанства, именно этой сторонѣ и придавала значеніе, тогда какъ духъ новой религіи былъ ей совершенно недоступенъ. Понятно, что исправленіе церковныхъ книгъ, перемѣна „двуперстнаго сложенія“ на „трехперстное“ и другія чисто внѣшнія измѣненія казались ей перемѣной самой религіи, измѣной „истинной вѣрѣ Христовой“, почему болѣе энергичные и религіозные люди изъ ея среды выступили противъ этихъ „новшествъ“ съ рѣзкимъ протестомъ и увлекли за собой толпу.

Можетъ быть, еще болѣе развитію раскола способствовали коренныя измѣненія, производившіяся въ это время въ гражданскомъ устройствѣ Россіи свѣтской властью, которая поддерживала вводимыя церковью новшества, взамѣнъ чего и отъ послѣдней требовала поддержки. Къ XVI вѣку русская земля представляла изъ себя уже сплоченное цѣлое, и это цѣлое не могло довольствоваться тѣми общественными формами, въ которыя свободно укладывалась слабо развитая гражданственность удѣльной Руси. Одновременно съ ростомъ политической жизни Россіи росла и ея экономическая жизнь. Прѣжнее натуральное хозяйство уже не могло удовлетворять возросшимъ потребностямъ общества; прочно установившіяся торговыя отношенія съ европейскими государствами требовали также перемѣны системы хозяйства. Того же требовали и государственныя нужды: для содержанія постояннаго войска и флота, учрежденія школъ и пр. нужны были постоянныя денежныя средства; прежней „дани“, „кормленія“ и т. п. воеводъ и другихъ служащихъ было недостаточно для содержанія правильно организованной бюрократіи; въ то же время нужно было знать и дѣйствительное количество населенія, и мѣста жительства тѣхъ, кто долженъ былъ нести военную или гражданскую службу. Все это вызвало, съ одной стороны, развитіе торговой и промышленной дѣятельности, переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, а съ другой, — цѣлый рядъ правительствен-

ныхъ мѣръ: введеніе паспортной системы, подушной подати и т. д.

Повторяю, эти мѣры явились необходимымъ послѣдствіемъ гражданскаго и экономическаго роста Россіи. Но этотъ ростъ коснулся только верховъ русскаго общества, огромная же масса народа продолжала оставаться невѣжественной и жила прежнею полуземледѣльческою, полубродячею жизнью, потребностямъ которой вполне удовлетворяло натуральное хозяйство. Воспринявъ только виѣшнюю, обрядовую сторону христіанства, народъ внесъ въ новую религію свои старинныя языческія понятія и придавъ суевѣрное значеніе именно обрядамъ, виѣшности, совершенно игнорируя внутреннюю сущность христіанства. Въ то же время, продолжая вести бродячій образъ жизни, привыкнувъ по своему произволу бросать насиженное мѣсто и идти на новое, часто совершенно невѣдомое, народъ естественно не могъ чувствовать потребности въ прочной постоянной власти, какъ гражданской, такъ и церковней: постоянно передвигаясь съ мѣста на мѣсто, сегодня съ одними составляя общину или поселокъ, а завтра съ другими, онъ по необходимости долженъ былъ мѣнять своихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей, избирая каждый разъ новыхъ, такъ какъ передвиженіе было слишкомъ беспорядочно, слишкомъ, такъ сказать, индивидуально, чтобы въ немъ могла принять участіе хоть нѣсколько организованная власть.

Понятно поэтому, что уничтоженіе выборнаго права, назначеніе священниковъ высшей духовной властью, требованіе паспортовъ при передвиженіяхъ, прикрѣпленіе, уже не *de jure* только, какъ прежде, а *de facto*, подушная подать, рекрутскій наборъ, и пр., и пр.—понятно, что все это вызвало въ массѣ народа враждебное отношеніе къ правительству, какъ виновнику ломки вѣковыхъ устоевъ, съ которыми сжился русскій народъ, и при томъ глубокомъ невѣжествѣ и суевѣріяхъ, какія царили въ немъ, онъ увидѣлъ въ представителяхъ правительства слугъ злой силы, слугъ антихриста. Въ этомъ возрѣніи его укрѣпляло въ особенности то обстоятельство, что значительная часть духовенства, на основаніи толкованій старинныхъ священныхъ книгъ, сама защищала такой взглядъ. Въ этой враждѣ къ новшествамъ, вводимымъ гражданской властью, подчинившей себѣ духовную, сходились все толки раскола, какъ поповскіе, такъ и беспоповскіе, и, не взирая на разногласія въ дѣлахъ вѣры, дружно поддерживали другъ друга, когда нужно было противодѣйствовать правительственнымъ мѣропріятіямъ вообще, а гоненіямъ на расколъ въ особенности. „Въ антипатіи раскола правительству“, говоритъ Щаповъ¹⁾,

¹⁾ А. Щаповъ: „Русскій расколъ старообрядства“.

„въ оппозиціи его противъ новаго государственнаго порядка и устройства Россіи сходились всѣ частныя противо-государственныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти, и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податнаго состоянія и проч. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище и черезъ то сама росла“.

Вслѣдствіе такой внутренней связи между разнообразными сектами и толками раскола, и на Вѣткѣ, не смотря на то, что это былъ религиозный центръ поповщины, откуда на всю Россію расходились старообрядческіе іереи и освященное муро, мы видимъ и безпоповцевъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ слободахъ, позднѣе образовавшихся вокругъ первоначальнаго пункта поселенія. Переселяясь на Алтай, вѣтковцы привнесли съ собой туда и дѣленіе на секты.

Кажется, большинство раскольническихъ сектъ, какъ поповскихъ, такъ и безпоповскихъ, имѣетъ своихъ представителей среди алтайскихъ поляковъ. По официальнымъ даннымъ и по заявленіямъ самого населенія, здѣсь есть слѣдующія секты: австрійцы и лже-австрійцы, окружники, иначе московцы, бѣглопоповцы или противокружники, поморцы, федосѣевцы, филипповцы, дяковцы и стариковцы. Кромѣ того, около половины населенія исповѣдуютъ единовѣріе, а въ послѣднее время начала быстро распространяться секта самодуровцевъ, по словамъ однихъ, занесенная какими-то выходцами изъ Самодуровской волости Самарской губерніи, а по словамъ другихъ, получившая свое названіе отъ „самодурства“ ея представителей, отрицающихъ многое изъ того, что остальными раскольниками признается неприкосновенной святыней.

Попавъ на Алтай въ совершенно новыя условія, при которыхъ расколъ терялъ свое значеніе протеста противъ новаго порядка вещей во имя стараго, поляки незамѣтно для самихъ себя утратили въ значительной степени свою нетерпимость по отношенію къ православнымъ. Какой поводъ, въ самомъ дѣлѣ, враждовать съ послѣдними, живущими въ лѣсныхъ дебряхъ, за сотни верстъ отъ церкви и потому поневолѣ обходящимися безъ ея благословенія въ такихъ дѣлахъ, какъ бракъ, крещеніе, погребеніе, и зачастую вынужденными за исполненіемъ различныхъ требъ обращаться къ тѣмъ же раскольническимъ попамъ и дякамъ, которые знали, по крайней мѣрѣ, молитвы? Экономическое и юридическое положеніе тѣхъ и другихъ также было одинаково, за исключеніемъ двойнаго оклада, но и

отъ него раскольники были освобождены въ концѣ прошлаго вѣка. Къ этому нужно прибавить затруднительность сношеній съ раскольническими центрами и полученія оттуда поддержки, какъ матеріальной, такъ и духовной, почему новыя поколѣнія имѣли уже только смутное представленіе о догматахъ собственной секты. Вполнѣ естественно, что, съ установленіемъ „единовѣрія“ въ 1800 г., значительная часть поляковъ присоединилась къ нему, найдя такимъ образомъ исходъ изъ того печальнаго положенія, въ какое ставило ихъ постепенное вымираніе старыхъ расколуучителей и почти полная невозможность достать новыхъ.

Другая часть населенія осталась вѣрна стариннымъ догматамъ, считая „пагубой душевной“ всякое сближеніе съ православными, какъ подавшимися „соблазнамъ антихристовымъ“. Но и въ этихъ „вѣрныхъ сынахъ церкви“ замѣтно шатаніе мысли: отдѣльные толки сблизились между собой и, хотя продолжаютъ носить прежнее имя и отличать себя отъ другихъ каждый, въ сущности сами не знаютъ, въ чемъ заключается это отличіе. Я нѣсколько разъ бесѣдовала объ этомъ съ начетчиками въ селеніяхъ Черемшанкѣ, Секисовѣ и Лосихѣ, и ни разу не могла получить хоть нѣсколько опредѣленный отвѣтъ. Не говоря уже о различіи между австрійцами и лжеавстрійцами, окружниками и противокружниками и пр., которые не умѣютъ даже сами объяснить, почему они такъ зовутъ себя, но и бѣглопоповцы почти слились съ австрійцами и московцами, обращаясь въ случаѣ нужды къ ихъ священникамъ, австрійцы же и московцы, когда у нихъ не бываетъ своего священника, что, къ слову сказать, составляетъ почти постоянное явленіе, обращаются къ бѣглопоповскимъ „дьякамъ“ и „старикамъ“. Безпоповцы держатся нѣсколько обособленнѣе, но и тѣ при бракахъ съ поповцами подчиняются обрядамъ послѣднихъ. Въ виду этого многіе толки значительно измѣнили свои догматы и обряды и продолжаютъ упорствовать въ сохраненіи своей особенности исключительно вслѣдствіе косности и неумѣнья критически отнестись къ собственнымъ взглядамъ. Въ Черемшанкѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ главныхъ начетчиковъ бѣглопоповщины. Онъ охотно рассказывалъ мнѣ о своей религіи, о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ они въ устройствѣ „благолѣпнаго чина“ богослуженія. „Попа у насъ нѣтъ“, жаловался онъ, „некому больныхъ приобщать—такъ и мремъ безъ Святыхъ Тайнъ... да и исповѣди настоящей не бываетъ: откроемся на духу старику (начетчику), да развѣ онъ можетъ грѣхи разрѣшать?“ Я спросила его, почему они не вызовутъ себя попа изъ Россіи. „Да

видишь ты, какое дѣло: прїѣзжалъ къ намъ попь одинъ, да не вовсе онъ намъ поглянулся—австріецъ былъ,—ну, мы и отказали ему“. Надѣясь выяснитъ себѣ различіе, какое сами поляки признаютъ между различными сектами, я попросила старика объяснить мнѣ, чѣмъ именно „не поглянулся“ имъ австрійскій попь. „Не по вашему чтоли онъ крестился или требы правилъ?“—„Упаси Богъ, да мы такого и въ моленную не пустили бы... Нѣтъ, грѣхъ сказать, дѣло онъ зналъ, а только не вовсе того... будто неладно“. Сколько я ни билась съ нимъ, много разъясненія „неладности“ австрійскаго попа, кромѣ „не вовсе того“, я не получила. Другой разъ я слышала исповѣданіе вѣры одного стариковца въ с. Староалейскомъ. Еще молодой, замѣчательно умный и краснорѣчивый, онъ связно и красиво изложилъ мнѣ общія основы христіанства, закончивъ рѣчь заявленіемъ, что въ этомъ-то и заключается суть, а „кто какъ крестится да какимъ иконамъ молится—не важно“, и былъ страшно изумленъ, когда я сказала ему, что все мы признаемъ то, что онъ выдавалъ за свою дяковскую вѣру. Очевидно было, что онъ—раскольникъ только по недоразумѣнію, предполагая, что лишь въ расколѣ сохранилось евангельское ученіе, и не имѣя ни малѣйшаго понятія о догматахъ собственной секты.

Говорить подробно объ особенностяхъ каждой секты я не буду, такъ какъ раскольниковскія ученія изложены въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Здѣсь я укажу только на внѣшнія проявленія различныхъ ученій у поляковъ, на сколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить, что отчасти выясняетъ и то смѣшеніе различныхъ сектъ, о которомъ я говорила выше.

Въ Черемшанкѣ, гдѣ все населеніе, кромѣ 5—7 семей, принадлежитъ къ тремъ старообрядческимъ сектамъ—безпоповцамъ, бѣглопоповцамъ и австрійцамъ, ранѣе каждая секта имѣла свой особый молитвенный домъ; но въ настоящее время бѣглопоповцы и австрійцы соединились и молятся въ одномъ домѣ вмѣстѣ, безпоповцы же—по старому отдѣльно. Кладбище все они имѣютъ общее, на которомъ не позволяютъ хоронить православныхъ и единовѣрцевъ. Къ православнымъ обѣ поповскія секты относятся довольно терпимо: пускаютъ къ себѣ на квартиру, пьютъ чай и обѣдаютъ вмѣстѣ, даже позволяютъ курить въ комнатѣ; безпоповцы же въ этомъ отношеніи гораздо строже придерживаются старины и по возможности избѣгаютъ всякихъ сношеній съ православными, къ которымъ относятся, какъ къ „невѣрнымъ“. Былъ такой случай: къ одному безпоповцу заѣхалъ переночевать проѣзжіи православный купецъ съ

женой и 7-ми мѣсячнымъ ребенкомъ. Ночью ребенокъ захворалъ, и хозяинъ, увидавъ, что онъ можетъ умереть, не позволилъ положить его подъ иконы, а потребовалъ, чтобы его вынесли въ сѣни: „Не дамъ осквернить своихъ иконъ, класть подъ нихъ церковника (такъ старовѣры зовутъ православныхъ и единовѣрцевъ), неси его въ сѣни!“ Никакія увѣщанія не дѣйствовали. Ночь была холодная, ребенокъ въ сѣняхъ простудился бы на сквозномъ вѣтрѣ, и пришлось несчастнымъ родителямъ снова тащиться на ту станцію, съ которой они только-что пріѣхали. Тамъ они пріютились на земской квартирѣ.

Въ с. Секисовѣ раскольники раздѣляются на австрійцевъ, московцевъ и дяковцевъ. Первые два толка имѣютъ каждый особый молитвенный домъ; дяковцы же всѣ требы совершаютъ на дому. Всѣ эти три толка имѣютъ общее кладбище, отдѣльное отъ „церковниковъ“. Австрійцы держатъ свое богослуженіе въ тайнѣ. Къ нимъ откуда-то изъ окрестныхъ деревень пріѣзжаетъ тайкомъ же свой попъ и совершаетъ богослуженіе въ особой полотняной палаткѣ, изображающей скинию. Она ставится только на время службы, а потомъ снова прячется въ укромное мѣсто. У московцевъ былъ свой попъ, но куда-то скрылся, и они до присканія новаго обходятся стариками, которые причащаютъ дѣтей и больныхъ приготовленнымъ ими самими причастиемъ изъ бѣлаго хлѣба и малиноваго сока. Отъ „церковниковъ“ сторонятся, но вражды особой незамѣтно. Многіе изъ раскольниковъ пьютъ чай и даже курятъ табакъ, а молодежь прямо заявляетъ: „что намъ старина? Было время да прошло“.

Въ Лосихѣ австрійцы, окружники, противокружники и федосѣвцы имѣютъ для каждой секты отдѣльную моленную и отдѣльное кладбище, такъ что село со всѣхъ сторонъ окружено кладбищами; для единовѣрцевъ и православныхъ существуетъ особое кладбище. Въ религиозно-обрядовомъ отношеніи секты болѣе обособлены, но нетерпимости, повидимому, здѣсь меньше, чѣмъ въ предыдущихъ селеніяхъ, если не считать самодуровцевъ, о которыхъ скажу ниже. Браки между представителями различныхъ сектъ и единовѣрцами довольно часты и не считаются грѣховными.

Въ с. Староалейскомъ австрійцы и стариковцы также имѣютъ между собою тѣсную связь, да и съ единовѣрцами вражда идетъ не столько изъ-за религиозныхъ мотивовъ, сколько изъ-за экономическихъ. Дѣло въ томъ, что единовѣрцы, составляя большинство въ селеніи (58,7%), по приговорамъ сходовъ облагаютъ раскольниковъ церковными поборами на содержаніе единовѣрческой церкви и причта, не смотря на то, что, по ихъ словамъ, „отъ начальства было разъяс-

неніе“ объ изытіи раскольниковъ отъ церковныхъ поборовъ. Такъ, зимою 1897—98 г. сгорѣла церковь, и на постройку новой сходу наложилъ на всѣхъ жителей села, въ томъ числѣ и на „стариковцевъ“ (такъ зовуть себя всѣ староалейскіе раскольники безразлично) по $4\frac{1}{2}$ р. съ души. Раскольники отказались платить на основаніи „разъясненія“, но засѣдатель описалъ ихъ имущество, которое и было продано за безцѣнокъ, такъ что непокорнымъ пришлось уплатить гораздо болѣе $4\frac{1}{2}$ р. Другою причиною большей стойкости и враждебности къ церковникамъ со стороны староалейскихъ раскольниковъ является запрещеніе совершать ихъ дьякамъ обряды внѣ дома, хотя бы эти послѣдніе ничѣмъ не отличались отъ обрядовъ православныхъ. Особенно ропщутъ раскольники на запрещеніе хоронить покойниковъ съ пѣніемъ: „Святый Боже“. „Вѣдь и у васъ“, жаловались они мнѣ, „надъ покойникомъ ту же молитву поють, а наши развѣ падалъ какая, что и молитвы не стоятъ?“ Змѣногорская администрація приравниваетъ это пѣніе къ „публичному оказательству раскола“, прямо воспрещенному закономъ, и потому подвергаетъ за него взысканіямъ; раскольники же утверждаютъ, что въ пѣніи молитвы, общей съ православными, безъ „возжиганія свѣчъ“, „священническаго облаченія“ и вообще безъ всякой торжественности, нѣтъ и не можетъ быть никакого „оказательства раскола“, почему налагаемыя администраціей взысканія считаютъ „гоненіемъ за вѣру“, такъ какъ похороны безъ пѣнія молитвъ, по ихъ мнѣнію, не даютъ успокоенія душѣ, „и ходитъ она (душа) по мытарствамъ, и плачется Господу Богу, что лишили ее христіанскаго погребенія“. Убѣжденіе, что они терпятъ несправедливо „гоненіе“, заставляетъ староалейцевъ съ неприязнью относиться къ православнымъ и поддерживаетъ въ нихъ воинствующее настроеніе, а безъ этого они, можно сказать навѣрное, давно примирились бы и съ единовѣрцами, и съ православными, съ которыми въ житейскихъ дѣлахъ и теперь поддерживаютъ дружескія сосѣдскія отношенія. Постоянное общеніе съ тѣми и другими, въ самомъ селеніи, близость и частыя посѣщенія Змѣногорска, имѣющаго православное населеніе, не могли не оказать вліянія на мировоззрѣніе староалейскихъ раскольниковъ, и она давно уже въ сущности отстала отъ прежнихъ религіозныхъ взглядовъ и только по привычкѣ, подкрѣпляемой различными столкновеніями, въ редѣ вышеприведенныхъ, продолжаютъ сторониться отъ „мірянъ“.

Сказаннаго достаточно, я думаю, чтобы убѣдиться, что поляки, сохранившіе *внѣшнюю*, обрядовую сторону раскола почти неприкосновенною, въ сущности, *по духу* очень близки къ полному разрыву

съ нимъ. Ихъ „воинствующая церковь“ за неимѣніемъ непріятеля давно перешла на мирное положеніе, и только ихъ косность, вызываемая невѣжествомъ, да отсутствіе разумныхъ попытокъ къ сближенію со стороны православныхъ препятствуютъ ихъ полному слиянію съ остальнымъ населеніемъ.

Исключеніе составляютъ самодуровцы, ученіе которыхъ больше всего распространено въ д. Бутаковой, а затѣмъ въ Лосихѣ и Секисовѣ, откуда начинается и по сосѣднимъ селеніямъ. Первоначальной его родиной, кажется, нужно считать Бутакову, гдѣ почти все населеніе принадлежитъ къ этой сектѣ. Самодуровцы появились здѣсь, какъ я уже говорила, года три назадъ; что же касается ихъ происхожденія, то, принимая во вниманіе нѣкоторые догматы ихъ, наиболѣе вѣроятною нужно признать ту версію, по которой эта секта обязана своимъ происхожденіемъ выходцамъ изъ Самарской губерніи—духоборамъ. Какъ секта новая, еще не сложившаяся, притомъ же идущая въ разрѣзъ съ старообрядцами, самодуровцы неохотно рассказываютъ про себя, хотя въ то же время самыя догматы пропагандируютъ съ жаромъ неопитовъ. Въ іюлѣ 1898 г. они даже устроили торжественное собесѣдованіе съ единовѣрцами и старообрядцами въ с. Лосихѣ. По обыкновенію, собесѣдованіе окончилось ничѣмъ—каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи, но самодуровцы убѣждены, что они одержали верхъ, и только „козни“ противниковъ помѣшали ихъ побѣдѣ быть признанной всемію. Поэтому они рѣшили послать подробное изложеніе происходившаго спора въ Святѣйшій Синодъ и „самому Государю“: „тогда ужъ не зажмутъ рта, правда-то наружу выйдетъ“.

Вслѣдствіе недавняго появленія самодуровской секты на Алтаѣ, догматы ея, повидимому, далеко еще не выработаны и не установлены окончательно. Впрочемъ, увѣренно сказать это я затрудняюсь, такъ какъ лично отъ самодуровцевъ мнѣ пришлось слышать только разъ краткое изложеніе ихъ ученія, большая же часть свѣдѣній о немъ получена мною отъ сосѣдей, которые могли и исказить слышанное ими отъ самодуровцевъ. Тѣмъ не менѣе я изложу тѣ свѣдѣнія, которыя я могла хоть нѣсколько проверить.

Въ д. Бутаковой, этой колыбели „самодурства“, гдѣ самодуры составляютъ громадное большинство въ настоящее время, ранѣе населеніе принадлежало къ двумъ сектамъ—поморской и федосѣевской, представители которыхъ и восприняли отъ самарскихъ духоборовъ ихъ ученіе. Совершенно не подготовленные къ пониманію самой сути ученія, они исказили ее, передѣлавъ сообразно своимъ понятіямъ

и развитію, при чемъ, конечно, должны были возникнуть и различныя толкованія его, иногда прямо противоположныя его истинному смыслу, и передѣлка на старообрядческой ладъ. Свѣдѣнія о бутаковскихъ самодуровцахъ, приводимыя далѣе, получены мною главнымъ образомъ отъ жителей д. Черемшанки, и лишь незначительная часть ихъ отъ самихъ бутаковцевъ, возвращавшихся домой съ „собесѣдованія“ въ Лосихѣ, и къ этимъ свѣдѣніямъ больше всего относится моя оговорка относительно степени ихъ достовѣрности.

Самодуровцы дѣлятся на три „части“; „брачныя, безбрачныя и самокресты“. Насколько я могла понять, только послѣдніе принадлежатъ собственно къ послѣдователямъ духоборовъ, остальные же двѣ „части“ только выражаютъ готовность присоединиться къ нимъ, а пока остаются по прежнему безпоповцами. Основной догматъ самодуровскаго ученія—это необходимость вторичнаго крещенія „въ Иордани“, т. е. въ рѣкѣ въ праздникъ Крещенія. Крещеніе младенца они признаютъ недѣйствительнымъ, такъ какъ младенецъ подвергается ему не сознательно, не по своей волѣ, а по желанію родителей; крещеніе же взрослыхъ „въ Иордани“ омываетъ всѣ грѣхи, сдѣланные ранѣе, почему нѣкоторые оттягиваютъ до послѣдней возможности совершеніе его въ томъ расчетѣ, чтобы сразу очиститься отъ возможно большаго числа грѣховъ. Впрочемъ, самодуровцы признаютъ, что крещеніе можетъ быть повторяемо сколько угодно разъ, сохраняя свою очистительную силу. Крестятъ въ Иордани всѣхъ: и взрослыхъ, и дѣтей, только для послѣднихъ считается обязательнымъ перекреститься снова, когда они войдутъ въ возрастъ, такъ какъ крещеніе въ дѣтскомъ возрастѣ смываетъ только „родительскіе“ грѣхи, отъ своихъ же человѣкъ можетъ очиститься лишь тогда, когда онъ „войдетъ въ понятіе“.

Кромѣ крещенія, бутаковскіе самодуровцы не признаютъ никакихъ таинствъ, иконамъ не поклоняются, называя ихъ „идолами“ и „деревянными картинами“, но распятіе имѣется обязательно въ каждой комнатѣ. По формѣ оно отличается отъ старообрядческаго тѣмъ, что не имѣетъ изображенія Духа Святого, которое всегда есть на распятіяхъ перваго типа. Старообрядцы говорятъ по этому поводу о самодуровцахъ, что „не даромъ ихъ духоборами зовутъ“ понимая слово „духоборъ“ въ смыслѣ борца *противъ* Духа. Молитвы самодуровцы, повидимому, тоже не признаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ: въ Черемшанкѣ мнѣ рассказывали, что они заявляютъ: „прошли тѣ времена, когда Богу надо молиться было, теперь этого не требуется“. Отъ секисовцевъ о тамошнихъ самодурахъ я

слышала, что они молятся, только не на иконы, а въ особо просверленные по направленію къ востоку дыры, за что населеніе прозвало ихъ вѣру „дыркина вѣра“. Кажется, для спасенія самодуровцы считаютъ необходимыми только вѣру и вторичное крещеніе, которое очищаетъ отъ всѣхъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ; дѣйствія же и поступки человѣка лишь въ томъ случаѣ могутъ имѣть значеніе, если онъ не „омылся“ отъ нихъ въ Иордана. Благодаря такому взгляду, самодуровцы и позволяютъ себѣ грѣшить, разсчитывая смѣть всѣ грѣхи крещеніемъ, которое повторяютъ иногда нѣсколько разъ, увѣряя, что холодъ при этомъ совсѣмъ на нихъ не дѣйствуетъ, такъ какъ „Богъ грѣетъ вѣрующихъ“.

Признавая поклоненіе иконамъ за идолопоклонство, считая молитву излишнею, такъ какъ „Богъ и безъ насъ знаетъ все, что намъ нужно, и что мы думаемъ“, относясь къ распятію, какъ къ простому изображенію, напоминающему намъ о томъ, что „Богъ помиловалъ насъ своими страданіями“, самодуровцы относятся равнодушно и даже отрицательно и къ исполненію прочихъ обрядовъ и правилъ, которые старобрядцами считаются обязательными для каждаго „христіанина“. „Сложенію перстовъ“ не придаютъ никакого значенія даже тѣ изъ нихъ, кто признаетъ необходимость молитвы; старинной одежды не носятъ, замѣнивъ ее обычнымъ въ Сибири крестьянскимъ костюмомъ: „одежда—тлѣны; вѣтъ грѣха, какую хочешь, носить“.

Къ единовѣрцамъ и православнымъ, а также, хотя и въ меньшей степени, и къ стаобрядцамъ, самодуровцы относятся враждебно и считаютъ грѣхомъ общеніе съ ними: „на васъ даже глядѣтъ-то грѣхъ—надо ницъ надать, какъ встрѣтишься, чтобы не сквернить глазъ своихъ“. Но считая грѣхомъ ѣду и питье, даже простую встрѣчу съ церковникомъ, самодуровцы въ то же время разрѣшаютъ своимъ парнямъ и дѣвкамъ участвовать въ общихъ игрищахъ съ церковниками и очень легко относятся къ тому, что на этихъ игрищахъ часто возникаетъ связь между тою и другою стороною; даже беременность дѣвушки и рожденіе ею ребенка не смущаютъ ихъ: „Это птичій грѣхъ“, говорятъ они, „а младенца мы въ своей вѣрѣ взростимъ“. Не смотря на такое легкое отношеніе къ вѣнчаемымъ половымъ отношеніямъ, самодуровецъ никогда добровольно не согласится на бракъ сына или дочери съ церковникомъ, и такіе браки заключаются только убѣгомъ, да и то крайне рѣдко, потому что самодуровецъ непременно постарается отомстить. Разница въ отношеніи къ браку и вѣнчанной связи самодуровцы объясняютъ тѣмъ,

что въ первомъ случаѣ дѣти отъ брака съ церковникомъ крестятся и воспитываются въ единовѣрїи или православіи, да и самъ супругъ, а въ особенности жена, войдя въ семью церковниковъ, чаще всего измѣняетъ своей вѣрѣ.

Насколько враждебно отношеніе самодуровцевъ къ подобнымъ бракамъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Лосихѣ во время моего пребыванія тамъ. Самодуровская дѣвушка на игрищахъ слюбилась съ однимъ парнемъ, даже не церковникомъ, а австрійцемъ, и тайкомъ вышла за него замужъ. Послѣ брака молодые явились къ отцу невѣсты „просить прощенья“. Отецъ потребовалъ 150 р. за дочь, зная хорошо, что ея мужъ не можетъ уплатить ихъ по бѣдности, и оставилъ дочь у себя, пригрозивъ въ случаѣ вторичнаго побѣга убить ее („только мокренько останется“). На своего зятя онъ подалъ жалобу мировому судѣ, обвиняя перваго въ „растлѣніи малолѣтней“: онъ утверждаетъ, что его дочери 13 лѣтъ, а сама дочь говоритъ, что ей уже 18 годъ, да и по наружности это вполне сформировавшаяся женщина. На допросѣ у мирового судьи дочь показала, что она добровольно вышла замужъ и желаетъ остаться у мужа; мужъ и свекоръ также заявили, что они ею вполне довольны и не желали бы разставаться съ нею. Но отецъ продолжалъ настаивать: „она мала еще, глупа; онъ ее опоилъ да и соблазнилъ; не отдамъ дочь“. Тутъ же изъ показаній свидѣтелей и дочери выяснилось, что отецъ, отобравъ ее отъ мужа, систематически подвергалъ ее различнымъ истязаніямъ. Мировой судья предложилъ окончить дѣло миромъ, предупредивъ старика, что въ случаѣ продолженія дѣла онъ долженъ будетъ подвергнуть его дочь медицинскому освидѣтельству. Старикъ отказался отъ мировой и согласился на осмотръ дочери, который и былъ произведенъ въ присутствіи двухъ женщинъ. Принимая во вниманіе, какимъ позоромъ считается у крестьянъ, въ особенности у раскольниковъ, осмотръ женщины постороннимъ женщиной, не трудно представить себѣ, до какого отчаянія была доведена молодая женщина, и какъ настойчиво желалъ расторгнуть бракъ старикъ, рѣшившійся подвергнуть свою дочь этому позору.

Сказанное о самодуровцахъ можно резюмировать такъ: это секта еще не установившаяся, воспринявшая нѣкоторыя положенія духовоборь, но не сумѣвшая разобраться въ нихъ и не отрѣшившаяся вполне отъ прежнихъ старообрядческихъ взглядовъ, благодаря чему въ догматахъ самодуровцевъ замѣчается часто полное несоотвѣтствіе и логическая несообразность; въ послѣдователяхъ этой секты, какъ обыкновенно у всѣхъ неофитовъ, замѣтенъ болѣе фанатизмъ и не-

терпимость, нежели у остальных раскольников той же мѣстности, вслѣдствіе чего отношенія самодуровцевъ къ „чужевѣрамъ“ гораздо обостреннѣе и враждебнѣе, чѣмъ у другихъ сектъ.

Поляки Бобровской волости, по свѣдѣніямъ г. Иванова, принадлежатъ къ сектамъ австрійской, федосѣевской и поморской и держатся обособленно отъ сибиряковъ даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они живутъ смѣшанно съ послѣдними. Здѣсь, повидимому, прежніе догматы сохранились въ большей чистотѣ, и требованія вѣроученія соблюдаются болѣе строго, нежели въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ.

V.

Живя въ отдаленіи отъ всякихъ крупныхъ центровъ, какъ промышленныхъ, такъ и умственныхъ, въ сравнительно благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ, вслѣдствіе чего имъ не было необходимости приспособляться къ новымъ условіямъ или вести ожесточенную борьбу за существованіе, что заставило бы волей-неволей расширить и умственные, и нравственные запросы,—живя въ такой обстановкѣ, поляки естественно сосредоточили свои духовныя потребности почти исключительно на религіозныхъ вопросахъ, и это не могло не сказаться въ нравахъ и обычаяхъ, стоящихъ въ тѣсной зависимости отъ религіознаго міросозерцанія, котораго придерживается населеніе данной мѣстности.

Общія бѣдствія, претерпѣнныя ранѣе поляками и сплотившія ихъ въ одну религіозную общину, создали между ними и общественную связь, гораздо болѣе сильную, нежели та, какая существуетъ между односельцами-сибиряками, и захватывающую все стороны ихъ жизни. Полякъ не ограничивается одними дѣловыми отношеніями къ сосѣдямъ; онъ нуждается въ ихъ обществѣ и для того, чтобы поговорить о душѣ, посудить, поболтать о разныхъ пустякахъ. Благодаря такой общительности поляковъ, уличная жизнь въ польскихъ селеніяхъ очень развита, что дѣлаетъ эти селенія похожими на русскія и рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ массы сибирскихъ. Въ послѣднихъ, положимъ, съ окончаніемъ работъ, народъ тоже проводитъ время больше на улицѣ, особенно молодежь, но здѣсь „уличное сидѣнье“ носитъ иной характеръ: каждый сидитъ возлѣ своего дома, около котораго иногда собираются лишь нѣсколько человѣкъ ближайшихъ сосѣдей, и только молодежь „гуляетъ“ и „играетъ“ большой толпой; у поляковъ же, наоборотъ, населеніе все собирается большими группами: молодежь со всего села, парни, дѣвушки, молодые замужнія

быба и ихъ мужья идутъ вмѣстѣ „на полянку“—мѣсто, назначенное для игрищъ, обыкновенно на лужайкѣ у хлѣбнаго амбара; старики и пожилые мужики собираются отдѣльно и ведутъ разговоры о различныхъ дѣлахъ; къ нимъ иногда присоединяются и нѣкоторыя старухи, большинство которыхъ составляетъ особую группу, занятую главнымъ образомъ надзоромъ за малыми ребятами—подростки играютъ самостоятельно или присоединяются къ молодежи. Эти сборища на улицѣ по праздникамъ начинаются съ утра, сейчасъ же по окончаніи богослуженія и придаютъ селу такой оживленный видъ, какого мнѣ не приходилось подмѣчать въ другихъ сибирскихъ селеніяхъ.

Праздничныя развлечения молодежи или „молодяжника“ какъ говорятъ поляки, нѣсколько разнообразятся, смотря по селенію, но вездѣ игры „на полянкѣ“ составляютъ необходимую принадлежность ихъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи, по слухамъ, составляетъ д. Бутакова, населенная, какъ я уже говорила, почти исключительно самодуровцами, которые запретили своимъ дѣтямъ заводить игрища, считая ихъ „грѣховными“: „Надо о душѣ думать, а играть да пѣсни пѣть—только дьявола тѣшить“. Вѣрны-ли эти слухи, судить не могу, такъ какъ самой мнѣ не удалось быть въ праздникъ въ Бутаковой, въ другихъ же селеніяхъ самодуровцы не препятствуютъ своимъ парнямъ и дѣвушкамъ участвовать въ игрищахъ даже съ иновѣрными.

Больше всего праздничныхъ развлеченій устраиваетъ молодежь въ Александровской и Алейской волостяхъ; въ селеніяхъ же Владимірской и Риддерской вол., кромѣ „полянки“, существуетъ только хожденіе другъ къ другу въ гости. Для примѣра опишу праздникъ въ с. Шемонаевскомъ, который я провела тамъ. Часовъ съ 9 утра на улицѣ стали появляться группы разряженныхъ дѣвушекъ, гулявшихъ отдѣльно отъ парней, которые также группами слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ гулять по улицѣ дѣвушкамъ вмѣстѣ съ парнями считается неприличнымъ—это разрѣшается только „на полянкѣ“. Въ это время дѣвушки закупаютъ конфетъ и пряниковъ, которыми потомъ, „на полянкѣ“ будутъ угощать своихъ кавалеровъ, условливаются, кому съ кѣмъ ходить, какія пѣсни пѣть и пр. Съ улицы идутъ домой обѣдать, а послѣ обѣда устраивается катанье на лошадяхъ съ колокольчиками. Чаще всего катанья устраиваются кѣмъ-нибудь однимъ по случаю какого-нибудь семейнаго праздника—родинъ, возвращенія сына изъ солдатъ и т. п.—или по случаю помочей, когда катаютъ помочанъ. Если въ семьѣ есть дѣ-

вухи или молодыя бабы, онѣ приглашаютъ къ себѣ подругъ, а парни—товарищей и катаются всѣ вмѣстѣ на нѣсколькихъ телѣгахъ, запряженныхъ каждая въ одну лошадь и обязательно съ колокольчиками. Такія празднества продолжаются иногда дня три—четыре. Послѣ катанья идутъ „на полянку“, гдѣ водятъ хороводы, поютъ пѣсни и пляшутъ; тамъ же заводится и „жениханье“: парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ въ невѣсты, получаютъ отъ нихъ подарки—пряники, конфеты, самотканые пояса, а имъ дарятъ въ свою очередь серьги, ленты и т. п. Такія пары проводятъ все время вмѣстѣ и въслѣдствіи обыкновенно соединяются бракомъ. Случай расхожденія и выборъ себѣ другой пары очень рѣдки, хотя это и не считается предосудительнымъ—обязательно только возвратить подарки потерявшей сторонѣ. Поздно ночью возвращается молодежь домой съ полянки, но, не смотря на полную свободу и отсутствіе надзора старшихъ, не смотря на „жениханье“, случай потеря цѣломудрія дѣвушками относительно рѣдка, и это наблюдается чаще среди безпоповцевъ и самодуровцевъ, признающихъ законный бракъ „блудомъ“, а истиннымъ бракомъ „сожитіе по любви“; единовѣрцы же и представители поповскихъ сектъ къ вѣнчаннымъ связямъ относятся неодобрительно, и среди нихъ эти связи почти не встрѣчаются и вызываютъ общее осужденіе, хотя и менѣе строгое, чѣмъ у православныхъ.

Особенно оживленно проходятъ такъ называемыя „сѣзжіе“ праздники: каждое селеніе, хотя бы въ немъ и не было храма, имѣетъ свой такъ сказать, храмовой праздникъ, на который сѣзжаются гости, родные и знакомые, изъ другихъ селеній. Къ сѣзжему празднику въ каждомъ хозяйствѣ варятъ пиво съ медомъ, на что уходитъ иногда недѣли двѣ, такъ какъ пиво истребляется въ невѣроятномъ количествѣ. Большинство сѣзжихъ праздниковъ приходится на осень, когда народъ уберется съ хлѣбомъ и запасетъ за лѣто меду. Комнаты къ празднику украшаютъ цвѣточными гирляндами и различными искусными плетеніями изъ соломы. Къ этому же времени заготавливаютъ и лучшіе наряды. Вообще, сѣзжіе праздники чествуются особенно торжественно.

Здѣсь же кстати скажу и о праздникахъ, устраиваемыхъ помочанамъ. Въ противоположность сибирякамъ, поляки въ самый день помочей не устраиваютъ „угощенья“: помочанъ кормятъ только обѣдомъ, все остальное время они работаютъ. Зато въ первый же праздникъ послѣ помочей для нихъ дѣлается „гулянка“: ихъ поятъ пивомъ, угощаютъ праздничнымъ обѣдомъ, катаютъ на лошадяхъ и пр.

Зимніе праздники мало чѣмъ отличаются отъ лѣтнихъ: тоже катанье, только телѣги замѣняются санями; тоже гулянье съ пѣснями по улицамъ, а вмѣсто сборищъ „на полянкѣ“—вечерки, на которыхъ въ праздники играютъ въ различныя игры, а въ будни дѣвушки прядутъ, ткутъ или вышиваютъ съ пѣніемъ, парни же играютъ на гармоникѣ и поютъ.

Что касается собственно игръ молодежи, то онѣ очень незатѣливы: хороводы водятъ только весною, до Троицы; все остальное время проводится на полянкѣ въ хожденіи съ пѣніемъ вокругъ амбара, да въ заигрываньяхъ парней съ дѣвушками; на вечеркахъ играютъ въ старинныя игры—„зайчики“, „золото хороню“ и т. п., а больше также поютъ или бесѣдуютъ попарно; пляшутъ мало и неизячно—нѣтъ того огня, той страсти, съ какою пляшутъ въ Россіи „трепака“.

Пѣсни въ огромномъ большинствѣ бытового, любовнаго или историческаго содержанія, старинныя. Рѣдкіе изъ поляковъ знаютъ эти пѣсни до конца, большей частью поютъ только нѣсколько начальныхъ строкъ, а затѣмъ переходятъ къ другимъ пѣснямъ, которыя также обрываютъ на половинѣ. Любовныя пѣсни большей частью также или не имѣютъ конца, или представляютъ попури изъ различныхъ старинныхъ романсовъ, иногда искаженныхъ до неузнаваемости; поются и малороссійскія пѣсни.

Историческія пѣсни могутъ быть подраздѣлены по содержанію на казачьи и разбойническія. Есть еще одна пѣсня, въ которой говорится объ основаніи Москвы, но въ чемъ именно состоитъ ея содержаніе,—сказать невозможно, такъ какъ опрошенные мною поляки помнили только слѣдующія строки:

Былъ я на горочкѣ,

Былъ я на крутой.

Построился тутъ

Городъ Москва

На сѣрымъ камушкѣ,

Вѣлужкимъ (бѣлымъ) перомъ....

А затѣмъ прибавляли: „Дальше сказывается, какъ Москва зачиналась, да мы забыли слова-то“. Казачьи пѣсни больше сохранились въ народной памяти, и многія изъ нихъ поются цѣликомъ. Главнымъ содержаніемъ ихъ служитъ походъ казака, разлучающій его съ милой; таковы: „Брала, брала дѣвка воду“, „Сѣлъ казакъ на коня“; въ пѣснѣ: „Подымался съ горъ туманы“ описывается смерть какого-то казачьяго полковника, вздумавшаго „со горя помирать въ середу по утру, въ самую въ обѣдню“; часто въ пѣсняхъ упоми-

нается „Дунай-рѣка“. Но наврядъ-ли пѣвцы имѣютъ ясное представленіе о содержаніи своихъ пѣсень; по крайней мѣрѣ, на мои вопросы обыкновенный отвѣтъ былъ: „Кто его знаетъ! сказываютъ, есть рѣка Дунай“ или: „старьки сказывали, былъ такой полковничекъ—отъ стариковъ пѣсня ведется“.

Разбойничьи пѣсни, повидимому, также стариннаго происхожденія и принесены поляками на Алтай еще изъ Россіи—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ распространены и тамъ; напримѣръ, пѣсня: „Изъ тѣхъ лѣсовъ дремучихъ разбойнички идуть, въ рукахъ своихъ могучихъ носилочки несутъ“ поется и въ городахъ, и въ селахъ центральныхъ губерній Европейской Россіи.

Вообще большинство пѣсень, которыя поются поляками, несомнѣнно стариннаго происхожденія; оригинальныхъ, сложенныхъ самими поляками, мало, если не считать свадебныхъ, которыя отличаются, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ чисто мѣстнымъ колоритомъ. Обычныя же пѣсни большей частью или старинныя общерусскія, или представляютъ искаженіе также старинныхъ романсовъ, иногда доходящее до полной безсмыслицы. Такъ, извѣстный романсъ: „Надъ серебряной рѣкой, на золотомъ песочкѣ долго дѣвы молодой я искалъ слѣдочки“ поется такъ:

На серебряныхъ волнахъ,

На золотыхъ песочкахъ

Давно съ дѣвой молодой

Растерялъ слѣдочки и т. д.

Впрочемъ, нужно сказать, что пѣсни поляковъ вообще не отличаются осмысленностью содержанія и даже соблюденіемъ размѣра. Сплошь и рядомъ, начинаясь отъ имени дѣвушки, пѣсня безъ всякаго перехода оканчивается отъ имени парня. Такъ, пѣсня „Дѣвка думала-гадала“, послѣ словъ: „потеряла свой покой, свой покой предорогой за тебя, любезный мой“ непосредственно продолжается такъ:

За тебя, дѣвушка милая,

Прежилъ я холость, не женать.

Содержаніемъ бытовыя пѣсни большей частью имѣютъ различныя любовныя перипетіи. Но есть и юмористическія, въ родѣ слѣдующей, которую я приведу здѣсь какъ образчикъ смѣшенія русскаго и малороссійскаго языка:

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ

Призащуривъ очи—

Такъ и видно, что онъ, бѣдный,

Варениковъ хоче.

Хотѣлъ бѣдный москалекъ,

Сталь женку пытати:

„Хозяюшка, голубушка,

„Свари мнѣ инъ-то, чу....“

—Что, чего тебѣ зварити?
 „Бери тѣсто, бери творогъ—
 „Тутъ выходятъ пироги...“
 Стала женушка жидати,
 Въ барабанъ играти.
 Заторгачиль барабанъ,
 Пошелъ москаль зъ хаты,
 Пошелъ бѣдный москалечекъ,

Съ голоду сердитый.
 Подбѣгаетъ ко ученью,
 Стали его бияти.
 Біють, біють москалюку,
 Вину вспоминають,
 Его „пироги“, „варенички“
 Тайно называютъ.

Въ общемъ, не смотря на малую поэтичность пѣсенъ, поляки, по сравненію съ сибиряками, могутъ быть названы музыкальнымъ и поэтическимъ народомъ: голоса ихъ мягче и музыкальнѣе сибирскихъ; пѣсни поются не только на игрищахъ или на пирушкахъ, но и дома, и въ полѣ за работой; отношеніе къ природѣ, къ животнымъ болѣе любовное, и здѣсь не рѣдкость встрѣтить человѣка, способнаго любоваться и восхищаться красотами природы, чего, правду сказать, среди сибирскихъ, а пожалуй, и російскихъ крестьянъ мнѣ наблюдать не приходилось, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Можетъ быть, въ этой любви къ природѣ надо видѣть вліяніе общаго у раскольниковъ стремленія къ „пустынѣ“, надежды въ ней найти примиреніе съ жизнью и совѣстью.

Общительность поляковъ, ихъ стремленіе къ единенію сказываются и въ болѣе мягкихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Дѣти растутъ на полной волѣ, пользуясь любовью и ласками родителей; я ни разу даже не слыхала о томъ, что дѣтей „надо учить“, т. е. бить, какъ говорятъ сибиряки. Мальчики и дѣвочки съ раннихъ лѣтъ играютъ вмѣстѣ и лѣтъ съ 12 начинаютъ уже „жениться“. Какъ я уже сказала, это жениханье обыкновенно приводитъ къ браку; но и въ случаѣ расхожденія родители не вмѣшиваются, предоставляя молодымъ людямъ самимъ рѣшать свою судьбу. Отношенія между парнями и дѣвушками свободныя, но собственно разврата между поляками я не наблюдала; парень, выбравъ себѣ подругу, довольствуется уже ею одною и съ другими не заигрываетъ; тоже слѣдуетъ сказать и о дѣвушкахъ, хотя, разумѣется, встрѣчаются и исключенія.

Вслѣдствіе такой свободы молодежи, браки обыкновенно заключаются по любви; молодежь сперва уговаривается между собой, а потомъ уже женихъ обращается къ родителямъ, которые устраиваютъ формально сватовство. Отказъ родителей въ согласіи на бракъ очень рѣдокъ и практикуется только въ двухъ случаяхъ, если богачъ хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, или если послѣдователь одной

секты выбирает себѣ невѣсту изъ другой; но и эти случаи рѣдки, чаще родители даютъ согласіе даже на неравный бракъ. Иногда родители сами выбираютъ сыну подходящую, по ихъ мнѣнію, невѣсту, но всегда спрашиваютъ его согласія и жениться „не волятъ“. Дѣвушки чаще выходятъ замужъ по волѣ родителей, но и это совершается безъ прямого принужденія, а просто потому, что дочь растетъ болѣе подъ влияніемъ отца съ матерью, чѣмъ сынъ, не пользуется такой самостоятельностью, какъ онъ, и потому легче поддается внушеніямъ, да и въ хозяйствѣ она является лишь второстепенной величиной, всегда болѣе или менѣе зависимой отъ мужчины.

Этотъ характеръ брака, какъ дѣла свободнаго влеченія и любви будущихъ супруговъ, столь рѣдко наблюдаемый у нашихъ крестьянъ, объясняется, мнѣ кажется, двумя обстоятельствами: 1) значительнымъ экономическимъ благосостояніемъ поляковъ, позволяющимъ не придавать первостепеннаго значенія матеріальной выгодѣ въ дѣлѣ заключенія брака; 2) влияніемъ религіозныхъ воззрѣній, такъ какъ, не говоря уже о безпоповцахъ, даже послѣдователи поповскихъ сектъ вслѣдствіе невозможности всегда имѣть подъ рукою своего священника, который могъ бы освятить бракъ, вынуждены слишкомъ часто ограничиваться свободнымъ сожательствомъ, по самой сущности своей являющемся результатомъ добровольнаго согласія заинтересованныхъ сторонъ. Правда, около половины поляковъ принадлежатъ къ единовѣрію, но оно не могло въ нихъ уничтожить прежнихъ взглядовъ и привычекъ, выработанныхъ вѣками.

Заключеніе брака по желанію самихъ брачующихся, а не по принужденію родителей, отразилось и на свадебныхъ обрядахъ, которые въ общемъ одинаковы съ общепринятыми у крестьянъ и отличаются именно тѣмъ, что въ нихъ выражается желаніе жениха и невѣсты вступить въ бракъ, а также и на свадебныхъ пѣсняхъ и причтаніяхъ, имѣющихъ менѣе унылый характеръ. Передавать въ подробностяхъ весь порядокъ сватовства и свадьбы я не буду, такъ какъ мнѣ уже приходилось недавно говорить объ этомъ¹⁾, и ограничусь краткимъ изложеніемъ его, отмѣтивъ лишь тѣ особенности, какими свадебные обряды поляковъ отличаются отъ обрядовъ сибиряковъ.

Сговорившись заранѣе съ невѣстой и обмѣнявшись съ нею подарками, женихъ обращается къ отцу съ просьбой сосватать ему невѣсту и называетъ свою избранницу. Отецъ самъ съ родственника-

¹⁾ „Поѣздка въ Риддерскій край“. XXV кн. „Записокъ“ Зап.-Сибирскаго Отдѣла.

ми отправляется къ родителямъ невѣсты „съ добрымъ словомъ—со сватаньемъ“; тѣ спрашиваютъ дочь, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то, и если она отвѣчаетъ: „пойду“, то сваты тутъ же уговариваются относительно размѣра „подъемныхъ“, т. е. денегъ, какія отецъ жениха долженъ отдать за невѣсту и которыя, какъ и у сосѣдей поляковъ—ридерскихъ обывателей, цѣликомъ идутъ на свадебный пиръ и на покупку разныхъ предметовъ для невѣсты. Затѣмъ отецъ жениха отправляется домой и возвращается къ невѣстѣ уже съ самимъ женихомъ и его матерью; съ ними приходятъ также человѣкъ пять родственниковъ. Если женихъ православный или единовѣрецъ, а невѣста раскольница, или обратно—женихъ раскольникъ, а невѣста „церковная“, то сперва уговариваются, какъ дѣлать свадьбу—„на вѣнецъ или свodomъ“, потомъ окончателно условливаются о величинѣ подъемныхъ и приданого, назначаютъ срокъ, недѣли въ двѣ, когда должно быть „бранье“ невѣсты, къ которому какъ хозяева, такъ и приглашенные гости должны наварить пива, а затѣмъ производится „рукобитье“.

Послѣ рукобитья невѣста вмѣстѣ съ подругами шьетъ приданое; женихъ посѣщаетъ ее каждый день, катаетъ ее съ подругами на лошадахъ и пр. Во время рукобитья дѣвушки поютъ:

Не полати-то грянули,
 По рукамъ дѣвку ударили;
 Что не печь повалилася,
 (Такая-то) заручилася
 Со милымъ дружкоймъ (такимъ-то).

За шитьемъ приданого дѣвушками поется пѣсня:

Вились кудри, сповились	} „Прилегайте, мои кудерки,
Удалаго добра молодца.	} „Ко моему бѣлому лицу,
Завивала красна дѣвица-душа.	} „Ко румяному!“.
Завивала, приговаривала:	}

Невѣста въ это время причитаетъ, обращаясь послѣдовательно къ отцу, матери и пр. роднымъ:

Родимый ты мой батюшка (родимая моя матушка и т. д.)
 Спаси тебя, господи,
 Что ты меня поилъ, кормилъ,
 Обуваль, одѣваль,
 Въ цвѣтное платьице наряжалъ.

Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что въ пѣсняхъ гораздо болѣе, нежели у тѣхъ же ридерцевъ, отводится мѣсто любви между невѣстой и женихомъ, и вообще эти пѣсни менѣе унылы.

Къ этому же времени, т. е. къ промежутку между рукобитьемъ и браньемъ, приурочивается и „выводъ на зарю“ неvěсты. Этотъ обычай, объяснить который я не могу, такъ какъ поляки сами не знаютъ его значенія, а исполняютъ только по традиціи, состоитъ въ слѣдующемъ: подружки каждый день на утренней зарѣ выводятъ неvěсту на дворъ или на улицу, и она тамъ причитаетъ— „голосить“:

Ужь вы, милыя-то мои подруженьки,

Быведите меня на бѣлу зарю,

Съ новой горницы во новы сѣни,

Съ новыхъ то сѣней на красно крыльцо,

Со красна-то крыльца на широкой дворъ,

Со широкаго-то двора на широку улицу!

Раздуйте-ка, мои вѣтры буйныя,

Раскачайте-ка вы, мои вѣтры буйныя,

Гробову доску—любую тоску!

„Наголосившись“, неvěста уходитъ обратно въ домъ и благодарить подругъ: „Спаси-то васъ, Господи, милыя подруженьки, что сводили меня на бѣлую зарю“.

Въ условленное время назначается „бранье“—собственно самая свадьба, обрядъ, замѣняющій у раскольниковъ наше вѣнчанье; послѣднее обходится дорого (10—15 р. за вѣнецъ) и потому все болѣе выводится изъ употребленія даже у „церковниковъ“. Для бранья неvěсты къ жениху собираются гости, родные и знакомые, и всей гурьбой, вмѣстѣ съ женихомъ отправляются въ домъ неvěсты. Ихъ встрѣчаютъ хозяева со своими гостями и усаживаютъ за столъ. Тогда жениховы родители заявляютъ, что они явились за тѣмъ, что было прошено, и требуютъ, чтобы имъ отдали неvěсту, которая до той поры прячется въ другой комнатѣ. За нею отправляются свахи и подводятъ къ жениху. Дьякъ, начетникъ или свой священникъ, если таковой имѣется, читаетъ молитвы и псалмы, соотвѣтствующіе случаю, положивъ псалтирь на наклоненныя головы жениха и неvěсты, и затѣмъ благословляетъ ихъ, послѣ чего они подходятъ подъ благословіе родителей неvěсты. Тѣ благословляютъ ихъ и въ сопровожденіи всѣхъ гостей и дьяка отводятъ ихъ въ домъ жениха. Придя туда, всѣ усаживаются за столъ, кромѣ молодыхъ, которые становятся въ передній уголъ. Дьякъ снова кладетъ псалтирь имъ на головы и читаетъ молитвы, по окончаніи которыхъ благословляетъ кичку¹⁾,

¹⁾ При вѣнчаньи кичку приносятъ въ церковь; священникъ кладетъ ее въ алтарь, а послѣ вѣнчанья отдаетъ свахамъ, которыя и одѣваютъ ее въ церкви же на новобрачную.

которую тут же надѣваютъ на голову невѣсты, послѣ чего молодыхъ благословляютъ родители жениха, а затѣмъ начинается „столованье“, при чемъ дьякъ (или попъ) садится рядомъ съ женихомъ, а возлѣ него отцы жениха в невѣсты; матери садятся рядомъ съ невѣстой. Въ это время гостей угощаютъ виномъ, и каждый угощаемый долженъ сдѣлать какой-нибудь подарокъ молодымъ. Расходятся только къ ночи. На другой день молодые и родители жениха отправляются за приданымъ къ родителямъ новобрачной, гдѣ снова начинается угощенье, послѣ чего выдаютъ приданое, по полученіи котораго новобрачные отправляются домой. Потомъ каждый изъ бывшихъ на свадьбѣ гостей поочередно устраиваетъ у себя пирь, и гулянки продолжаются иногда очень долго.

Во все время свадебныхъ гулянокъ—рукобитья, дѣвичника и бранья поются свадебныя пѣсни, частью общія съ тѣми, что поютъ вообще сибиряки, частью оригинальныя. Изъ послѣднихъ я приведу одну, интересную тѣмъ, что въ ней высказывается интересъ невѣсты къ личности жениха, чего я не встрѣчала въ другихъ пѣсняхъ, какъ сибирскихъ, такъ и російскихъ. Вотъ эта пѣсня:

Рѣка-ли ты моя, рѣченька,	„У меня то всё гости званые, по-
Рѣчка быстрая, струистая!	четные.
Вбѣгитъ рѣчка, не колыхнется.	„Одного-то гостя дома нѣтъ—
„Отчего же мнѣ колыбаться?	„Нѣту братца родимаго!
„Нѣту вѣтру, ни вихору,	„Спросилъ-бы мнѣ про сторонушку,
„На большой погодушки“.	„Про сторонку да про мила дружка:
Сидить-то у насъ (имя невѣсты),	„Онъ не ходитъ-ли вдоль улицы,
Сидить-то она умнешенько.	„Не заходитъ ли въ царевъ кабакъ,
„Отчего же мнѣ смѣяться?	„Не пьеть-ли зелено вино,
	„Не кушаетъ-ли сладкой водочки?“

Въ остальныхъ пѣсняхъ содержаніе мало чѣмъ отличается отъ общерусскихъ крестьянскихъ пѣсень: то же прощанье съ „дѣвѣй красотой“, „съ родомъ-племенемъ“ и пр.; только въ нихъ, повторю, больше отводится мѣста любви.

Выйдя замужъ по собственному желанію и притомъ въ огромномъ большинствѣ „сводомъ“, что даетъ ей возможность уйти отъ мужа, разъ она не пожелаетъ продолжать жить съ нимъ, женщина чувствуетъ себя свободной и въ замужествѣ, и мужъ рѣдко осмѣливается бить ее или подвергать истязаніямъ, что составляетъ обычное явленіе у сибиряковъ.

Насколько рѣдки случаи дурного обращенія мужа съ женой, показываетъ уже то, что, просмотрѣвъ въ четырехъ волостяхъ книги

рѣшеній волостныхъ судомъ, въ трехъ за 10¹/₂ лѣтъ (съ 1888 по юль 98 г.) и въ одной за 2 года, я нашла всего двѣ жалобы женъ на мужей, обвинявшихъ послѣднихъ въ побояхъ и вообще жестокомъ обращеніи съ ними, да и изъ тѣхъ одна жалоба на судѣ не подтвердилась; оба дѣла возбуждены были крестьянами д. Бутаковой, и одно изъ нихъ возникло вельдствие религиозныхъ поводовъ¹). Остальныя дѣла по семейнымъ недоразумѣніямъ касаются исключительно возврата приданого или вознагражденія жены „за время проживанія ея за стряпку“ у мужа. Такъ какъ сводные браки раскольниковъ считаются законными лишь въ томъ случаѣ, когда они записаны въ установленную метрическую книгу при волостномъ правленіи, то для развода супруговъ не требуется никакихъ формальностей: каждый изъ нихъ можетъ уйти, когда хочетъ, и соединиться бракомъ съ другимъ. Но изъ этого же вытекаетъ и отсутствіе какихъ-либо правъ ихъ другъ на друга, и жена, уходя отъ мужа, можетъ требовать отъ него по суду только возвращенія приданого и вознагражденія ея, какъ работницы-„стряпки“, за время, прожитое ею въ домѣ мужа.

Надо сознаться, поляки иногда злоупотребляютъ этой свободой расхожденія. Вступая въ бракъ обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, особенно женщины, выходящія замужъ часто лѣтъ 13—14, и потому дѣлая этотъ шагъ совершенно необдуманно, привыкнувъ относиться къ браку, какъ къ простому сожителству, поляки легко смотрятъ и на разрывъ его и часто расходятся изъ-за совершеннѣйшихъ пустяковъ. Помню, уѣзжая изъ Черемшанки, я вышла на крыльцо земской станціи вмѣстѣ съ хозяйкой и хотѣла уже садиться въ телѣжку, когда къ крыльцу подскакала галономъ молоденькая „полячка“, на видъ не старше 15—16 лѣтъ, хорошенькая, какъ картинка: граціозная, стройная фигурка, свѣжее, румяное личико съ дѣтски невинными голубыми глазками. Моя хозяйка, немолодая уже, степенная и симпатичная женщина, обратилась къ ней съ вопросомъ, ужъ не ушла-ли она отъ мужа. Красавица-амазонка, нимало не смущаясь, отвѣтила утвердительно и пояснила: „я что съ нимъ дѣлать буду? Онъ уѣхалъ на работу, а я ему одна дома сидѣ—какже, была нужда! Я долго не думала, осѣдлала лошадь да и была такова! Больше не вернусь—такъ ему и надо“!

И моя хозяйка покачиваетъ головой и авторитетно заявляетъ: „Какъ тутъ жить будешь, когда не глянется? Ничего не подѣлаешь!“

Не смотря на такую легкость нравовъ, развратъ въ собственномъ

¹) Книга Риддерск. вол. правленія на записку рѣшеній вол. судовъ на 1889 г., № дѣла 49, и Книга на 1892 г., № 25.

смыслъ, повторяю, у поляковъ—большая рѣдкость. Въ этомъ отношеніи хуже всего впечатлѣніе произвели на меня жители с. Лосихи, принадлежащіе къ самодуровской сектѣ. Въ этомъ селѣ незадолго до моего пріѣзда произошло покушеніе на убійство отца со стороны сына за снохачество; въ Владимірскомъ волостномъ правленіи находящемся въ Лосихѣ же, я нашла дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ одной крестьянки этого села ея односельчанкой за то, что первая подговаривала вторую къ „прелюбодѣянію“, предлагая ей 1 р. за согласіе, на что та отвѣтила пощечиной; на судѣ дѣло кончилось миромъ¹⁾. Вотъ и все, что можно найти въ книгахъ волостныхъ судовъ, относительно этого рода проступковъ, не смотря на то, что поляки охотно обращаются къ суду въ самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ; особенно самодуровцы и старовѣры Риддерской и Владимірской волостей отличаются любовью къ клязамъ.

Вообще же говоря, поляки отличаются большою уживчивостью, и судебныя тяжбы между ними мало распространены. Но есть селенія, точно зараженные какой-то клязнической бациллою, и къ такимъ принадлежатъ селенія Риддерской вол., кромѣ Стрѣжной и Пихтовки, а также большая часть Владимірской вол., за исключеніемъ Волчихи и въ особенности Зимовья: крестьяне послѣдняго не фигурируютъ ни въ одномъ судебномъ дѣлѣ за всѣ 10¹/₂ лѣтъ, за которыя у меня имѣются свѣдѣнія.

На населеніе волостей Риддерской, Владимірской и Александровской въ 21971 чел. всѣхъ дѣлъ, разбиравшихся за 10¹/₂ лѣтъ въ волостныхъ судахъ,—3178, или въ среднемъ въ годъ приходилось одно дѣло, въ которомъ почти всегда участвуютъ только два лица, рѣдко, въ единичныхъ случаяхъ 3—4,—почти на 70 человѣкъ. Въ Алейской волости, образовавшейся всего два года назадъ, всѣхъ дѣлъ за 1¹/₂ года было 66 на 5439 душъ населенія, или въ годъ одно дѣло на 124 человѣка. По отдѣльнымъ волостямъ частота возбужденія судебного преслѣдованія распредѣляется такъ: въ Алейской вол. одно дѣло въ годъ—на 124 человѣка, въ Александровской—на 255, Владимірской—на 51 и въ Риддерской—на 103 человѣка. Такимъ образомъ, даже въ среднемъ, не принимая въ расчетъ нѣсколькихъ селеній, жители которыхъ почти или вовсе не участвуютъ въ этихъ дѣлахъ, Риддерская и особенно Владимірская волости отличаются наибольшей частотой случаевъ обращенія къ суду.

¹⁾ Книга на записку рѣшеній вол. и трет. судовъ Владим. вол. Правл. на 1890 г., № дѣла 154.

По характеру дѣлъ Риддерская и Владимірская волости также отличаются отъ Александровской и Алейской: въ первыхъ двухъ большинство составляютъ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и семейныхъ недоразумѣніяхъ, затѣмъ слѣдуютъ дѣла о захватѣ чужого мѣста подъ пасѣку или о закосѣ чужого пайка сѣнокоса, рѣже о захватѣ пашни, еще рѣже дѣла о мелкихъ кражахъ; въ двухъ же послѣднихъ волостяхъ преобладаютъ дѣла о взысканіи долга за потраву, за утеранный пастухами скотъ, а затѣмъ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ; мелкія кражи встрѣчаются рѣдко, еще рѣже семейныя недоразумѣнія. Причина этого различія горной и степной части польскаго района лежитъ, мнѣ кажется, также, по крайней мѣрѣ, отчасти въ различіи релігіозныхъ взглядовъ населенія: Риддерская и Владимірская волости населены представителями различныхъ сектъ и толковъ, которые расходятся между собой и во взглядахъ на бракъ и семейныя отношенія, почему между ними чаще могутъ возникать недоразумѣнія по этимъ вопросамъ; въ Александровской и Алейской волостяхъ составъ населенія по вѣроисповѣданію болѣе однороденъ—большой частью единовѣрцы и меньшая часть—стариковцы; поэтому, естественно, среди нихъ должны быть рѣдки и разногласія въ дѣлахъ, касающихся религіи, хотя бы во взглядахъ на тотъ же бракъ.

Не смотря на отмѣченные различія, поляки имѣютъ въ нравахъ много общаго между собой. Основная черта всѣхъ ихъ, безъ различія сектъ и толковъ,—это патріархальность отношеній, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ, сосѣдскихъ. Хотя женщина, уже по самому положенію своему свободной сожительницы, всегда могущей уйти отъ мужа, менѣ зависима отъ послѣдняго, чѣмъ въ семьяхъ православныхъ крестьянъ, все-же и здѣсь мужъ является главою семьи, и жена безпрекословно подчиняется его приказаніямъ, пока живетъ съ нимъ. Дѣти также растутъ въ послушаніи у родителей, безъ согласія которыхъ не рѣшаются выходить даже „на полянку“, хотя родители и не употребляютъ насилія по отношенію къ нимъ: въ такой ужъ атмосферѣ съ пеленокъ растутъ поляки, что всѣ они проникнуты патріархальнымъ духомъ, и у нихъ не зарождается даже сомнѣнія въ возможности измѣнить его. Особенно рѣзко замѣтно это въ такихъ глухихъ селеніяхъ, какъ Зимовье. Красота мѣстности, обиліе дѣса и достатокъ въ пашняхъ и сѣнокосахъ, дешевизна жизни устраняютъ поводы для ожесточенной борьбы за существованіе съ сосѣдомъ; съ другой стороны, изолированность селенія, одинаковость релігіозныхъ воззрѣній, жизнь исключительно среди *своихъ*, въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ приблизи-

тельно равныхъ между собой, мѣшаютъ народженію новыхъ потребностей, новыхъ запросовъ отъ жизни, заставляютъ безъ всякой критики относиться ко всему старому, считать его „божескимъ“, „вѣковѣчнымъ“, и въ результатѣ получается та „зоологическая правда“ отношеній, которая такъ привлекательна въ качествѣ временнаго отдыха для посторонняго человѣка, измученнаго нервной, лихорадочной городской жизнью, но среди которой зато нѣтъ мѣста пытливости, жаднѣ лучшаго—словомъ, нѣтъ человѣческой, а есть только зоологическая жизнь.

Впрочемъ, эта патриархальность и среди поляковъ уже въ значительной степени поколеблена надвигающимися новыми требованіями жизни, и такіе уголки, какъ Зимовье, большая рѣдкость даже въ этомъ благодатномъ краю съ его красотой, миромъ и привольемъ. Переходъ къ денежному хозяйству сказался въ средѣ самихъ поляковъ разграниченіемъ „богачей“ отъ „бѣдняковъ“. Не имѣя еще большой экономической силы вслѣдствіе отсутствія промышленной дѣятельности въ краѣ, богачи все-таки успѣли уже захватить въ свои руки извѣстную власть надъ деревенскимъ міромъ, и ихъ голосъ является рѣшающимъ въ общественныхъ дѣлахъ. Препрежнее равенство уже не существуетъ, и даже дѣти дѣлятся на „богатыхъ“ и „бѣдныхъ“: „мы на Успенье свою компанію богатыхъ собираемъ“, говорила мнѣ 15-ти лѣтняя дѣвушка, описывая празднованіе Успенья въ ихъ селѣ, „а бѣдныхъ мы не принимаемъ—намъ не нужно такихъ“. И такое отношеніе къ бѣднымъ наблюдается и въ серьезныхъ дѣлахъ. Поэтому и отношенія между сосѣдями—односельчанами, при всей своей мирности и доброжелательности, лишены тѣсной близости, вытекающей изъ общности интересовъ: каждый самъ справляется со своими нуждами, какъ знаетъ, и только въ дѣлахъ, касающихся всего населенія, поляки дѣйствуютъ дружно, заодно, тутъ богатый и бѣдный забываютъ свою неприязнь и соединяются для общей защиты.

Нечего и говорить, что косность поляковъ, ихъ вѣрность, „стариннѣ“ отразилась и на народномъ образованіи. Въ каждомъ селеніи есть своя домашняя школа, гдѣ учителемъ служить „дьякъ“ или „наставникъ“, но въ этихъ школахъ учатъ исключительно церковно-славянскому чтенію, письму и немного счету. Никакихъ иныхъ свѣдѣній ученикамъ не дается, почему поляки иногда прямо поражаютъ невѣжествомъ: самыя элементарныя знанія отсутствуютъ. При этомъ въ большинствѣ домашнихъ школъ учатся одни только мальчики, дѣвочки же остаются неграмотными; въ Черемшанкѣ, напри-

мѣрь, по словамъ самихъ жителей, нѣтъ ни одной грамотой женщины; въ Зимовѣ—двѣ, и т. д.

Въ Секисовѣ, Староалейскомъ и нѣкоторыхъ другихъ селахъ, гдѣ есть единовѣрческіе храмы, существуютъ церковно-приходскія школы. Здѣсь образованіе поставлено лучше, чѣмъ въ домашнихъ: кромѣ церковно-славянскаго, учать и русскому языку, ариметикѣ; даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по отечествовѣдѣнію и т. п. Но даже единовѣрцы неохотно отдаютъ туда дѣтей, а старовѣры и совсѣмъ не пускаютъ; дѣвочекъ очень мало среди учащихся, да и надъ тѣми смѣются сосѣди; ученіе ведется рутинно. Немногимъ лучше стоитъ дѣло и относительно волостныхъ школѣ. Правда, учителя здѣсь болѣе подготовлены къ своимъ обязанностямъ, зданія лучше, пособій больше; при Шемонаевскомъ волостномъ училищѣ есть даже показательная пасѣка. Но отношеніе населенія къ волостной школѣ въ большинствѣ враждебное, какъ къ „новшествамъ церковниковъ“, въ лучшемъ случаѣ индифферентное. Кажется, въ одной только Шемонаихѣ училищу удалось завоевать себѣ нѣкоторую симпатію въ населеніи: по крайней мѣрѣ, только въ этомъ селѣ я слышала отъ населенія сочувственные отзывы о школѣ и видѣла парней, продолжающихъ заниматься чтеніемъ и по окончаніи курса ученья; влияніе школы замѣтно также и въ общемъ повышеніи уровня образованія среди населенія, въ большей терпимости и менѣе фанатической преданности старинѣ, вслѣдствіе чего даже старики мирятся съ новшествами въ костюмахъ и образѣ жизни молодежи, хотя и признаютъ, что „по старому-то лучше“.

Въ другихъ селахъ волостныя школы или почти совсѣмъ пустыютъ, какъ въ с. Староалейскомъ, или имѣютъ очень мало учениковъ; въ такомъ огромномъ селѣ, какъ Лосиха, въ школѣ учатся всего 40 съ чѣмъ-то человекъ—точно цифры мнѣ не указали; „побольше 40“, „то-ли 42, то-ли 46“. Но и на этихъ учениковъ, а тѣмъ болѣе на ихъ семьи школа не имѣетъ никакого влиянія внѣ училищныхъ стѣнъ, и все дѣло ограничивается простою грамотностью. Риддерскую волостную школу и считать нечего: она находится въ горнозаводскомъ селеніи, и дѣти поляковъ, живущихъ въ деревняхъ, въ ней не учатся. Школа въ Староалейскомъ почти совсѣмъ пустуетъ. О Бобровской волости г. Ивановъ сообщаетъ, что среди тамошнихъ поляковъ грамотность сильно распространена, но ограничивается изученіемъ старопечатныхъ книгъ, молитвъ, священной исторіи и счета.

Въ такомъ печальномъ положеніи находится дѣло народнаго образованія среди поляковъ. Неудивительно, что среди нихъ господ-

ствуешь полное невѣжество, неумѣнье критически, сознательно относиться ни къ окружающимъ явленіямъ, ни къ собственному міросозерцанію, крѣпко держатся рутинные приемы хозяйства.

Между тѣмъ потребность въ образованіи все возрастаетъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія уменьшается количество земли, приходящееся на долю каждаго, и прежніе хищническіе приемы земледѣлія становятся уже невозможными, требуется замѣна ихъ новыми, болѣе рациональными. Размѣры скотоводства также сокращаются. Является необходимость развитія другихъ отраслей промышленной дѣятельности. Все это требуетъ знаній и знаній, которыхъ пока полякамъ получить неоткуда, хотя сознание необходимости учиться въ нихъ уже пробудилось. Нѣкоторые отправляютъ своихъ дѣтей учиться въ Барнауль; другіе хлопчатъ объ открытіи школъ въ ихъ селеніяхъ, и т. д. Характерна въ этомъ отношеніи ссылка, которую, по словамъ г. Иванова, дѣлаютъ поляки Бобровской волости на одну изъ любимыхъ раскольниковскихъ книгъ „Златоустъ“, указывая на слѣдующій текстъ: „Да не будетъ убо намъ инья радости и веселія, яко же о почитаніи книжномъ“. Они, дѣйствительно, единственнымъ умственнымъ развлеченіемъ имѣютъ книжку—„почитаніе книжное“; но это развлеченіе даетъ имъ слишкомъ мало умственной пищи, такъ какъ повсемѣстно распространены только старопечатныя раскольниковскія книги, конечно, не могущія возбуждать иную работу мысли, кромѣ безполезнаго и ступляющаго изощренія въ различныхъ схоластическихъ тонкостяхъ. Книги гражданскія я видѣла лишь въ Шемонаихѣ, гдѣ ихъ съ охотой читаютъ, собираясь для слушанія цѣлой компаніей.

VI.

Главными, почти единственными занятіями поляковъ во всѣхъ четырехъ волостяхъ, посѣщенныхъ мною, остаются до сихъ поръ земледѣліе, скотоводство и пчеловодство. Обрабатывающая промышленность отсутствуетъ, если не считать нѣсколькихъ кожевенныхъ, и одного клееварнаго завода въ с. Шемонаевскомъ, которое въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно особнякомъ. Повидимому, и въ Бобровской волости дѣло стоитъ также; по крайней мѣрѣ, г. Ивановъ называетъ тамошнихъ поляковъ „главными пахарями, скотоводами и пчеловодами здѣшняго края“.

Причина такого медленнаго развитія промышленной дѣятельности лежитъ отчасти въ невѣжествѣ поляковъ, вызывающемъ пассивное отношеніе къ жизни, за неимѣніемъ свѣдѣній, которыя могли бы слу-

жить орудіемъ для борьбы съ различными невзгодами. Напримѣръ, въ 1898 г. по всей мѣстности погибли овесы отъ „ржи“—„ржа по-ѣла“. Сосѣдніе съ поляками крестьяне-сибиряки рѣшили закушить овесъ на сѣмена для будущаго года въ мѣстностяхъ, не пострадавшихъ въ этомъ году; свои же сѣмена, которыя удалась получше, они отсортировали, перемыли и т. п. Поляки же ровно никакихъ мѣръ не приняли для предохраненія себя отъ повторенія вышшняго бѣдствія и въ слѣдующемъ году, и на моя разспросы отвѣчали одно: „что подѣлаешь—противъ Бога не пойдешь! Видно, такая ужъ судьба“. Точно также, когда земли становится мало въ селеніи, цѣлики исчезаютъ, поляки не переходятъ къ улучшеннымъ способамъ обработки, къ удобренію и пр., не изыскиваютъ подсобныхъ занятій, а ограничиваются тѣмъ, что начинаютъ хлопотать о прирѣзкѣ земли или заводятъ споръ съ сосѣдами, будто-бы оттягивавшимъ незаконно часть ихъ земли; если же то и другое не удастся, они покоряются необходимости и повторяютъ: „такая ужъ судьба наша несчастная!“

Но это причина второстепенная; главная же зависитъ отъ экономическихъ условій края. Плодородная почва, обиліе горныхъ пастбищъ для скота, масса цвѣтущихъ растений, доставляющихъ пищу пчеламъ, пока позволяютъ удовлетворять несложныя потребности поляковъ. Отдаленность же края отъ всякихъ пунктовъ сбыта для продуктовъ обрабатывающей промышленности и отсутствіе мѣстнаго спроса на эти продукты дѣлаютъ невыгоднымъ, а слѣдовательно, и невозможнымъ занятіе какою-либо отраслью обрабатывающей промышленности.

Въ силу этихъ причинъ поляки и въ настоящее время остаются, главнымъ образомъ, „пахарями, скотоводами и пчеловедами“. Какъ подсобные промысла, имѣютъ нѣкоторое значеніе охота и рыболовство, а затѣмъ различные ремесла: кузнечное, плотничное, столярное, портняжество и женскія рукодѣлья. Къ сожалѣнію, по недостатку времени и средствъ я не имѣла возможности собрать цифровыя данныя относительно размѣровъ и доходности каждаго изъ перечисленныхъ промысловъ, почему могу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать степень ихъ распространенности и значенія.

Наибольшее значеніе хлѣбопашество имѣетъ въ степныхъ волостяхъ—Александровской и Алейской, а затѣмъ во Владимірской. Въ Риддерской оно уже менѣе развито вслѣдствіе гористости мѣстности, что затрудняетъ самую обработку земли, а суровость климата вслѣдствіе высоты положенія часто бываетъ причиною недозрѣванія хлѣ-

бовъ. На такое распредѣленіе хлѣбопашества имѣетъ вліяніе также и большее удобство путей сообщенія въ первыхъ трехъ волостяхъ, благодаря чему, избытокъ хлѣба находитъ себѣ сбытъ, тогда какъ Риддерская волость принуждена довольствоваться, такъ сказать, внутреннимъ рынкомъ вслѣдствіе дороговизны перевозки въ другіе пункты. Какъ велика разница въ значеніи земледѣлія въ горной и степной части, видно изъ размѣровъ запашки въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ пашня уже подѣлена. Такъ, въ д. Черемшанкѣ Риддерской вол. на платежную душу приходится всего по 3 дес. пашни, а въ Поперечной еще того менѣе: опредѣленно мнѣ размѣра не указали, но на мой вопросъ, хватаетъ-ли земли хоть по 3 д. на душу, дали отвѣтъ: „Куда тамъ! дай Богъ, чтобъ половину довелось получить“. Во Владимірской вол. размѣръ запашки значительно выше: въ Быструхѣ, напримѣръ, на платежную душу приходится около 5,5 дес.; въ Лосихѣ пашню только собираются дѣлить, такъ какъ богатѣи захватили лучшія мѣста, а бѣднота принуждена довольствоваться выдержанными, хотя въ среднемъ каждый все-таки запахиваетъ „не мало“. Въ степной части изъ посѣщенныхъ мною селеній пашня дѣлится лишь въ одной Шемонаихѣ (Александровской вол.), гдѣ на платежную душу приходится по 16 десятинъ; въ с. Староадейскомъ, не смотря на то, что „земля есть“, развита также и аренда пашень. Приемы обработки вездѣ самые примитивныя; улучшенныя орудія—сакковскіе плуги, молотилки и пр.—имѣются лишь въ селеніяхъ степной части.

Скотоводство развито болѣе равномѣрно по всѣмъ волостямъ; можетъ быть, въ горныхъ селеніяхъ даже болѣе, чѣмъ въ степныхъ, вслѣдствіе большаго количества пастбищъ, а также недостаточной обезпеченности пашней. Порода скота мѣстная, улучшенныхъ породъ нѣтъ нигдѣ.

Поскотина, т. е. самая городьба выгона, вездѣ дѣлится по скоту, при чемъ единицей принимается голова крупнаго скота въ возрастѣ отъ одного года.

Ближайшіе и лучшіе сѣнокосы вездѣ подѣлены на пайки. Разверточной единицей и въ этомъ случаѣ, какъ и при дѣлежѣ пашень, является платежная душа—„годный работникъ“. Но способъ и срокъ передѣла въ различныхъ селеніяхъ различны. Такъ, въ Шемонаихѣ сѣнокосы и пашни сперва разбиваются по урочищамъ, затѣмъ „глазомѣрно“ опредѣляютъ, сколько душъ можно посадить на каждый участокъ и назначаютъ его соотвѣтствующему числу годныхъ работниковъ, стараясь cadaго оставить на прежнемъ мѣстѣ. Пай умер-

шихъ передаются вошедшему въ возрастъ послѣ передѣла „молодьянику“; послѣднее правило относится только къ пахотной землѣ, такъ какъ сѣнокосы передѣляются ежегодно. Захватъ „вольныхъ“, не вошедшихъ въ передѣлъ пахотныхъ земель свободенъ, но о такомъ захватѣ нужно заявлять обществу. Въ д. Екатерининкѣ пашни совсѣмъ не дѣлятся, а сѣнокосы подѣлены на большіе и малые пай. „Боець“, т. е. полный работникъ отъ 16 до 55 лѣтъ, а старики 55—65 лѣтъ получаютъ по одному большому и одному малому пая; свыше 65 лѣтъ—только по малому. Малый же пай получаютъ дѣтныя вдовы. Въ с. Лосихѣ луговые сѣнокосы ежегодно дѣлятся по душамъ—кто за сколько душъ платитъ, на столько же душъ и участокъ получаетъ. Сѣнокосы огорожены поскотиной, которая разверстывается на томъ же основаніи, т. е. получившій большій участокъ, огораживаетъ и пропорціонально большее число десятинъ. Въ с. Староалейскомъ сѣнокосы ежегодно дѣлятъ „съ набою“, т. е. раздѣлявши ихъ на участки, отдають тѣмъ, кто беретъ ихъ за большее число платежныхъ душъ и т. д.

Пчеловодство развито повсемѣстно, какъ въ горной, такъ и въ степной части. Разница только та, что въ степныхъ волостяхъ преобладають мелкія пасѣки: огромное большинство пчеловодовъ имѣеть отъ 10 до 20 ульевъ. Пасѣки въ 100—150 ульевъ уже рѣдки, тогда какъ въ горныхъ селеніяхъ, наоборотъ, пасѣки, имѣющія менѣе 50—60 ульевъ, составляютъ меньшинство. Медъ и воскъ частью продають, частью потребляютъ сами.

Начали заниматься поляки пчеловодствомъ съ первыхъ же годовъ своего пребыванія здѣсь. Уже Палласъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ объ этомъ. Мѣстные жители говорятъ, что край самымъ возникновеніемъ пчеловодства обязанъ полякамъ. Въ с. Бобровскомъ указываютъ семью, прадѣдъ которой первый въ этомъ краю приобрѣлъ отъ какого-то „генерала Аршеневскаго“ колодку пчель, выписанныхъ изъ Уфимской губерніи, и тѣмъ положилъ начало мѣстному пчеловодству, въ настоящее время играющему важную роль въ хозяйствѣ крестьянъ.

Пользованіе пасѣками захватное и регулируется только двумя ограниченіями: 1) захватившій участокъ подъ пасѣку долженъ заявить объ этомъ обществу; 2) ставить новую пасѣку разрѣшается въ разстояніи не ближе одной вереты отъ устроенныхъ ранѣе.

Не смотря на давность существованія пчеловодства и его значеніе въ хозяйствѣ поляковъ, оно ведется „по старинкѣ“: усовершенствованныхъ ульевъ у крестьянъ нѣтъ; для пчель, на случай пло-

хаго года, корму не заготовляютъ, и противъ ихъ „мора“ никакихъ мѣръ, кромѣ различныхъ „заговоровъ“, не употребляютъ, да и самый моръ большей частью приписывается „худому глазу“, единственное средство отъ котораго—это не позволять заглядывать въ улей постороннему и никому не говорить правды, сколько есть пчелъ. Риддерскій горный врачъ А. В. Рязановъ сообщалъ мнѣ заговоръ, который читается при посадкѣ пчелъ въ улей и при весенней выставкѣ ихъ. Я приведу этотъ заговоръ дословно:

„Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій! Господи, благослови доброе дѣло дѣлать! Отъ Духа Святого, отъ имени Христа, отъ Иисусовой молитвы, отъ Спасовой руки ты, пчела, пчелись, Господне созданіе! Предаю тебя, пчела, орлиное крыло, резиновое перо, на всю Божью силу. Отпускаю тебя, пчела, въ чистыя поля, за сивія моря, нешпенныя болота, отъ востока до запада, отъ земли до неба, на лазоревый цвѣтъ. Цвѣтъ преклони, намъ новости принеси. Бейся, пчела, около своего двора, на чужу пчелу не летай, на себя не принимай, отъ чужого глаза не погибай. Заговариваю тебя, пчела, отъ чернаго, отъ черемнаго, отъ двоєглазаго, троеглазаго, отъ дѣвки-самокрутки, отъ бабы-простоволоски, отъ своей худой думы. Загораживаю тебя, пчела, желѣзнымъ тыномъ, покрываю тебя, пчела, животворящимъ небомъ; предаю тебя, пчела, на Самодержителя Spаса и на Господа Иисуса Христа, на Матушку Пресвятую Богородицу, на Иосима, Савватѣя, Соловецкихъ чудотворцевъ. Ты же, пчела, отъ Спасова ребра, стой горой и текн рѣкой. Аминь святой молитвѣ“.

Къ сказанному относительно пользованія различными земельными угодьями слѣдуетъ прибавить, что каждое селеніе пользуется землей отдѣльно отъ другихъ—„въ своей грани“.

Такимъ образомъ, у поляковъ посѣщенныхъ мною волостей существуетъ земельная однопоселенческая община, переживающая въ настоящій моментъ переходное состояніе отъ захватной формы землепользованія къ душевой съ передѣлами, такъ какъ порядокъ пользованія различными угодьями еще не установился и не представляетъ изъ себя чего-либо опредѣленнаго и однообразнаго, а наоборотъ, въ различныхъ селеніяхъ и даже въ одномъ и томъ же селеніи въ отношеніи различныхъ угодій можно наблюдать всѣ формы пользованія, начиная отъ совершенно свободнаго захвата любого участка земли и кончая душевыми паями, налагающими опредѣленные обязанности на пользующихся ими. Лѣсные и горные сѣнокосы вездѣ находятся въ вольномъ пользованіи. Пашни въ нѣкоторыхъ селеніяхъ также еще не дѣлены—въ Староадейскомъ, Екатериникѣ, Лоси-

хъ и пр.; въ другихъ—Шемонаихъ, Черемшанкѣ, Поперечной, Шипуновскомъ и пр.—подѣлены или всѣ хлѣбопахотныя земли, или только лучшіе и ближайшіе къ селенію участки, захватывать же новыя мѣста и расчищать ихъ подъ пашню предоставляется полная свобода каждому. Усадьбы также захватываются, но въ большинствѣ селеній на это уже требуется согласіе общества. Въ отношеніи иныхъ угодій также нѣтъ одного опредѣленнаго порядка пользованія; только луговые сѣнокосы, вслѣдствіе ограниченнаго количества ихъ, составляютъ исключеніе: они вездѣ подѣлены, и пользованіе ими подлежитъ строгой регламентации.

Болѣе выработана и регламентирована податная сторона общины. Каждое сельское общество получаетъ отъ волостнаго правленія окладной листъ и уже само на сельскомъ сходѣ разверстываетъ между своими членами приходящуюся на его долю сумму. Разверсточною единицею вездѣ является „годный работникъ“ или „боецъ“, т. е. мужчина въ возрастѣ отъ 16-ти до 55 лѣтъ, платящій „полный окладъ“, сумма котораго опредѣляется сходомъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы она не была слишкомъ обременительна для хозяйства съ однимъ работникомъ. Обыкновенно окладъ на бойца бываетъ значительно ниже того, что приходится въ среднемъ на него всѣхъ наложенныхъ на общество платежей. Недостающую сумму разверстываютъ между другими членами общества, и прежде всего дѣлаютъ „накладку“ на „полубойцовъ“, т. е. подростковъ 14—16 лѣтъ и стариковъ 55—65 лѣтъ; остатокъ же разверстываютъ между всѣми, „глядя по состоянію“. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на стариковъ свыше 65 лѣтъ накладываютъ до смерти по 1 рублю (Екатерининка) или часть оклада, приходящагося на „убылыя души“—умершихъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ и пр. (Черемшанка). Во всѣхъ селеніяхъ обязательно принимается въ расчетъ при накладкѣ „состояніе“ работника, т. е. его имущественная обезпеченность и работоспособность, такъ что больной боецъ, напримѣръ, можетъ рассчитывать даже на полное сложеніе съ него податной тяготы, но зато отъ него отбирается и данный ему, какъ бойцу, пай сѣнокоса или участокъ пашни.

На ряду съ общиной у поляковъ наблюдаются и такъ называемыя „отъ-общинныя“ формы: помочи и артель. Помочи очень распространены, особенно въ степной полосѣ, и отказываться отъ приглашенія придти на помощь считается неприличнымъ. Помочи устраиваютъ всегда въ будни, такъ какъ поляки считаютъ грѣхомъ работу въ праздникъ, и въ день самыхъ помочей никакого угощенья,

кромѣ обычнаго обѣда, не бываетъ. Зато въ ближайшій праздникъ хозяинъ обязанъ устроить „гулянку“ для помочанъ съ пивомъ, каньемъ на лошадяхъ и пр. Чаще всего помочи сзываютъ для уборки хлѣба; но нерѣдко также и для косьбы или уборки сѣна и для другихъ полевыхъ работъ.

Еще болѣе широкое распространеніе имѣютъ артели. Кажется, нѣтъ ни одного промысла, гдѣ не примѣнялась бы эта форма труда: есть артели земледѣльческія (артельные сѣнокосы), пчеловодныя, охотничьи, рыболовныя, лѣсопромышленныя, плотничьи и т. д. Въ д. Екатерининкѣ Александровской волости есть артельные печи для бученья холстовъ, устроенныя на берегу р. Адея, для безопасности въ пожарномъ отношеніи: холсты бучать въ концѣ весны—началѣ лѣта, и для бученья нужно жарко топить печь, на берегу же это можно дѣлать безопасно. Такихъ печей—около $\frac{1}{2}$ десятка, и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ артелямъ изъ двухъ—трехъ домохозяевъ, устроившихъ ихъ сообща и пользующихся ими поочередно.

Артели сѣнокосныя и пчеловодныя обыкновенно состоятъ изъ двухъ—трехъ человѣкъ, чаще родственниковъ, которые сообща производятъ необходимый трудъ и дѣлятъ поровну, какъ расходы, такъ и полученный продуктъ—сѣно или медъ и воскъ.

Крестьяне с. Шемонаихи и другихъ селеній, лежащихъ по р. Убѣ, составляютъ также артели для промысловъ лѣсного и рыболовнаго. Вырубка лѣса и сплавъ его по Убѣ имѣютъ большое хозяйственное значеніе для мѣстныхъ крестьянъ: изъ одной Шемонаихи ежегодно отправляются въ верховья Убы человѣкъ 200 за лѣсомъ, соединяясь въ артели. Артели слагаются небольшія—отъ трехъ до девяти и одиннадцати человѣкъ въ каждой; число членовъ обязательно нечетное. Каждый артельщикъ-промышленникъ долженъ имѣть при себѣ лошадь съ „передками“, т. е. запряженную въ переднія колеса телѣги, на которыхъ срубленный лѣсъ вывозится на берегъ рѣки, и харчи на все время промысла, продолжающагося двѣ—три недѣли. Вся артель состоитъ изъ мелкихъ артелекъ, по два „плотовщика“ въ каждой, которые должны вмѣстѣ сгонять принадлежащей таковой артелькѣ плотъ внизъ по Убѣ. Кромѣ того, на всю артель полагается одинъ вожатый, „вожевой“, на обязанности котораго лежитъ доставить лошадей домой, когда остальные члены артели уплывутъ на плотахъ.

Рубить лѣсъ и свозить его къ рѣкѣ каждый самъ для себя, кому сколько нужно. Спускаютъ же лѣсъ въ рѣку и вяжутъ плоты уже по два человѣка вмѣстѣ; они же и сплавляютъ его по Убѣ до мѣста. Эти-то группы изъ двухъ человѣкъ и составляютъ тѣ первоначаль-

ныя ячейки, изъ которыхъ слагается общая лѣсопромышленная артель. Плоть —общая собственность обоихъ артельщиковъ; но паи ихъ въ немъ не равны, а пропорціональны труду каждаго. Эта первичная артелька называется „одною кашей“, потому что входящіе въ нее промышленники складываются харчами на все время промысла— „варятъ одну кашу“; во время же работы въ самомъ лѣсу, до сплава плотовъ промышленники, въ видахъ экономіи времени, нужнаго для приготовленія пищи, складываются „по двѣ каши вмѣстѣ“ составляя продовольственные артели по четыре человекъ; къ одной изъ нихъ присоединяется и вожатый, и эта артель, состоитъ уже изъ пяти человекъ. Каждая „каша“ по очереди готовитъ обѣдъ, ужинъ и пр., доставляя тѣмъ другой „кашѣ“ возможность дольше оставаться въ лѣсу за работой и не тратить времени на приготовленіе для себя пищи; слѣдующую очередь должна готовить пищу другая „каша“. Припасы каждая „каша“ для приготовленія общей пищи употребляетъ свои, такъ что всѣ харчи потребляются сообща, по очереди. Балаганы также ставятъ сообща по двѣ каши вмѣстѣ.

Наконецъ, на время сплава плотовъ вся артель соединяется въ одно цѣлсе. Хотя каждая „каша“ плавитъ свой плотъ самостоятельно, но во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ—спуска плотовъ черезъ пороги, снятія съ мели и пр., когда одна каша была бы безсильна помочь бѣдѣ всѣ члены артели работаютъ вмѣстѣ. Общая помощь товарищамъ въ опасности считается обязательной, и случаи, когда часть артельщиковъ оставяла своихъ товарищей и возвращалась домой ранѣе, такъ рѣдки, что населеніе помнить лишь два—три за нѣсколько десятковъ лѣтъ, да и въ этихъ случаяхъ общество заставляло виновныхъ возвращаться назадъ, предварительно наказавъ ихъ розгами или штрафомъ.

Рыболовство, какъ промыселъ, не играетъ большой роли: имъ занимаются больше для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и только излишекъ продаютъ на мѣстныхъ базарахъ. Организція рыболовныхъ артелей очень не сложна. Два—три человекъ соединяются вмѣстѣ для покупки общаго невода, которымъ и работаютъ сообща. Добычу дѣлятъ счетомъ, поровну, принимая во вниманіе величину каждой рыбы. Иногда неводъ заводитъ кто-нибудь одинъ и потомъ уже приглашаетъ себѣ въ товарищи одного—двухъ человекъ. Раздѣлъ добычи и въ этомъ случаѣ производится поровну; но иногда хозяинъ невода выговариваетъ себѣ за него нѣсколько лишнихъ рыбъ въ прибавку, къ чему, впрочемъ, населеніе относится неодобрительно. Также не сложна организція и звѣроловныхъ и другихъ

артелей: тотъ-же небольшой размѣръ артели, тотъ же размѣръ добычи поровну и пр.

Изъ перечисленныхъ выше неземледѣльческихъ занятій населенія болѣе или менѣе самостоятельное значеніе имѣютъ только плотничное и кузнечное ремесло и женскія рукодѣлья, а изъ послѣднихъ вышиванье. Кожевенные заводы и клееваря не могутъ идти въ счетъ, во-первыхъ, потому что они существуютъ только въ Шемонаихѣ и представляютъ единичныя исключенія, а, во-вторыхъ, по слухамъ (самой мнѣ не удалось осмотрѣть ихъ), они только лишь начинаютъ развиваться. Торговля въ большинствѣ случаевъ находится въ рукахъ постороннихъ людей, хотя во многихъ селеніяхъ и найдутся отдѣльныя личности изъ поляковъ, съ успѣхомъ занимающіяся торговыми дѣлами. Всѣ остальные ремесла, кромѣ плотничнаго, кузнечнаго и вышиванья, даютъ такой ничтожный заработокъ и носятъ настолько случайный характеръ, за неимѣніемъ постояннаго спроса на ихъ произведенія, что не могутъ служить самостоятельнымъ средствомъ существованія. Только на кузнецовъ, плотниковъ и вышивальщицъ существуетъ постоянный спросъ, почему эти ремесленники могутъ жить и почти исключительно своимъ ремесломъ.

Не смотря на то, что въ послѣднее время у поляковъ замѣчается стремленіе замѣнить старинный костюмъ общепринятымъ въ Сибири, тѣмъ не менѣе вышиванье по прежнему въ ходу у нихъ: не говоря уже о старухахъ, обязательно заготовляющихъ себѣ старинные вышитые костюмы для „смѣртнаго“, даже легкомысленная молодежь, увлекающаяся новизной до предпочтенія юбки сарафану, а пиджака—вышитой рубашкѣ, и та не обходится безъ вышивокъ: женщины вышиваютъ кофты, полотенца, фартуки, а мужчины подъ пиджакъ надѣваютъ вышитыя рубашки. Поэтому спросъ на вышивки всегда и вездѣ существуетъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ селеніяхъ старинный костюмъ и сейчасъ еще во всеобщемъ употребленіи.

Надо отдать справедливость, польскія женщины достигли виртуозности въ дѣлѣ вышивокъ. Вышиваютъ золотомъ и серебромъ кокошники, наставляя одну нить возлѣ другой, какъ въ шитьѣ гладью; рубашки, фартуки, полотенца и сарафаны вышиваются шерстями и бумагой, причемъ употребляютъ различныя швы: „крестикомъ“ (малороссійскій шовъ), „полукрестомъ“ (русскій) и „по-киргизски“ (въ тамбурѣ). Узоры крестомъ и полукрестомъ—обыкновенно прямолинейные, болѣе или менѣе замысловатые арабески, а киргизскіе—чаще кругообразные, рѣже прямолинейные; только кокошники вышиваютъ узорами съ листьями и цвѣтами. Между узорами, выши-

тими на полотенцахъ, часто продергиваются двѣ—три металлическія нити. Халаты всегда вышивають „по киргизски“.

Различныя вышивки носятъ различныя названія: широкіе узоры на концахъ полотенца или фартука, а также на рубашкѣ называются просто „узоромъ“; узкіе узоры, вышиваемые въ промежуткахъ между широкими,—„выметками“; они вышиваются обыкновенно въ полъкреста; вышитыя оборки у полотенець или фартуковъ—„манжетки“ металлическія нити между узорами—„прутикъ“, и т. д.

Каждой вышивкѣ, смотря потому, на что она предназначена, соответствуетъ опредѣленный шовъ и узоры, и соблюденіе всѣхъ этихъ тонкостей въ вышивкѣ считается обязательнымъ, хотя далеко не всѣ знаютъ ихъ. Поэтому искусныя вышивальщицы имѣютъ часто хорошій заработокъ. Въ послѣднее время появились даже женщины, живущія исключительно заработкомъ отъ вышиванья; въ Черемшанкѣ, напримѣръ, двѣ такихъ вышивальщицы, изъ которыхъ одна татарка, другая—мѣстная крестьянка, причемъ первая занимается золотошвейнымъ мастерствомъ (вышивка кокошниковъ), а вторая—вышивкой рубашекъ, сарафановъ и пр. Вышивка кокошника золотомъ стоитъ отъ 5 до 10 р.; полотенца—1½—3 р.; мужской рубашки—2—4 р., и т. д.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

І. ПѢСНИ И ПРИЧИТАНІЯ.

Какъ обычныя пѣсни поляковъ, такъ и свадебныя пѣсни и причитанія записаны частью мною въ селеніяхъ Черемшанкѣ Риддерской, Зимовьѣ—Владимірской, Шемонаихѣ—Александровской и Староалейскомъ—Алейской волости, частью же В. П. Ивановымъ въ с. Тарханскомъ Бобровской волости для Общества любителей изслѣдованія Алтая, которое, съ согласія г. Иванова, любезно предоставило ихъ въ мое пользованіе. Пѣсни, собранныя мною, помѣщены здѣсь подъ литерою А, отдѣльно отъ пѣсенъ г. Иванова, помѣченныхъ литерою В.

Въ томъ и другомъ отдѣлѣ я выпустила пѣсни, общія полякамъ и ихъ сосѣдямъ—риддерскимъ обывателямъ, такъ какъ эти пѣсни уже были напечатаны въ моей статьѣ: „Изъ поѣздки въ Риддерскій край“. Здѣсь же мною помѣщены лишь тѣ пѣсни и причитанія, которыя распространены только среди поляковъ и не употребительны у риддерцевъ.

А. ПѢСНИ, СОБРАННЫЯ МНОЮ ЛИЧНО.

І. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ И ПРИЧИТАНІЯ.

а) ПРИЧИТАНІЯ НЕВѢСТЫ.

1.

Родимый ты мой батюшка,
Спаси тебя, Господи,
Что ты меня поилъ, кормилъ,
Обуваль, одѣваль,
Въ цвѣтное платьице наряжалъ.
(Затѣмъ слѣдуетъ такое же обращеніе къ „родимой моей матушкѣ“, „родимому моему дѣдушкѣ“, и т. д., вообще ко всей роднѣ невѣсты).

2.

Пойдете вы, мои милыя подруженьки,
Во чисто поле,
Сорвите-ка мнѣ алыі цвѣточекъ,
Заткните-ка его за буйную головушку.

3.

Отробила-то я тебѣ, родимый батюшка,
Тяжелую работушку,
Не впервые-то я въ дѣвѣй красотѣ,
А въ послѣднее.

4.

Ужъ вы, милыя-то мои подруженьки,
Выведите меня на бѣлу зарю,
Съ новой горницы во новы сѣни,
Со новыхъ-то сѣней на красно крыльцо,
Со красна-то крыльца на широкій
дворъ,
Со широкаго-то двора на широку улицу.
Раздуйте-ка вы, мои вѣтры буйныя,
Раскачайте-ка вы, мои вѣтры буйныя,
Гробову доску—лютую тоску!

5.

Спаси-то васъ, Господи, милыя по-
друженьки,
Что сводили меня на бѣлую зарю!
(Всѣ эти причитанія говорятся речита-
тивомъ на-распѣвъ—,голосятся*).

б) П ъ с н и.

1.

Ахъ, ходили-то мы съ тобой, милая
подруженька,
На веселую гуляночку!
Ахъ, пѣли-то мы съ тобой, подру-
женька,
Проголосныя пѣсенки!

2.

Невеселый-то день безъ солнышка,
Невеселая-то сидитъ красная дѣвица,

Настасья Кондратьевна,
Сидитъ-то она, призадумавшись при-
печалившись.

3.

Рѣка-ли ты моя, рѣченка,
Рѣчка быстрая, струистая!
Бѣгитъ рѣчка, не колыхнется.
„Отчего же мнѣ колыбаться?
„Нѣту вѣтру, ни вихору,

„Ни большой погодушки“.
 Сидить-то у нас Настасьюшка,
 Сидить-то она умнешенько.
 „Отчего же мнѣ смѣяться?
 „У меня то всѣ гости званые, по-
 четные.
 „Одного-то гостя дома нѣтъ—
 „Нѣту братца родимаго!
 „Спросиль-бы мнѣ про сторонушку,
 „Про сторонку да про мила дружка:
 „Онъ не ходить-ли вдоль улицы,
 „Не заходить ли въ царевъ кабакъ,
 „Не пьеть-ли зелено вино,
 „Не кушаетъ-ли сладкой водочки?“

4.

Видись кудри, сповилися
 Удалого добра молодца.
 Завивала красна дѣвица-душа,
 Завивала, приговаривала:
 „Прилегайте, мои кудерки,

„Ко моему бѣлому лицу,
 „Ко румяному!“.

5.

Не полати-то грянули—
 По рукамъ дѣвку ударили.
 Что не печь повалилася—
 Аннушка заручилася
 Со милымъ дружкомъ
 Да съ Васенькой.

6.

Еще что же въ полѣ, что за травка?
 У раздольица-то въ полѣ что за травка,
 Подкошенная травка вянетъ?
 Сговоренная дѣвка тужить-плачетъ;
 Она плачетъ, сама възрыдаетъ,
 Все замужье свое проклинаетъ:
 „Будь ты проклято, житье замужье!
 „Развеселое-то житье дѣвье,
 „Не на вѣкъ ты, житье,
 „Дѣвкѣ доставалось“.

II. ОБЫЧНЫЯ ПѢСНИ—УЛИЧНЫЯ ХОРОВОДНЫЯ И ПР.

1.

Былъ я на горочкѣ,
 Былъ я на крутой.
 Построился тутъ
 Городъ Москва
 На сѣрымъ камушкѣ,
 Вѣлущимъ перомъ.

2.

Дѣвка думала-гадала:
 „Потеряла свой покой,
 „Свой покой предорогой,
 „За тебя, любезный мой!“
 За тебя, дѣвушка малая,
 Прожилъ я холостъ—не женать.
 Не по волюшкѣ я женился,

Не по мыслямъ жену бралъ,
 Не по мыслямъ, не въ корыстномъ
 Бралъ нерѣвнюшку свою.
 Я не буду въ любви жить съ ней,
 Я съ гульбой стану ходить,
 Трехъ сударушекъ любить,
 Трехъ сударушекъ хорошихъ,
 Молоду жену сушить.
 Исповысушилъ жененку
 Суше травки—ковылю,
 Еще есть того суше,
 Желтѣй желтаго песку.
 Какъ на этомъ на песочкѣ
 Быстра рѣчка протекла,
 Эта рѣчка невеличка,
 Съ берегами наровняхъ.

3.

Выйду я на улочку
 На широкую;
 Сяду на крылечко
 На раскрашенное.
 Сяду—посажу, словечко скажу,
 Словечко скажу,
 Потомъ слугамъ прикажу.
 Велю заложить
 Троечку легкихъ,
 Тройку коней легонькихъ,
 Всѣхъ вороныхъ лошадей.
 Сяду я, поѣду ко любезной въ гости.
 Подъѣзжаю близко къ дому—
 Ее дома нѣтъ,
 Дома нѣту разлюбезной,
 Ушла въ зеленъ садъ гулять.

4.

Молоденькій мальчикъ
 Молоду супругу
 До страсти любилъ.
 Какъ шелъ онъ на службу,
 Съ любовью сказалъ:
 „Жена моя, будь вѣрна!“
 „Вѣрна до могилы!“
 Сказала ему.
 Окончилъ срокъ службы,
 Поѣхалъ мальчикъ домой.
 Въѣхалъ онъ прямо
 Въ родительскій новый домъ.
 „Здравствуй, родитель!“
 „Здорово, моя семья!“

5.

Свѣтять мѣсяцъ, часты звѣзды,
 Свѣтитъ бѣлая заря,
 Просвѣщаетъ путь-дорожку—
 Вплоть до милой до двора.
 Сяжу я, мальчикъ, играю во гитару,
 Самъ себя я веселю.

Никто моего горя не знаетъ,
 Что я со милой расстаюсь.
 Никто насъ съ милой не разлучить,
 Что ни отецъ, ни мать родная.
 Только развѣ насъ съ милой разлучить
 Служба Бѣлаго царя.
 Служба Бѣлаго царя—царя—царя
 Насъ въ разлуку произвела.

6.

Ты взойди, взойди,
 Туча грозная!
 Ты пролей, пролей
 Частымъ дождичкомъ,
 Ты размой, размой
 Землян у тюрьму!
 Изъ тюремужки
 Братцы разбѣжались,
 Ко быстрой рѣчкѣ
 Сбиралися.
 Ужъ мы сдѣлаемъ, братцы,
 Легкую лодочку.
 Еще чѣмъ же мы лодку
 Разукрасимъ?
 Изукрасимъ тебя, лодку,
 Плисомъ, бархатомъ.

7.

Подымалися съ горъ туманы.
 Молоды казаки
 Не путемъ-то шли дорожкой,
 Назадъ оглянулись.
 Остаются у насъ дома
 Молодые жены,
 Остается конь вороный
 Съ препаратной сбруей,
 Съ чесеной уздою.
 Вздумалъ, вздумалъ нашъ полковни-
 Погуляти. чекъ
 Что со этого со горя
 Помирати.

Померъ, померъ нашъ полковничекъ
 Въ середу по утру,
 Въ самую въ обѣдню.

8.

Не дуйте, вѣтры буйные, не бушуйте!
 Не клоните вы лѣсъ—дубровушку
 Ко сырой землѣ!
 Не мѣшайте-ка мнѣ, добру молодцу,
 Мою думу думати.
 Я не годъ сижу, добрый молодець,
 И не недѣлюшку—
 Засаженъ я, сижу
 Тридцать лѣтъ.
 Всѣ дверюшки—веревушки
 Мохомъ заросли;
 Всѣ ключи-то, замки,
 Перержавѣли.
 Какъ голувушка у добра молодца
 На-у съѣдъ сѣда,
 А бородушка у добра молодца
 На-убѣлъ бѣла,
 Ровно бѣлый свѣгъ.

9.

Я на стулѣ посижу,
 Думу думаю:
 Еще какъ мнѣ жить на свѣтѣ
 Одинокому?
 Я пойду-то, схожу
 На широкій дворъ.
 Я поймаю-то коня,
 Коня вороного.
 Я помчусь, полечу
 Легче соловья
 Догоню, ворочу
 Свою молодость,
 Свою молодость,
 Дѣвью красоту,
 Дѣвью волюшку!

10.

Что на ворономъ на конѣ,
 Со сброей золоченой...
 Не жалко-то мнѣ коня,
 Не жалко-то сбруи.
 Растощнымъ-то мнѣ жалко
 Удалаго молодца,
 Удалаго, холостого,
 Обручальнаго кольца.
 Обручальное колечушко
 Въ синемъ моречкѣ лежитъ,
 Въ синемъ моречкѣ, на донышкѣ,
 На желтомъ песку,
 На горячемъ камушкѣ.
 Какъ сидитъ-то Марша, плачетъ—
 Понапрасну слезы лить!
 „Еще какъ-то мнѣ, Маршѣ, не плакать?
 „Еще какъ-то мнѣ слезы не лить?“

11.

Ужъ ты, воля моя, ты, волюшка!
 Довела ты дѣвку до неволи,
 До неволи ты меня, до худой славы!
 Се худой-то славой я горюшко за-
 мыкала,
 Вышла-то я млада не за ровнюшку,
 Не за ровнюшку-то я вышла, мужа
 старого.
 Ужъ какъ старый-то мужъ на рукѣ
 лежить,
 На рукѣ-то у меня лежить,
 Самъ въ глаза глядитъ;
 На рукѣ-то лежить,
 Самъ цѣловать хотить.
 Цѣловать-то его мнѣ не хочется,
 Животъ—сердценъко
 Къ нему не воротится.
 Цѣловать-то мнѣ охота
 Свою ровнюшку.

12.

Слушалъ, слушалъ, понималъ,
 Подъ кустомъ сидѣлъ, дремалъ.
 Изъ подъкустика пошелъ,
 Во высокъ теремъ зашелъ.
 Во высокомъ терему
 Сдвиговался атаманъ:
 Въ этомъ теремочкѣ
 Нѣту зеркала, картинъ
 Сдвиговался здѣсь одинъ.

13.

Ты, гулянице—воля моя!
 Гдѣ-то я не гуляю?
 Гдѣ я въ свѣтѣ не хожу?
 Своего-то я любезнаго
 На умѣ его держу,
 На умѣ его, на разумѣ,
 На своихъ крѣпкихъ мысляхъ,
 На своихъ-то на мысляхъ,
 Что было-то въ рукахъ счастьеце—
 Не могла его содержать.

В. ПѢСНИ, СОБРАННЫЯ В. П. ИВАНОВЫМЪ.

І. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Конь по берегу похаживаетъ,
 Конь головушкой помахиваетъ.
 На конѣ сидитъ удалой молодець
 Свѣтъ Василій Демьяновичъ.
 За собой онъ ведетъ красну дѣвицу—
 душу

Свѣтъ Прасковью Иванову,
 Онъ ведетъ, ведетъ, вострепываетъ.
 Съ потрепаныца бѣлы руки болятъ,
 Съ цѣлованья алы губы мяконьки.
 Вы раздайтесь, разгупитесь, люди,
 На всѣ на три—на четыре стороны!
 Гдѣ мы сойдемся близешенько,
 Мы поклонимся низешенько,
 Поцѣлуемся двѣнадцать разъ за разъ,
 Трое, двое со всѣмъ поѣздомъ.

2.

Не атласная ленточка
 Ко стѣнкѣ льнетъ,
 То Васенька Еленушку
 Къ сердцу жметъ.
 „Скажи, скажи, Еленушка,

„Всю правду свою
 „Воистинную:
 „Кто тебѣ, Еленушка,
 „Изъ роду милъ?“
 —„Миль-то, милешенекъ
 „Миленькій дружочекъ,
 „Свѣтъ Василій
 „Ивановичъ—душа!“

3.

Повились кудри, повились
 У удала добра молодца!
 Что не сами кудри вились,
 Не сами завивались:
 Завивала красна дѣвица-душа,
 На кроваткѣ сидючи,
 На камнушкахъ держючи,
 Ключевой водой умываючи,
 Красотой удивляючись:
 „Ты, удалый, добрый молодець,
 „Умѣлъ хорошо родитися—
 „Безъ бѣлилечекъ бѣлешенекъ,
 „Безъ румянъ, другъ, румянешенекъ;
 „Брови черны—расчерна соболя,

„Очи ясны—разъясна соксла,
 „Что рѣсницы остистаго бобра“.
 (Вариантъ записанной мною свадебной
 пѣсни № 4.)

4.

Какъ по саду-садоуку,
 По зелену винограднику,
 Тутъ ходиль гуляль молодець
 Свѣтъ Филиппъ Алексѣвичъ.
 Онъ чесаль буйную головушку
 Дорогимъ рымскимъ (?) гребешкомъ,
 Онъ чесаль, приговариваль:
 „Прилегайте, русы кудри,
 „Къ моему лицу бѣлому,
 „Къ моему ко румяному!
 „Привыкай, красна дѣвица,
 „Свѣтъ Прасковья Егоровна,
 „Къ моему уму-разуму,
 „Ко обычью молодецкому,
 „Ко ндраву молодецкому!“
 — „Ужъ знать-то, мнѣ, младешенькѣ,
 „Спѣси-гордости убавити,
 „Уму-разуму прибавити;
 „Голову держать поклонливо;
 „Чужого отца звать батюшкой,
 „Чужую мать звать матушкой;
 „Величать дружка милаго
 „Филиппъ Алексѣвичъ!“

4.

Когда-то была малѣнька,
 Умомъ-разумомъ глупѣнька,
 Я во люлечкѣ качалась,
 Во пеленочки пеленалась.
 Подходилъ-то ко мнѣ родимый ба-
 тюшка,

Бралъ меня во бѣлы руки.
 Ужъ онъ бралъ-то, металлъ,
 Приговариваль:
 „Ты, дите-ли, мое дитятко,
 „Ты, дите-ли, чадо милое!
 „Не отдамъ-то я тебя, мое дитятко,
 „Ни за князя-ли, ни за боярина,
 „Ни за того-лятебя кунца торговаго!
 „Посажу-то я тебя во зеленый садъ,
 „Во зеленый садъ, подъ яблони,
 „Обложу-то я тебя цвѣтами лазоревыми
 „Оболью-то я тебя сытою медвяною!“
 Теперь-то, мой родимый батюшка,
 Измѣнилъ ты свое слово ласково:
 Посадилъ ты меня за дубовый столъ;
 Обсадилъ ты меня любезными под-
 ружками,
 Облилъ ты меня горячими слезами.
 Я спала-то, млада, высыпалася,
 Я ждала-то, млада, дожидалася
 Отъ батюшки-то побужденьяца,
 Отъ матушки покликаньяца,
 Отъ братца-то слова ласкова,
 Отъ сестрицы-то ключевой воды,
 Отъ невѣстухи-то полотеника.
 Любезныя мои подруженьки,
 Какъ придетъ къ вамъ весна красная,
 Наипаче-то того лѣто теплое,
 Какъ пойдете-то вы въ боръ по ягоды,
 Не увидите-ли гдѣ вы мою дѣвью красоту?
 Не сидятъ-ли гдѣ подъ кустичкомъ,
 Не умывается-ли горячими слезьма?
 Возьмите вы ее на бѣлы руки,
 Привнесите-ка ко родимой матушкѣ,
 Посадите-ка на окошечко.

II. ОБЫЧНЫЯ ПѢСНИ—УЛИЧНЫЯ, ХОРОВОДНЫЯ И ПР.

1.

Изъ тѣхъ лѣсовъ дремучихъ
 Разбойнички идутъ,

Въ рукахъ своихъ могучихъ
 Носилочки везуть.
 Носилки не простыя:

Изъ ружьевъ сложены,
 Поперегъ же ихъ стальные
 Мечи положены.
 Какъ на этихъ на носилкахъ
 Разбойничекъ лежить.
 Ужъ онъ весь окровавленный,
 Изъ раны кровь бѣжитъ;
 Что изъ раны кровь бѣжала
 По русымъ волосамъ.
 Его мѣдная кольчуга
 Вся изрублена лежить;
 Золотыя эполеты
 Оборваны висятъ;
 У него даянный шестиствольный
 За поясомъ торчитъ.
 Понесли его товарищи
 По темнымъ по лѣсамъ,
 Выносили на долину,
 Сказали: „братцы, стой!“
 Всѣ мы ружья побросали
 На землю съ мертвецомъ.
 „Вы давайте поскорѣе
 „Могилу братцу рыть!“
 Ужъ мы вырыли могилу,
 Зарыли мертвеца.
 Посередь этой могилы
 Молились на востокъ,
 Мы молились, распростылись
 Всѣ вмѣстѣ вшестеромъ.
 „Ты прощай-ка, нашъ товарищъ,
 „Прощай, нашъ атаманъ!
 „Какъ теперь не видаться
 „Вѣкъ вѣчный намъ съ тобой!“

2.

Закаталось красно солнцѣ
 За темные лѣса.
 Всѣ-то пташки приуныли,
 Ихъ не слышно было ни одной.
 Одна пташка-канарейка

Не могла-то она гнѣздышко сыскать.
 Подъ деревцомъ было, подъ вершинкой
 Нова хижинка стоять.
 Въ этой-то во хижинкѣ
 Солдатская женушка живетъ.
 Подъ окошкомъ бѣдная сидитъ,
 Нервнюшку-мужа къ себѣ ждетъ.
 Какъ по питерской да по дороженькѣ
 Два нервнюшки тамъ братца идутъ.
 Какъ одинъ-то нервнюшка моло-
 денкій,

Другой—очень пожилой—
 Сѣдиной-то головушка покрыта,
 Грудь завѣшана крестами.
 Заходили они въ маленькую деревеньку
 Просились ночку ночевать
 „Ты, любезная наша хозяйюшка,
 „Пусти ночку ночевать!“
 —„Вы, любезные мои солдатюшки,
 „Всю вамъ правдушку я расскажу:
 „Три дня хату я не топила,
 „Не варила для васъ ничего“.
 —„Ты, любезная наша хозяйюшка,
 „Намъ не нужно твоего ничего—
 „У насъ сухарики-то насушены,
 „Въ манерочкахъ водка есть“.
 Заходили въ маленькую избушечку
 Они, молились своимъ образамъ.
 „Ты, любезная наша хозяйюшка,
 „Подойди къ намъ поближе сюда.
 „Ты сними-ка съ меня черну шляпу,
 „Погляди-ка, что въ шляпѣ есть:
 „Во шляпѣ-то розовый платочекъ
 „Завязанъ въ узелокъ,
 „Какъ во этомъ-то узелочкѣ
 „Золотое-то кольцо“.

3.

Яблонька ночная
 Непокрыта расцвѣла.

Свѣтъ княгинька молодая
 Съ княземъ въ теремѣ жила.
 Какъ у князя былъ Ванютка,
 Кудреватый молодой...
 Ваня—ключникъ, злой разлучникъ,
 Разлучаль мужа съ женой.
 Онъ не даривалъ княгиньку
 Онъ ни златомъ, ни серебромъ,
 Только даривалъ княгиньку—
 Видъ по правому плечу.
 Какъ къ дѣтинукѣ прильнула,
 Какъ сорочка ко плечу,—
 Цѣловала, миловала,
 Подносила чару пить,
 Спотаечкомъ спать уклала,
 Спать на князеву постель.
 По извѣстнымъ наговоркамъ
 Князь узналъ ея вину.
 Князь, узнавши, догадавшись,
 Взялъ княгинюшку подъ ключъ.
 „Ужь вы, слуги моя, слуги,
 „Слуги вѣрные мои!
 „Вы сходите, приведите
 „Ваню ключника сюда“.
 Какъ ведутъ слуги Ванюшу,
 У Вани кудри вѣтромъ вьетъ.
 Привели Ваню ко князю,
 Князь сталъ спрашивать его:
 „Ты скажи-ка, братъ Ванютка,
 „Сколько лѣтъ съ княгиней жилъ?“
 —„Про то вѣдаетъ подушка
 „И пуховая постель!“
 —„Ужь вы, слуги мои, слуги,
 „Слуги вѣрные мои!
 „Вы повѣсьте-ка Ванютку
 „Во шелкову во петлю“.
 Ваню вѣтерцомъ качаетъ,
 Какъ былинку на межѣ—
 Размолоденька княгинька
 Помираетъ на пожѣ.

4.

Изъ-подъ Томскаго, изъ-подъ Тобольскаго
 Лежала тутъ дорожка.
 По дорожкѣ по ирбитской
 Бѣжала повозка.
 Во повозочкѣ, во кибиточкѣ
 Сидѣлъ тамъ молодчикъ-молодецъ.
 Закручинился, запечалился,
 Облился слезами,
 Во слезахъ добрый молодецъ
 Словечушко молвилъ:
 „Жиль я съ батюшкой,
 „Жиль я съ матушкой,—
 „Жиль я на досадѣ;
 „Жиль я въ родѣ племени,—
 „Жиль я на прохладѣ;
 „Жиль я у красной дѣвицы-душечки,—
 „Жиль я на забавѣ“.
 Не ясенъ-то соколъ со тепла гнѣзда
 солетаетъ,
 Добрый молодецъ-то со квартирки до-
 лой съѣзжаетъ.
 Никто-то меня, добра молодца,
 Никто-то меня не провожаетъ.
 Провожаютъ меня, добра молодца,
 Все люди чужіе,
 Приближенные сосѣдунки,
 Все красныя дѣвицы.
 Я со всѣми-то, добрый молодецъ,
 Со всѣми распростился,
 Съ одною душечкой—красной дѣвицей,
 Съ одною не простился.
 Со пути я, со дороженьки
 Назадъ воротился.
 Онъ подѣ кутное подѣ окѣшечко
 Къ стѣнкѣ становился,
 Раскамышевой своей тросточкой
 Въ стѣнку колотился.
 „Ужь ты спишь-ли, Дуня?

„Спи, Господь съ тобою!
 „Ты не спишь-ли, Дуня,
 „Говори со мною!“
 — „Ужь я спать-ли не сплю,
 „Говорить не смѣю:
 „Что не миль да постылъ
 „Залегъ праву ручку;
 „На рукѣ-то лежить,
 „Во глаза глядять,
 „Во глаза глядять,
 „Цѣловать вѣдить“.

5.

Ужь горе мое, горе великое!
 Никому-же мое горе не извѣстно.
 Хоть извѣстно мое горечко
 Сердцу болѣзнию;
 Призакрыто мое горечко
 Бѣлюю грудью;
 Запечатаны-то уста сахарны
 Думой крѣпкой;
 Призаплаканы-то очи ясны
 Все слезами.
 Во слезахъ-то я дружка просила,
 Рѣчи говорила:
 „Ужь ты, миленькій ты дружочекъ,
 „Сердечный, куда собираешься?
 „Въ которую путь-дорожку,
 „Въ Красноярско?
 „На кого ты меня, милый, покидаешь?
 „Если лучше кого полюбишь,
 „Меня позабудешь.
 „Если хуже меня полюбишь,
 „Меня помянешь.
 „Вспомянешь меня, мой другъ сер-
 дечный,
 „Самъ слезно сплачешь,
 „Слезно сплачешь ты, мой другъ сер-
 дечный,
 „Да не воротишь!“

6.

Ты не тки-ка, дѣвчонка,
 Тонко, бѣло полотно. } Двѣжды.
 Ой, да ты не шей, моя красотка }
 Шитый, браный положокъ } Двѣжды.
 Во твоёмъ пологу }
 Не сыпать мнѣ, молодцу. } Двѣжды.
 Мнѣ сыпать не сыпать }
 Въ легкой лодкѣ на водѣ. } Двѣжды.
 Ой, да мнѣ твоего тѣла бѣлаго }
 Не трепывати, } Двѣжды.
 Мнѣ устовъ твоихъ сахарныхъ }
 Не цѣловывати. } Двѣжды.
 Ой, да цѣловать, не цѣловать }
 Волгу—матужку рѣку. } Двѣжды.
 Ой, да со пути друга ворочу, }
 Душу съ тѣломъ разлучу. } Двѣжды.
 Ой, да съ твоего тѣла бѣлаго }
 Пирожковъ я налеку, } Двѣжды.
 Со твоей крови горячей }
 Пиво пьяное сварю, } Двѣжды.
 Со твоихъ крупныхъ костей }
 Кровать нову намошу, } Двѣжды.
 Со твоихъ ясныхъ очей }
 Пивныхъ чашекъ наточу. } Двѣжды.
 Всѣхъ любимѣйшихъ подружекъ }
 Къ себѣ въ гости созову. } Двѣжды.
 Созову своихъ подружекъ, }
 Поподчиваю; } Двѣжды.
 Я поподчиваю, } Двѣжды.
 Имъ загадку загану: }
 Я на миленькомъ сажу, } Двѣжды.
 Я на милаго гляжу, }
 Милымъ подчиваю,
 Милымъ подчиваю.
 Ой, да одна-то подруженька }
 Сдогадалася: } Двѣжды.
 „Ужь ты, . . . , моя подруженька }
 „Зарубила молодца.“ } Двѣжды.

7.

Полюбил парень дѣвчонку—
 Она чѣмъ лучше меня?
 Лицомъ-то бѣлымъ не бѣлѣе,
 Щечкомъ алымъ не алѣе;
 Только тѣмъ покрасивѣе—
 На ней платьѣ поцвѣтиѣ.
 На ней платьице цвѣтное,
 Всѣ уборы дорогіе,
 Позументы золотые,
 Позументы золотые,
 Они даромъ дарены,
 Изъ Ирбати присланы.
 Я со этого со горя
 Пойду въ зеленъ садъ гулять.
 Я нарою, накопаю
 Злыхъ кореньевъ на лугу.
 Я пойду-то, схожу, младенька,
 На Дунай—быстру рѣку,
 Я вымою коренья
 Бѣлымъ на-бѣло, бѣло;
 Ужъ я высушу коренья
 Сухимъ на-сухо, сухо.
 Растолку эти коренья,
 Мелко на-мелко столку.
 Я сварю эти коренья,
 Въ меду—патоку сварю.
 Я своего любезнаго
 Дружка въ гости созову.
 Я подамъ любезному
 Стаканъ зѣлена вина.
 Ужъ какъ мой-то разлюбезный
 За бѣлыя рука бралъ.
 „Ты сумѣла, лиходѣйка,
 „Опять и окормить—
 „Ты сумѣй-ка, лиходѣйка,
 „Тѣло бѣло схоронить!“

8.

Проходи, мое скучно, времячко,

Проходи поскорѣй!
 Всѣ часы до минуточки,
 До разминуточки люты дни!
 Подъ окошечкомъ Машенька сидѣла.
 Бѣдна плачетъ да во слезахъ рѣчи
 говорить:

„Знаю, знаю
 „За кого страдаю—
 „Знать, за милаго,
 „За своего дружка!“
 Сохнетъ, блекнетъ въ полечкѣ тра-
 вынька,
 Спосыхаетъ трава безъ дождя.
 Когда дождичкомъ травяньку помо-
 чить.

Корешки въ травѣ отдохнуть.
 Я со этого со горя
 Пойду въ темны во лѣса.
 Ничего въ лѣсочкѣ не видно,
 Ничего въ темномъ не слышать.
 Только слышно было, видно,
 Быстра рѣченька шумить.
 По той рѣченькѣ по быстрой
 Плыветъ стадо лебедей.
 Всѣ лебедушки попарно,
 Одна лебедь безъ пары;
 Всѣ дѣвочки съ милыми дружками,
 Одна я, млада, одна.

9.

На серебряныхъ волнахъ,
 На златыхъ песочкахъ
 Давно съ дѣвой молодой
 Растерялъ слѣдочки.
 Тамъ слѣдковъ знакомыхъ нѣтъ,
 Нѣтъ и не бывало.
 Я люблю ее душой,
 Она измѣнила.
 Подулъ буйный ветерокъ,
 Море всколебалось;

Во мнѣ сердце обмерло,
 Я, млада, спугалась.
 Во сіянской (?) сторонѣ
 Колоколь раздался:
 Везутъ милую мою
 Со другимъ вѣнчаться.
 Гдѣ увижу Божій храмъ,
 Я туда стрѣлю.
 Захожу я въ Божій храмъ,
 Гляжу по народу:
 Водятъ милую мою
 Въ вѣнцахъ вокругъ наоя.
 Подойду-ка я къ иконѣ
 Со святой мольбою:
 „Создай, Боже, имъ совѣтъ,
 „Мнѣ любовь иную!“

10.

Сѣлъ казакъ на коня,
 Шевельнулъ уздю,
 Тронулъ шпорой подѣ бока:
 „Лети, конь, стрѣлю!
 Ты лети, мой добрый конь,
 Лети, торопись!“
 Прямо любочки моей
 Конь мой становился.
 Свернулся казакъ со коня,
 Заводилъ въ ограду,
 Что къ столбу дубовому,
 Къ кольцу золотому.
 Заходилъ казакъ въ свѣтлицу,
 Бралъ въ руки скрипицу,
 Бралъ, бралъ въ руки скрипицу,
 Разбужалъ дѣвицу:
 „Ты встань-кося, дѣвица,
 „Встань, пробудися
 „Отъ пріятнаго сна!
 „Встань, поднимися,
 „Со мной улыбнися!“

11.

Брала, брала
 Дѣвка воду,
 Коню наливала.
 Не пьетъ конь водицы,
 Дороженьку чуетъ.
 Чуяль, чуяль
 Конь дорожку,
 Гдѣ казакъ ночуетъ.
 Ночеваль казаченекъ
 Въ полѣ, при долинь.
 Что во полюшкѣ,
 При долинушкѣ,
 Подъ бѣлой березой,
 Подъ горькой осиной
 Стлалъ казакъ постелю.
 Стлалъ, стлалъ казаченекъ
 Мучку (?) пуховую,
 Потнички подѣ бочка,
 Сѣдельце въ изголовье.
 Спи, другъ, на здоровье
 Ночку на покоѣ!

12.

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ,
 Призащуривъ очи—
 Такъ и видно, что, онъ, бѣдный,
 Варениковъ хоче!
 Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
 Сталъ женку пытати:
 „Хозяюшка, голубушка,
 „Свари мнѣ инъ—то, чу!“
 —„Что, чего тебѣ зварити?“
 „Бери тѣсто,
 „Бери творогъ—
 „Тутъ выходятъ пироги“.
 Сталу женушка жидати,
 Въ барабанъ играти.
 Заторгачилъ барабанъ.
 Пошелъ москаль зъ хаты,

Пошелъ бѣдный москалечекъ,
 Съ голоду сердитый
 Подбѣгаетъ ко ученью,
 Стали его бити.
 Біють, біють москалюку,
 Вину вспоминають, —
 Его „пирого, варенички“
 Тайно называютъ.

13.

Тамъ люди живутъ,
 Ровно макъ, цвѣтутъ,
 А я, молода,
 Ровно вяла трава,
 Куда ни пойду,
 Тутъ и паду.
 Съ кѣмъ сведу совѣтъ,
 Ни въ комъ правды нѣтъ.
 Ты воспой, воспой,
 Мой соловьюшекъ,
 Ты воспой весной
 На прогалинкѣ!
 Ты подай голосъ
 Черезъ темный лѣсъ,
 Въ Москву каменну!
 Въ крѣпость крѣпкую
 Засаженъ-то сидѣль
 Добрый молодець.
 Онъ по году-то сидѣль,
 Онъ по два года,
 Ужъ какъ высидѣль
 Ровно девять лѣтъ.
 На десятый годъ
 Сталь письмо писать
 Въ свою родину,
 Въ свою родину,
 Къ отцу, къ матери.
 Отець съ матерью
 Не призналися,
 Не призналися,

Отказалися:
 „Еще что у насъ
 „Въ роду не было
 „Ни воровъ въ роду,
 „Ни разбойничковъ“.
 Я пойду съ горя
 Въ монастырь гулять,
 Съ монахами жить,
 Съ монахами служить.
 Я тамъ выстрою
 Келью новую;
 Я вырублю въ кельѣ
 Три окошечка—
 Первое окно
 Въ чисто поле,
 А второе окно
 Въ сине море,
 А третье окно
 Во зеленый садъ.

14.

Возлѣ бережку
 Дунаю-Дунаю
 Перевозъ Дуна
 Дѣржала-дѣржала.
 Въ рошѣ калина моя,
 Въ темномъ невидимо
 Соловьюшки пѣсни поютъ!
 Пришелъ къ Дунаѣ
 Батюшка-батюшка:
 „Перевези меня,
 „Дунюшка-дунюшка,
 „Дочка моя!“
 Въ рошѣ калина моя, и т. д.
 „Я тебя, батюшка,
 „Нѣ узнала, нѣ узнала,
 „Перевозчиковъ
 „Нѣ наняла, нѣ наняла“.
 Въ рошѣ калина моя, и т. д.
 Пришелъ къ Дунаѣ

Ванюшка-Ванюшка:
 „Перевези меня,
 „Дунюшка, Дунюшка,
 „Лапа моя!“
 Въ роцѣ калина моя, и т. д.
 „Я тебя, Ванюшка,
 „Узнала-узнала,
 „Перевозчиковъ
 „Наняла, наняла!
 Въ роцѣ калина моя, и т. д.

15.

Какъ изъ полечка-то,
 Поля чистаго,
 Изъ раздольца,
 Поля широкаго
 Тутъ ходиль-то, гуляль
 Развороный добрый конь.
 Трое сучочекъ-то
 Конь, не ѣвши, былъ,
 Всю недѣлюшку-то
 Онъ не поенъ стоялъ;
 Расчеркацко-то сѣдло
 На бокъ сбиль;
 Тесьмяну то уздечку
 Онъ все прерваль;
 Расшелковъ-то поводъ
 Онъ въ грязь стопталь.
 Подбѣгаль-то мой конь
 Вдоль по улочкѣ,
 Вдоль по улочкѣ
 Къ проѣзжему-то переулочку.
 У купца-то было у богатаго
 Случилось-то горе—несчастье,
 Что большое то у него безвременье:
 Какъ жена-то мужа испотребила,
 Испотребила мужа, зарѣзала.
 На ножъ-то сердечко вынула.
 На ножъ-то сердце вострепенулося—
 Расхуда-то жена усмѣхнулася.

16.

Въ Петербургѣ жилъ Ванюха,
 Неженатый—холостой.
 Онъ не зналъ, въ кого спроситься,
 Кромѣ тятки своего.
 „Позволь, тятенька, жениться,
 „Позволь взять, кого люблю“.
 Отецъ ему не повѣрилъ,
 Что на свѣтѣ есть любовь:
 „Ну, на свѣтѣ дѣвокъ много,
 „Можно всѣхъ равно любить“.
 Повернулся онъ, заплакалъ,
 Онъ словечка не сказалъ.
 Взялъ онъ шашку—лиходѣйку,
 Пошелъ къ Любочкѣ своей,
 Стукнулъ, брякнулъ во колечко:
 „Выйди, Люба, на крыльцо!“
 Знать, Любаша не слыхала
 И не вышла на крыльцо,
 На крылечушко не вышла,
 Не дала въ руки кольцо.
 Взялъ я шашку—лиходѣйку,
 Пошелъ въ рожицу гуляль,
 Я по рожицѣ гуляль,
 Споразилъ я самъ себя.
 Покатилася головка
 Прямо къ Любушкѣ въ садокъ,
 Его русыя кудерцы
 Прямо къ Любочкѣ въ окно;
 Голубые его глазки
 Прямо къ солнышку глядятъ,
 Дорогія его письма
 Прямо къ Любѣ въ садъ летять.
 Люба по саду гуляла,
 Стала письма разбирать.
 Гдѣ читала, тутъ упала,
 Жизнь кончалася, любовь.
 „Ты умѣла, расканалья,
 „Меня до вѣку любить,
 „Такъ умѣй же, расканалья,

„Тѣло бѣло схоронить!
 „Схорони ты тѣло бѣло
 „Между трехъ большихъ дорогъ,
 „Между Питерской, Московской
 „И Сибирской столбовой!

17.

Выходило изъ Сенату
 Про рекрутскій про наборъ.
 Пишетъ, пишетъ намъ родитель,
 Чтобы шли дѣти домой.
 Всѣ три братца собрался,
 Вдоль по улочкѣ прошли,
 Вдоль по улочкѣ прошли,
 На почтовый дворъ зашли.
 Взяли троечку лхую,
 Съ нами кучеръ молодой.
 Тройка скачетъ,
 Ямщикъ пляшетъ
 Съ новобранымъ рекрутомъ,
 Съ новобранымъ, со злосчастнымъ,
 Со несчастнымъ ѣздокомъ.
 Близъ къ деревнѣ подѣзжали,
 Умывались слезьми.
 Мы въ деревню заѣзжали,
 Тутъ отцовскій домъ стоялъ.
 Мы ко дому подѣзжали,
 Братцевъ некому встрѣчать.
 Мы во домикъ заходили:
 Лежить мать наша мертва;

Примѣчаніе. Пѣсни, записанныя г. Ивановымъ, поются также и въ посѣщенныхъ мною волостяхъ почти всѣ, кромѣ свадебныхъ, которыя замѣняются, какъ уже сказано, пѣснями, помѣщенными въ статьѣ о риддерцахъ. Здѣсь изъ собранныхъ мною пѣсень и причитаній помѣщены только тѣ, которыхъ нѣтъ ни въ спискѣ г. Иванова, ни въ моей прежней статьѣ. Изъ произведеній письменной поэзіи я слышала только пѣніе стиховъ Никитина: „Весело сіяетъ мѣсяцъ надъ селомъ“ въ с. Староалейскомъ.

Наши рѣдныя сестрацы
 Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
 Всѣ по лавкамъ, по прилавкамъ,
 Съ нами ничего не говорятъ,
 Только тужать, говорить,
 Что уливаются слезьми.

18.

Ужъ ты, молодость, моя молодость,
 Красота ты моя, бодрость молодецкая!
 Ты когда, молодость, прошла, прокатилася?
 Ты—днемъ съ огнемъ, было поздно вечеромъ,
 Препоздымъ-поздо, было при сумеречкахъ?
 Ты во матушку прошла во глухую полночь,
 Во полночь темную, ноченьку осеннюю,
 На разсвѣтикѣ свѣту бѣлаго,
 На восходикѣ солнца яснаго.
 Солнце ясное, дѣвка красная,
 Дѣвка красная, безопасная,
 Не за умъ дѣвка спохваталася,
 Со рекрутчикомъ жить связалася.
 У рекрутчика денегъ нѣту-ка,
 У наемничка денегъ множество,
 Денегъ множество, гулять есть на что,
 Гулять есть на что, гулять весело.